

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 5

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 5

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград, Россия)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 5

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrso.ru

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYŮNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)
- K. MYKLEBOST**
Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Черняева Н. Г. Комическое у С. Довлатова (взгляд фольклориста) . . .	64
ЯЗЫКОЗНАНИЕ			
Соснина Л. В. Особенности функционирования причастий в со- ставе универбализационных композитов	8	К 60-летию А. В. Пигина	
		Мороз А. Б. Старообрядческий сборник духовных стихов и вы- писок из с. Троица Каргопольского района: состав, структура, идеология.	75
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ			
Иванова Т. Г. Из текстологических заметок о произведениях фольклора (право на конъектуру и правила конь- ектуры).	14	Рыжова Е. А. К проблеме жанровой интеракции: севернорус- ские агиографические памятники о явленных иконах и святых	85
Алтынбаева Г. М. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына как эстетическое кредо писателя	20	Соболева А. Е. «Сия вирши изложенныя до читателя» в Житии прп. Александра Свирского XVIII века	97
Шилова Н. Л. Медиаобраз острова Кизи в советских журналах 1950–1960-х годов: к постановке вопроса	26	Юбилей	
		Лойтер С. М. К 60-летию А. В. Пигина	105
Память			
Научный семинар «К 100-летию И. П. Лупановой»			
Марковская Е. Ф. Время и люди первой половины XX века: семья Лупановых	33	Тарланов З. К. Профессор Л. В. Савельева: штрихи научной де- ятельности (К 85-летию со дня рождения)	109
Вигерина Л. И. Оппозиция «город / деревня» в «Задуманных рас- сказах» П. В. Засодимского	41	Рецензии	
Сафрон Е. А. Особенности поэтики цикла С. Нурдквиста о Пет- соне и Финдусе	49	Кюришнуова И. А., Гусева Е. Р. Рец. на кн.: «Слова старинные». Словарь пижем- ца Леонида Фёдоровича Соловьёва	118
Филимончик С. Н. Российский университет середины XX века как коммуникационное пространство в книге И. П. Лу- пановой «Минувшее проходит предо мною»	54	Научная информация	
		Шарапенкова Н. Г., Васильева С. В. III Национальная научно-практическая конфе- ренция «Компаративистика на современном эта- пе: теория и практика»	123
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкознание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 30.06.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 81

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор ПетрГУ
А. Е. Кунильский

Andrey E. Kunil'skiy,
Editorial Council Member
Dr. Sc. (Philology), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Пятый выпуск журнала посвящен изучению проблем филологии. В нем представлены статьи по языкознанию, литературоведению, фольклористике, а также по истории науки, авторы которых работают как в вузах, так и в академических учреждениях. Среди них филологи и представители других научных дисциплин (биологии, истории). Как всегда, широка география авторов: в выпуске публикуются работы ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Сыктывкара, Петрозаводска, Дербента, Донецка (Донецкая Народная Республика), Варны (Болгария).

Данный номер может быть назван «именным», так как большая часть материалов касается деятельности выдающихся ученых. Специальный раздел в журнале связан с 60-летием профессора Александра Валерьевича Пигина – известного специалиста по древнерусской и современной русской рукописной книжности, старообрядческой культуре, русскому фольклору и этнографии. Его коллеги чествуют ученого статьями, в которых разрабатывается близкая юбиляру проблематика на материале севернорусских памятников. Плодотворной деятельности А. В. Пигина посвящена статья профессора С. М. Лойтер. Редакция журнала поздравляет юбиляра и желает ему новых творческих успехов!

В выпуске публикуются выступления участников научного семинара «К 100-летию И. П. Лупановой», который состоялся в Петрозаводском университете 26 октября 2021 года. Ирина Петровна Лупанова (1921–2003) – петрозаводчанка, выпускница Ленинградского университета, профессор и заведующая кафедрой литературы нашего вуза, фольклорист и организатор петрозаводской школы изучения детской литературы. О ней с большой теплотой и уважением вспоминают ее коллеги и ученики.

Год назад не стало профессора Лидии Владимировны Савельевой (1937–2021). О ее вкладе в отечественное языкознание говорится в статье профессора З. К. Тарланова.

В номере также можно найти информацию о новой книге – толковом диалектном словаре Л. Ф. Соловьёва «Слова старинные» и III Национальной научно-практической конференции «Компаративистика на современном этапе: теория и практика» (ПетрГУ, 18 ноября 2021 года).

ЛЮДМИЛА ВАСИЛЬЕВНА СОСНИНА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета

Донецкий национальный университет (Донецк, Донецкая Народная Республика)

ORCID 0000-0002-9823-5152; ludmilasosnina@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЧАСТИЙ В СОСТАВЕ УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫХ КОМПОЗИТОВ

А н н о т а ц и я . Проблема переходности частей речи всегда находилась в центре внимания ученых-лингвистов. Своеобразие причастия как части речи заключается в его двойственной грамматической природе и способности сочетать в себе признаки глагола и имени прилагательного. Универбализационные композиты представляют собой сложные наименования, значение которых тождественно производящему словосочетанию. Целью статьи является описание ономаσιологических и структурных моделей универбализационных композитов, содержащих причастие как компонент. Актуальность исследования определяется существованием множественных направлений изучения значения причастий, а также сложностью разграничения всех композитов, в состав которых входят причастия. Новизна работы заключается в том, что впервые предпринята попытка описания именно универбализационных композитов в структурном и ономаσιологическом аспектах. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из интернет-источников и Национального корпуса русского языка. По результатам исследования установлено, что заявленные номинативные единицы реализуются в пределах двух ономаσιологических базисов, а именно «действие» и «состояние»; отмечены пять ономаσιологических признаков – дистрибутив, объект, статус, трансгрессив, фактитив. В структурном отношении универбализационные композиты представлены сочетанием причастий с именами существительными и прилагательными. Описание композитов в структурном аспекте позволяет определить две разновидности конструкций, в состав которых входит причастие, при этом их различие состоит только в числовой характеристике зависимого имени. Перспективы научного поиска видятся нам в изучении деривационных композитов и единиц квазикомпозитопостроения, в структуру которых могут входить причастия.

К л ю ч е в ы е с л о в а : причастие, композит, универбализация, деривация, атрибут, ономаσιологический базис

Д л я ц и т и р о в а н и я : Соснина Л. В. Особенности функционирования причастий в составе универбализационных композитов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.779

ВВЕДЕНИЕ

Вопросами перехода частей речи из одной в другую в разное время занимались В. В. Виноградов [4], М. Докулил [15], Е. С. Кубрякова [9], [10], Л. А. Вараксин [3], В. И. Теркулов [14]. Термин *транспозиция* является наименее определенным в современной лингвистике и порождает множественные научные подходы к разграничению словообразовательных процессов. Изучая особенности межкатегоральной деривации, которая «не влечет за собой никаких синтаксических последствий» [9: 152], Е. С. Кубрякова усматривает в ней явление синтаксической деривации, которая является частным случаем транспозиции. Она справедливо замечает, что «подавляющее большинство процессов

словообразования в разных языках носит характер транспозиции, то есть осуществляется между разными частями речи» [10: 342].

Развивая теорию переходности частей речи, современные лингвисты отмечают особый характер причастных форм и считают их основным отличительным свойством синкретичное категориальное значение, в котором сочетаются значения действия и признака предмета. В этой связи уместно обратиться к истории изучения данной проблемы. Как совершенно справедливо замечает В. М. Алпатов, наибольшее значение для развития лингвистики имела так называемая теория о формах языка, автором которой является Ф. Ф. Фортунатов. Фортунатова интересовало прежде всего не деление тек-

ста на слова (оно предполагалось известным), а определение свойств уже выделенных единиц, и главным здесь было впервые разработанное ученым понятие формы слова [1: 10]. Напомним, что части речи, согласно концепции Ф. Ф. Фортунатова, – это классы слов, различающиеся по значению, по способности сочетаться с другими словами в предложении и выполнять определенные синтаксические функции. Ученый рассматривал части речи как чисто формальные классы слов, выделяя полные, то есть самостоятельные слова, имеющие формы словоизменения, и слова, не имеющие такой формы. Причастие же, являющееся предметом нашего исследования, относится к прилагательному, деепричастие и инфинитив попадают в одну категорию с наречиями, то есть категорию слов, не имеющих ни словообразования, ни словоизменения. Данная теория была весьма спорной, поэтому имела как последователей, так и ярых противников; нас она интересует исключительно в той части, где описываются причастия.

УНИВЕРБАЛИЗАЦИОННЫЕ КОМПОЗИТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРНЫЙ И ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Обратимся к предмету нашего исследования. Актуальность работы определяется существованием множественных подходов к изучению категориального значения причастий, а также сложностью разграничения тех композитов, в состав которых входят причастия. Целью данной статьи является описание ономасиологических и структурных моделей универбализационных композитов, содержащих причастие как компонент.

В современном русском языке причастия выступают в качестве зависимого слова в атрибутивном словосочетании. В «Русской грамматике» (1980) дается следующее определение:

«Причастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и прилагательного, т. е. значение действия и собственно определительное» [12: 665].

В. В. Бабайцева отмечает особый характер причастных форм и считает основным отличительным свойством причастий «их синкретичное категориальное значение: в нем сочетаются значения действия и признака предмета» [2: 324]. И. К. Сазонова выделяет глагольные, стативные и адъективные значения причастий. Наиболее близки именам прилагательным причастия с адъективной семантикой, в то же время ученый признает их мотивированность глагольными зна-

чениями, они «не выходят за рамки глагольной семантической зоны»¹.

Вопросам адъективации причастий посвящены работы Ю. П. Князева, Л. П. Калакуцкой, И. В. Замятиной, А. Ю. Голубевой, О. М. Акай [5]. Исследователи сходятся во мнении, что «конечный результат адъективации – приобретение причастиями адъективных значений (цветущий сад)», когда у причастий появляются формы качественных прилагательных: степени сравнения, возможность образования наречий на -о, -е; действительные причастия оказываются способными к образованию кратких предикативных форм; причастия могут иметь антонимы; иногда адъективные значения имеют относительный характер – *ведущие актеры, мнимый больной* [7: 6–7].

В. В. Виноградов не употребляет термин «адъективация», осторожно заменяя его формой «окачествление» («развитие качественных значений», «насыщение качественными оттенками», «качественно-прилагательное значение»). Исследователь определяет страдательные причастия как те единицы, в которых процесс «окачествления» пошел дальше всего, формы прошедшего времени «гораздо больше поддаются качественным изменениям и гораздо ближе к прилагательным, чем причастия настоящего времени на -мый» [4: 225]. Подвергая сомнению связь страдательных причастий прошедшего времени с глагольной основой инфинитива, он указывает, что

«полная форма причастий на -нный, -тый является очень сложным гибридным словесным образованием. Качественные значения в большей части таких причастных форм явно преобладают» [4: 229].

Современные исследователи полагают, что адъективация причастий может рассматриваться как качественный признак лица

«по совершаемому им действию на базе мотивирующего действительного причастия настоящего времени с приобретением причастием переносного лексического значения и утратой им функций грамматических категорий»².

По мнению И. В. Замятиной, «двойственная природа полной причастной формы проявляется в любой характерной для нее синтаксической позиции» и даже в позиции «согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного» [6: 121]. Двойственная семантическая природа проявляется у причастия в позиции синтаксического актанта, особенно если речь идет о субстантивированных причастиях. Напомним, что в классификации частей речи, предложенной В. И. Теркуловым с учетом ономасиологического подхода, при-

частия относятся к атрибутам актанта [14: 326]. Важно отметить, что причастные словосочетания в адъективной функции частично теряют процессуальные семы и актуализируют признаковые. И. В. Замятина справедливо считает, что

«причастие – уникальная форма: с одной стороны, оно имеет способность управлять падежными формами имен, с другой – причастие в структуре предложения играет роль атрибута, занимает синтаксическую позицию определения, реализуя тем самым способность согласовываться с именем существительным»³.

На своеобразие системы грамматических категорий причастия указывают и другие современные лингвисты, заявляя о его гибридной грамматической природе и тяготении к двум полюсам – глаголу и имени [8: 135].

Предметом нашего исследования являются причастия в составе сложных образований. Мы придерживаемся такой научной концепции (В. И. Теркулов, Л. В. Соснина), согласно которой все сложные имена прилагательные реализуются в пределах трех основных направлений – универбализационные композиты, деривационные композиты и единицы квазикомпозитостроения, все они описываются с учетом основных положений композитостроения и ономасиологии. Полагаем, что ономасиологический подход к изучению языковых единиц предполагает «наличие связи между номинацией и объектами действительности» [13: 4]. М. Докулил предложил следующую характеристику семантической структуры слова с позиций ономасиологического подхода:

«Явление, которое должно быть названо, всегда включается в определенный понятийный класс... а затем в рамках этого класса оно определяется некоторым признаком; понятийный класс входит в ономасиологическую структуру понятия как определяемое (ономасиологический базис), а признак как определяющее (ономасиологический признак)» [15: 196].

Деривационный потенциал любой языковой единицы лучше всего раскрывается и оценивается в пределах ономасиологического класса, который объединяет однотипные номинатемы для обозначения однотипных же реалий окружающего мира. Основные положения теории композитологии позволяют нам трактовать универбализационные композиты как номинативные единицы, значение которых полностью совпадает со значением производящего словосочетания, например: *синеглазый – с синими глазами, однотомный – в одном томе, болеутоляющий – утоляющий боль*.

Все универбализационные композиты могут быть рассмотрены в пределах трех ономасиологических классов. Модели, содержащие

причастия, реализуются в пределах ономасиологического класса «характеристика предмета, процесса, явления». Ономасиологическая модель традиционно включает в себя ономасиологический базис и ономасиологический признак.

Полагаем, что универбализационные композиты, которые содержат причастия, могут анализироваться в двух аспектах – структурном и ономасиологическом. Результаты нашего исследования показали, что заявленные номинативные единицы реализуются в пределах двух ономасиологических базисов, а именно «действие» и «состояние». Ономасиологический базис «действие» может быть описан как базис, в котором основная составляющая указывает на одноразовое, мгновенное действие, являющееся фокусом номинации. Фиксируем следующие модели:

действие + трансгрессив, например, *понижающий жар / жаропонижающий*:

понижающие жар препараты (<http://udoktora.net/>); *Сейчас известно, что хинная корка кроме хинина содержит жаропонижающий алкалоид цинхонин* (В. Прозоровский. Диалог с Ганеманом // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

действие + дистрибутив, например, *сосущий кровь / кровесосущий*:

Сергей слушал молча, опустив голову на руки в изнеможении, а Матвей Иванович весь оживлялся, шевелился, как паук, сосущий кровь из мухи (Д. С. Мережковский. Александр Первый (1922); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Гораздо больше беспокойства могут причинить кровесосущие насекомые – слепни, оводы, комары и мухи* (<http://www.superstyle.ru/>);

действие + фактив, например, *записывающий звук / звукозаписывающий, охлаждаемый водой / водоохлаждаемый*:

За эти годы сменился не один звукозаписывающий носитель (Наталья Соловьева. Музыкальная коллекция // «Нефтяник» (Пермь), 2003.06.01; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Любительская киносъемочная аппаратура, записывающая звук на магнитную дорожку, в СССР не выпускалась* (<https://ru.wikipedia.org/wiki>); *Сингапурская дизайн студия Wallflower Architecture + Design представила дом, охлаждаемый водой. Этот дом расположен недалеко от дороги и надежно скрыт густыми деревьями* (http://nnm.me/blogs/gus7/dom_ohlazhdaemyu_vodoy_ot_studii_wallflower); *Американские инженеры применяли для охлаждения медный водоохлаждаемый кристаллизатор* (И. Демонис. Во все лопатки // «Наука и жизнь», 2007; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru);

действие + объект, например, *утоляющий боль / болеутоляющий*:

Вывод очевиден: любой *опиум, утоляющий боль, ведет к привыканию* (<http://blog.stiff.ru/2009/07/vtoraja-statja-berrouza.html>); *Иногда глаза становились мутными, гасли с похмелья. Мама не разрешала давать болеутоляющий опиум. Только ром* (Валериан Скворцов.

Сингапурский квартет (2001); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru);

действие + финитив, например, *добывающий рыбу / рыбодобывающий*:

Есть подводный охотник, а есть просто человек, добывающий рыбу с помощью подводного снаряжения (<http://forum.spearfishing.org.ua/index.php?topic=28.310;wap2>); *До 1992 г. Калининградская область имела один из самых мощных рыбодобывающих флотов в бывшем СССР* (<http://knigi.link/regionalnaya-ekonomika/rybopromyishlennyiy-kompleks.html>);

действие + медиатив, например, *спасаемый Богом / богоспасаемый, дышащий огнем / огнедышащий*:

Да, Россия – страна, спасаемая богом. Это правда (<http://sztufar.ru/node/379>); *Наши доселе богоспасаемый городок постигла участь... окропиться кровью людей, до сих пор так или иначе эксплуатировавших трудящихся...* (Жизнеописание протоиерея Павла Петровича Заболотского (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.07.26; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru); *Только представьте, температура лавы колеблется от 500 до 1200 градусов Цельсия! Этот дышащий огнем поток слизнет как корова языком, никто и не заметит* (<http://www.pravda.ru/photo/album/21696/#&gid=1&pid=7>); *Когда уснувшая огнедышащая гора просыпалась, вода, ил, лава сносили все на своем пути* (События недели, 14.01.2014);

Ономасиологический базис «состояние» указывает на положение объекта, предмета или лица и является результатом действия. Отмечаем следующие модели:

состояние + объект, например, *быстрого действия / быстродействующий*:

Многие противники оппозиции рассчитывали, что принимаются законы прямого, а главное – **быстрого действия**, поэтому сегодня они немного разочарованы (2012: год фиктивных перемен // «Русский репортер», 2012; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru); *Причем этот инструмент – гораздо более гибкий и быстродействующий, чем изменения в бюджетноналоговой политике (за которую в ответе Минфин)* (Алексей Ефимов. Молчание финансистов // «Независимая газета», 2003.03.31; Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru);

состояние + статус, например, *рожденный мертвым / мертворожденный*:

Рожденный мертвым недоношенный ребенок начал проявлять признаки жизни после того, как его мать подержала его в руках (<http://pozitivchik.info/2010/09/>); *Беззвучно орал благим матом их мертворожденный сын* (Максим Тихомиров. Национальная демография (2014); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru);

состояние + квалитатив, например, *содержащий азот / азотсодержащий*:

Они обнаружили, что от молекул глутаминовой кислоты в клетках отщепляется аминокислота – фрагмент, *содержащий азот* (О. Поляновский. В лабиринте химических превращений // «Химия и жизнь», 1967); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru); *При добывании желтого железисто-синеродистого калия, для которого расплавляют азотсо-*

держащий животный уголь вместе с поташем и железом, образуется множество дурнопахнущих и даже ядовитых газов и паров, как-то: углекислый аммиак, сероводород, азотсодержащие органические щелочи и т. п. (Ф. Ф. Эрисман. Профессиональная гигиена (1871–1908)); Национальный корпус русского языка; www.ruscorgpora.ru).

Структурный аспект изучения композитов позволяет определить две разновидности конструкций, в состав которых входит причастие, при этом их различие состоит только в числовой характеристике зависимого имени – причастие + имя существительное в единственном или множественном числе, например:

утоляющий боль / болеутоляющий: *Они всю ночь бодрствуют; вслух, не торопясь и по частям читают Коран; при этом глубоко грустят, в этом чтении обретают спасительный бальзам, утоляющий боль* (<http://www.halifat.info/>); *Ученые оценивали болеутоляющий эффект от просмотра фотографий с любимыми людьми по степени нагрева термостимулятора* (<http://tramadola.net/interesnye-fakty>);

печатающий билеты / билетопечатающий: *Аппарат, печатающий билеты в кинотеатре, присвоил приставкой номер 666 на всех билетах фильма Мела Гибсона* (<http://uucys.ru/passion/47>); *Пассажиры, отправляющиеся пригородными электропоездами, смогут оплачивать покупку билета в билетопечатающем автомате* (<http://www.kioskssoft.ru/tags/news/>);

суживающий сосуды / сосудосуживающий: *Авторы заключили, что почка вырабатывает суживающий сосуды белок* (http://www.rmj.ru/articles_8477.htm); *Открытие ренина и механизма его сосудосуживающего действия представляет большой клинический интерес* (http://www.medin.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=789&Itemid=317c).

Фиксируем также конструкции с зависимым атрибутом, которые могут быть описаны формулой причастие + прилагательное, например:

рожденный свободным / свободнорожденный: *Рожденный свободным, юноша недолго терпел неволю и, когда бежал, домой решил не возвращаться* (<http://cthulhuhammer.mybb.ru/>); *Альтернативой диктатуре общества, диктатуре личности и диктатуре системы, я вижу только общество свободнорожденных системных социальных эгоистов* (<http://www.sunhome.ru/philosophy>).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в русском языке атрибутивная функция частей речи реализуется простыми и сложными конструкциями. Атрибутивные конструкции представляют собой номинативный комплекс, сохраняющий достаточную независимость по отношению к предложению в целом. Синтаксической моделью для реализации атрибутивных отношений между предметом и признаком выступают сочетания «причастие

+ существительное» (*тепловыделяющий элемент – выделяющий тепло элемент*). В структурном отношении универбализационные композиты, являющиеся предметом нашего исследования, представлены сочетанием причастий с именами существительными и прилагательными. В статье мы рассмотрели девять ономазиологических моделей указанных номинативных единиц, содержащих два ономазиоло-

гических базиса и восемь ономазиологических признаков. В структурном отношении композиты представлены двумя разновидностями конструкций: «причастие + существительное» и «причастие + прилагательное». Перспективы научного поиска видятся нам в изучении деривационных композитов и единиц квазикомпозитостроения, в структуру которых входят причастия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сазонова И. К. Семантический фактор в формировании вторичного лексического значения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975. 27 с.

² Замятина И. В. Грамматика русского причастия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 34 с.

³ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532
2. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. М., 2000. 640 с.
3. Вараксин Л. А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. Вып. 1. С. 143–147.
4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 720 с.
5. Голубева А. Ю., Акай О. М. Адъективация и адвербиализация как способы словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11-2 (77). С. 60–62.
6. Замятина И. В., Сызранова Г. Ю. Семантическая природа причастных форм: глагольность, адъективность, субстантивность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2013. № 3 (27). С. 118–127.
7. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 227 с.
8. Котов А. А., Мухина Е. А. Проблемные зоны русской грамматики в аспекте преподавания русского языка как иностранного: русское причастие // Вестник Череповецкого государственного университета, 2019. № 5 (92). С. 135–145. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-10
9. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 109–172.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
11. Резунова М. В. К проблеме переходности в языках // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 116–120.
12. Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
13. Соснина Л. В. Типология ономазиологических моделей прилагательных-композитов русского языка // Филологические науки. 2020. № 6-1. С. 3–9. DOI: 10.20339/PhS.6-20/003
14. Теркулов В. И. Об основах гештальтной классификации частей речи // Методология и история языкознания: Материалы Международной научно-практической конференции (г. Славянск, 23–25 мая 2013 г.). Славянск, 2013. С. 325–328.
15. Dokulil M. Tvorení slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha: CAV, 1962. 263 s.

Поступила в редакцию 24.11.2021; принята к публикации 20.05.2022

Original article

Lyudmila V. Sosnina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Donetsk National University (Donetsk, Donetsk People's Republic)
ORCID 0000-0002-9823-5152; ludmilasosnina@gmail.com

PECULIARITIES OF PARTICIPLES' FUNCTIONING IN UNIVERBALIZATION COMPOSITES

Abstract. The problem of the parts of speech transitivity has always been in the center of linguists' attention. The peculiarity of the participle as a part of speech lies in its dual grammatical nature and ability to combine features of a verb and an adjective. Univerbalization composites are complex names, the meaning of which is identical to the derivative word combination. The aim of this article is to describe onomasiological and structural models of

univerbalization composites containing participle as a component. The relevance of the research is determined by the existence of multiple directions of studying the participles' meaning, as well as by the complexity of distinguishing all composites containing participles. The work originality is determined by the first attempt to describe univerbalization composites in the structural and onomasiological aspects. The material for the analysis was extracted by the method of continuous sampling from Internet sources and the National Corpus of the Russian language. It was established that the stated nominative units are realized within two onomasiological bases, namely "action" and "state"; five onomasiological features – distributive, object, status, transgressive and factitive – are observed. Structurally, univerbalization composites are represented by a combination of participles with nouns and adjectives. The description of composites in structural terms allows us to identify two varieties of constructions which include a participle, the only difference between them being the numerical characteristic of the dependent name. The future prospects of the scholarly research are seen in studying derivational composites and quasi-composite constructions, whose structure may include participles.

Key words: participle, composite, univerbalization, derivation, attribute, onomasiological basis

For citation: Sosnina, L. V. Peculiarities of participles' functioning in univerbalization composites. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.779

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. Fortunatov's school in Russian linguistics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):8–12. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532 (In Russ.)
2. Babaytseva, V. V. Transitivity phenomenon in the Russian language grammar: Monograph. Moscow, 2000. 640 p. (In Russ.)
3. Varaksin, L. A. Functions of word-formation in language and types of word-formation meanings. *Tyumen State University Bulletin*. 2011;1:143–147. (In Russ.)
4. Vinogradov, V. V. The Russian language: grammar teaching about the word. Moscow, 1972. 720 p. (In Russ.)
5. Golubeva, A. Yu., Akai, O. M. Adjectivization and adverbialization as ways of word formation. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017;11-2(77):60–62. (In Russ.)
6. Zamyatina, I. V., Syzranova, G. Yu. Semantic nature of participial forms: verbalization, adjectivation and substantivation. *University Proceedings. Volga Region. Humanities. Philology*. 2013;3(27):118–127. (In Russ.)
7. Kalakutskaya, L. P. Adjectivation of participles in the modern Russian language. Moscow, 1971. 227 p. (In Russ.)
8. Kotov, A. A., Mukhina, E. A. Problem zones of the Russian grammar in the aspect of teaching Russian as a foreign language: Russian participle. *Cherepovets State University Bulletin*. 2019;5(92):135–145. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-1 (In Russ.)
9. Kubryakova, E. S. The role of word-formation in the formation of the linguistic picture of the world. *The role of human factor in language. Language and picture of the world*. Moscow, 1988. P. 109–172. (In Russ.)
10. Kubryakova, E. S. Language and knowledge: on the way of acquiring knowledge about language: parts of speech from the cognitive point of view: the role of language in the cognition of the world. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
11. Rezunova, M. V. The problem of transitivity in languages. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008;23:116–120. (In Russ.)
12. Russian grammar: In 2 vols. (N. Yu. Shvedova, Ed.). Vol. 1. Moscow, 1980. 784 p. (In Russ.)
13. Sosnina, L. V. Typology of onomasiological models of Russian adjective composites. *Philological Sciences*. 2020;6-1:3–9. DOI: 10.20339/PhS.6-20/003 (In Russ.)
14. Terkulov, V. I. The basis of the gestalt classification of parts of speech. *Methodology and history of linguistics: Proceedings of the international research conference (Slavyansk, May 23–25, 2013)*. Slavyansk, 2013. P. 325–328. (In Russ.)
15. Dokulil, M. *Tvoreni slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*. Praha, 1962. 263 s.

Received: 24 November, 2021; accepted: 20 May, 2022

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской
академии наук (Санкт-Петербург, Российская Феде-
рация)
tgivanova@inbox.ru

ИЗ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ФОЛЬКЛОРА (право на конъектуру и правила конъектуры)

А н н о т а ц и я . Текстологические проблемы устно-поэтических произведений находятся в центре внимания отечественной фольклористики. В настоящее время в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН идет подготовка комментариев к томам серии «Былины» Свода русского фольклора, в которых важное место занимает текстологический аспект. В статье рассматривается одна из текстологических проблем фольклористики – право на конъектуру записанного (опубликованного) текста. Предлагается договориться в научном сообществе о правилах оформления конъектуры. На ряде примеров указывается на ошибки слуха, подстерегающие собирателей фольклора при записи (расшифровке) устно-поэтических произведений, и на ошибки прочтения архивных материалов. Примеры приводятся из былин, исторических, свадебных и лирических песен. Предлагаются конъектуры для некоторых былин из классических сборников П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Материалом послужили также записи известного советского писателя Федора Абрамова, опубликованные Е. И. Якубовской. Примеры, приведенные в статье, в очередной раз демонстрируют, что работа с архивной рукописью или републикация классических сборников фольклора должны быть аналитическими.

Ключевые слова: текстология фольклора, право на конъектуру, правила конъектуры, записи П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Ф. А. Абрамова

Для цитирования: Иванова Т. Г. Из текстологических заметок о произведениях фольклора (право на конъектуру и правила конъектуры) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 14–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.780

Отечественная фольклористика неоднократно обращалась к текстологическим проблемам устно-поэтических произведений. Текстологический аспект занимает важное место в комментариях к томам серии «Былины» Свода русского фольклора, готовящимся в настоящее время в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Осмысление различных текстологических проблем предлагается и в статьях сотрудников Пушкинского Дома, описывающих путь текста от архивной записи к публикации [2], [3], [11]. Мы хотели бы остановиться на одной текстологической проблеме – праве на конъектуру и правилах конъектуры.

Фольклористам прекрасно известно, что собирателей в «поле» очень часто подстерегают ошибки слуха. Записывающий неверно воспринимает ту или иную строку, воплощает свою ошибку в рукописи на бумаге, а затем и в публикации в книге. Очень люблю анекдотичный пример студенческой записи, которым со мной поделился видный былиновед Ю. А. Новиков.

Один из его студентов записал: «Подика, Степан, в Забайкалье» («По диким степям Забайкалья»). Подобного рода курьезы обсуждаются на одной из страничек в Интернете, где фольклористы делятся примерами анекдотических расшифровок с современных звуконосителей¹:

«На Бел-озере тоже исть хотят (= На Бел-озере-то жевать хотят)»; «Не ходи кобель кудрявый (= Не ходи-ко бел-кудрявой)»; «Меня ноне мама Нюшка бранила (= Меня ноне маманюшка бранила)»; «Что на вашу падополу (= Что нова шуба до полу)» и др.

Помимо ошибок слуха фольклорист, готовящий текст к изданию, сталкивается еще с ошибками прочтения, то есть в рукописи текст был записан правильно, но при публикации была допущена ошибка. Например, в былине каргопольского сказителя, вошедшего в науку как Калика из Красной Ляги (запись П. Н. Рыбникова) [10] (далее в тексте: Рыбн., с указанием номера текста и стихов), в сатирической версии темы «панорама Руси» [4] читаем:

Дубяные сарафаны по Онеге по реке;
 Обо<ссаны, сраны> подолаы по Моше по реке;
 Рипсоватые подолаы почезерочки;
 Рядные сарафаны кенозерочки;
 Пучеглазые молодки слобожаночки;
Толстобрюхие молодки лексимозерочки;
 Малошальский поп до солдатов добр
 (Рыбн., т. 2, № 194, ст. 162–168).

В этом фрагменте сатирическую характеристику получают жительницы Каргопольского края: с Почезера (почезерочки), с Кенозера (кенозерочки), из Ошевенской слободы (слобожаночки). Человек, не знающий топографию Каргопольского региона, не увидит далее ошибки, а она есть: «Толстобрюхие молодки *лексимозерочки*». П. А. Бессонов, работавший с рукописью П. Н. Рыбникова, находившегося в ссылке в Петрозаводске, неправильно прочел слово *лексимозерочки*, то есть жительницы Лекшмозера – озера, располагающегося к западу от главного водоема Каргопольского края озера Лаче и землеобразующей реки Онеги. Буква *ш* П. А. Бессоновым была прочитана как сочетание двух букв *си*.

Следующие примеры неверного прочтения рукописи взяты из сборника «Русская свадебная поэзия Сибири», составленного Р. П. Потаниной (Новосибирск, 1984). Среди прочего здесь имеются материалы дореволюционного собирателя А. А. Макаренко, хранящиеся ныне в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. В публикации берега для отпущения свадьбы читаем:

Пресвятая богородица
 Спасла и хранила,
 Золотой *невестиной*
 Ризой прикрыла (№ 40).

В рукописи же – «*нетленной ризою* прикрыла»².
 В приговоре дружки опубликовано:

Я есь дружка <...>
 Не так *рано* въезжал,
 Очень скоро *помешал* (№ 17).

В рукописи:

Я есь дружка <...>
 Не так *бежал*,
 Очень скоро *поспешал* (РО ИРЛИ, л. 19).

Естественно, при издании архивных материалов (равно как и при переиздании уже опубликованных текстов) в случаях, когда мы имеем дело с ошибками слуха или ошибками прочтения, встает вопрос о конъектуре. Сначала о праве на конъектуру. Общее правило таково – можно править собирателя, но никак не исполнителя. Однако это представление современной фольклористики. В первую половину XIX века, когда

любители народной песни видели в ней прежде всего отражение старины, повинным в неоправданной конъектуре оказался А. С. Пушкин. В 1824 году, находясь в Михайловской ссылке, он записал знаменитую историческую песню о «сынке» (разведчике) Степана Разина:

Он *штабам, офицерам* не кланяется,
 К астр<аханскому> *губернатору* под суд нейдет,
 Как увидел молодца *губернатор* со крыльца,
 Закричал он, *губернатор*, громким голосом своим...
 (РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 836, л. 51 об.).

Записав текст, поэт обратил внимание на исторический диссонанс: персонаж XVII века «сын» Степана Разина сталкивается с астраханским губернатором (административный чин XVIII столетия), что и заставило поэта зачеркнуть слово «губернатор» и заменить его на «воевода», равно как и «штабам, офицерам» – на «боярам государевым».

Он *боярам государевым* не кланяется,
 К астр<аханскому> *воеводе* под суд нейдет,
 Как увидел молодца *воевода* со крыльца,
 Закричал он, *воевода*, громким голосом своим...

Фольклористам, знающим о подобного рода процессах в лексике устно-поэтических текстов, названная правка, естественно, представляется неправомерной. Кстати, укажем, что А. Д. Соимонов, готовивший записи А. С. Пушкина к печати для тома «Песни, собранные писателями» [9: 183], по-видимому, руководствуясь литературоведческим принципом «последней авторской воли», публикует текст с авторской правкой поэта, в комментариях оговаривая исходное «штабы, офицеры» и «губернатор». Однако в случае с фольклорными записями принцип «последняя воля автора» оказывается несостоятельным. Первоначальный записанный текст является основным, а всякая редакция его на уровне смыслов современной фольклористикой не принимается. Вынуждены констатировать, что А. С. Пушкин с точки зрения фольклористики права на конъектуру не имел.

Если исправление «губернатора» на «воеводу» с позиций современных текстологических представлений фольклористики абсолютно не оправдано, то следующие примеры не столь однозначны. Приведем пример, где конъектура, на наш взгляд, будет абсолютно оправданной. В былинах И. П. Сивцева (Поромского) из Кенозера в записи А. Ф. Гильфердинга [8] (далее в тексте: Гильф., с указанием номера текста и стихов) читаем:

Из-за гор-то было из-за высоких,
 Из-за лесу-то было лесу темнаго,
 Да повышла, повышла-повыкатила

Да широкая-та матушка быстра Волга́ река,
 Да широка-та Волга под Казань прошла,
 Да пошире подале под Ва́сторокань.
 Да широкий перевоз под Новы́м-городом,
 Темные леса Смоленские,
 Да тихие плеса́-то Чижарицкие.
 Да места шла ровно три тысячи,
 Да рек и ручьёв брала сметы нет,
 Да выпала во́ море Каспийское (Гильф., т. 3,
 № 222, ст. 1–12).

В строке «Да места шла ровно три тысячи», без сомнения, нужна конъектура: «До места шла ровно три тысячи», то есть Волга «до места» (до устья) шла «ровно три тысячи» верст. Произносительные нормы (общерусское произношение предлога *до* как *да*) и последующие две строки, начинающиеся частицей «да» («Да рек и ручьёв брала сметы нет, / Да выпала во́ море Каспийское»), в данном случае сыграли плохую шутку с собирателем (А. Ф. Гильфердингом).

Приведем еще один пример, в котором наше право на конъектуру кажется несомненным. В исторической песне о Щелкане Дудентьевиче сказителя И. М. Кропачева (Ивана Лядкова) из Кенозера читаем:

Ди-ди-ди Волга река́,
 Да широка-де мать река,
 Да под Казань подошла,
 Да пошире-то тово
 Была под Ва́стракань.
 Много Волга река в себя побрала́,
 Да поболе того ручьев ведь пожрала́
 (Гильф., т. 3, № 254, ст. 1–7).

Строка «Много Волга река в себя побрала́», мы считаем, должна быть понята как «Много Волга рек в себя побрала́» (ср. следующую строку: «Да поболе того ручьев ведь пожрала́»). Форма родительного падежа множественного числа «рек» в этой строке, возможно, имела огласовку, возникающую при пении и обозначающую при публикации обычно круглыми скобками – «рек(а)». Вопрос: имеет ли современный издатель право на подобного рода конъектуру в данном случае (то есть печатание «Много Волга рек(а) в себя побрала́») или же все названные рассуждения должны остаться исключительно в комментариях? Мы бы выбрали первый вариант ответа.

Имеются и более сложные случаи. Разберем еще один фрагмент былинного текста, требующий осмысления с точки зрения внесения или не внесения конъектуры. В процитированном отрывке с темой «панорама Руси» сказителя Калика из Красной Ляги есть строка «Малошальский поп до солдаток добр». Сравнение же этой строки из топоса «панорама Руси» с аналогичным топосом в «старшей» исторической песне «Гнев

Ивана Грозного на сына», записанной крестьянином-сбирателем И. А. Касьяновым, дает нам совершенно другой вариант: «поп до солдаток добр». И сразу же становится понятным ироническое отношение к местному попу, славящемуся своими любовными похождениями. Все тот же вопрос: имеет ли право современный издатель при переиздании вносить данную конъектуру или нет? Строка «Малошальский поп до солдаток добр» – это ошибка слуха сбирателя П. Н. Рыбникова (и тогда конъектура требуется) или же именно так пропел Калика из Красной Ляги (и тогда положительный ответ о конъектуре становится проблематичным)?

Кстати укажем, что названная нами историческая песня «Гнев Ивана Грозного на сына», записанная И. А. Касьяновым [5] (далее в тексте: ИП XIII–XVI, с указанием номера и стихов), также имеет строку, в которую просится конъектура:

А церковное пение в Москве-городе,
 А славной звон в Новгороде,
 Сладкие напитки в Питербурге-городе,
 Тертые калачики Волдайские,
 Щелги и каменя в Северной стороне,
 А широкие подолы Олонецкие,
 Дубенья сарафаны по Онеге по реке,
 А обосранные сарафаны по Моше по реке,
 Рипсоватые подолы почезерочки,
 А рядные сарафаны кенозерочки,
 А пучеглазые молодки слобожаночки,
 Толстобрюхие молодки лекшмозерочки,
 А Молошадской поп до солдаток добр (ИП XIII–XVI, № 209, ст. 166–178).

«Молошадский поп» данного текста – это испорченное (неправильно пропетое? услышанное?) «малошальский». Малая Шальга – село, располагающееся на правом берегу р. Онеги (в стороне от реки). Строго говоря, не «малошальский», а «малошальгский (малошалгский) поп». И опять вопрос: имеем мы право исправлять «молошадский» или нет?

Еще пример. В одной из пудожских [1] (далее в тексте: Былины Пудоги, с указанием номера и стихов) былин на сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» сказительница повествование Олеси Поповича, добивающегося согласия Настасьи Микуличны на свадьбу, описывает следующим образом: «А Олешенька Попович, будто сук-то меледенский, / По над оконью поскакиват» (Былины Пудоги, № 128, ст. 61–62). Сравнение «будто сук-то меледенский» затрудняет восприятие текста. Обращение к другим пудожским вариантам проясняет эту формулу. На несостоявшейся свадьбе Добрыня упрекает князя Владимира за его роль в сватовстве: «А настоящая ты сукá меделень-

ская!» (Былины Пудог, № 91, ст. 391). Медеяны – порода собак (из группы догов), упоминаемая в русских письменных источниках с XV века. Медеяны держали на псарнях русских царей, они использовались в травлях медведей. Стоимость медеяны была сопоставима со стоимостью благородного скакуна. Считается, что название породы происходит от имени итальянского города Медиолан – так когда-то назывался Милан. Скорее всего, сказительница именно так и пропела: «А Олешенька Попович, будто *сук-то меледенский*, / По над оконую по-скакиват». Не зная, что такое *сука медеянская*, исполнительница искажает исконный образ этого фрагмента: «сука» превращается в «сук»; «меделенский» – в «меледенский». Очень соблазнительно исправить данный фрагмент и в тексте дать: «А Олешенька Попович, будто *сук<а>-то меледенская*, / По над оконую по-скакиват». Если бы прилагательное «меледенский» в исходном тексте было в женском роде, у нас бы не возникало никаких сомнений в праве на конъектуру. Но мужской род прилагательного не оставляет сомнений в том, как была пропета строка. Поэтому в тексте следует давать исходный текст и лишь в комментариях – наши рассуждения насчет «медеянской суки».

Обратимся к правилам конъектуры. Собственно говоря, правила конъектуры давно и четко сформулированы К. В. Чистовым. В 1963 году в докладе на заседании Эдиционно-текстологической комиссии V Международного съезда славистов ученый отмечал:

«...1) исправлять допустимо собирателя, издателя и только в самых редких и крайних случаях исполнителя (явные оговорки); 2) исправления любого рода могут вводиться только при убедительном научном обосновании, как правило, при сочетании разнородных показаний и 3) все исправления должны быть оговорены в специальном примечании, содержащем: а) исходный текст, б) доказательства его неисправности и в) обоснования способа исправления» [12: 40–41].

На практике выполнение этой, казалось бы, ясной триады нередко в той или иной мере нарушается. Обращусь к недавнему замечательному изданию – двум книгам, подготовленным сотрудником Фонограммархива Пушкинского Дома Е. И. Якубовской [6], [7]. Это записи (былина, исторические, рекрутские, свадебные, лирические песни и заговоры), сделанные в 1939 году Федором Александровичем Абрамовым (1920–1983), одним из самых честных писателей советского времени, автором тетралогии о Пряслиных («Братья и сестры», «Две зимы и три лета», «Пути-перепутья», «Дом»). В 1939 году девятнадцатилетний Федор Абрамов, уроженец д. Веркола на Пинеге, тогда студент Ленинградского уни-

верситета, на летних каникулах собирал песни на своей малой родине. Федор Абрамов, подчеркнем, был носителем пинежского диалекта, то есть речь своих земляков он слышал гораздо лучше, чем сторонний собиратель фольклора. Тем не менее в его песенных текстах, ныне хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (это беловые рукописи и машинописные копии)³, Е. И. Якубовская столкнулась с довольно большим числом мест, требующих конъектуры. Сказалась неопытность юного собирателя.

Приведем примеры из сборника «Культурное наследие Пинежья» [6]. В отдельных случаях Ф. А. Абрамов неправильно услышал или осмыслил ту или иную строку. Составитель сборников в большинстве случаев в песнях дает текст с учетом предложенной конъектуры, а в подстрочных примечаниях указывает исходный текст, то есть фольклористка реализует модель конъектуры, предложенную К. В. Чистовым. Так, в тексте № 72 песни «Дуня, Дуня Дуня, / веселая голова» Ф. А. Абрамов записал: «Сорвем с травоньки цветок, / *С помуравоньки алой*». Е. И. Якубовская справедливо исправляет вторую строку: «*С-по муравоньки алой*», указывая в подстрочных примечаниях исходное написание. В тексте № 105 песни «Ой, що же ты, моя церемушка» (сюжет «Дочка-пташка») в рукописи у Федора Абрамова дано: «Ох, и не у нас то ле есть да во садыцьке / *Да златажса*-птиця да поет»; конъектура, оформленная по всем правилам: «*Да зла-та жа* птиця да поет».

Приходилось Е. И. Якубовской, готовя записи Федора Абрамова к печати, встречаться и с более сложными случаями, требующими конъектуры. В рукописи песни № 78 «Соловьишко примилый» было записано: «Сашу взамуж, / Лёли, лёли Сашу взамуж» – одно слово (конечное) здесь явно пропущено, что следует из ритмики строк. В машинописной копии (напомним, они также хранятся в Пушкинском Доме) без комментариев восстановлено: «Сашу взамуж *выдали*». Составитель сборника на основании других вариантов песни предлагает: «Сашу взамуж *<отдают>*, / Лёли, лёли Сашу взамуж *<отдают>*», поставив слово «отдают» в угловые скобки и дав соответствующий комментарий в примечаниях. Думаю, что с этой конъектурой вполне можно согласиться.

Правда, отметим, что в некоторых случаях издатель нарушает правила конъектуры. Заметив фрагмент, требующий конъектуры, Е. И. Якубовская печатает исходный текст и лишь в примечаниях указывает на необходимость конъектуры. Так, в песне № 84 «Чижик-пыжик, воропыжик» в рукописи имеем: «Чижик-пыжик, воропыжик / *С поулоньки скачет-плежсет*». Составитель сборника справедливо в песенном тексте предлага-

ет: «С-по улоньки скачет-плежет», давая исходный текст в примечании. На прямую конъектуру слова «плежет» Е. И. Якубовская не решилась. Она оставляет в тексте «плежет», приводя в примечании: «Нужно: *пляшет*». Этот случай представляется нам спорным. Мы бы, например, соответствующую конъектуру сделали и для слова «плежет». Полагаем, перед нами типичная ошибка слуха.

В рукописном варианте уже названной песни № 78 «Соловьишко примилый» читаем: «Еще *моет* любезной / Он для девок ласков был»; в издании опять-таки с соблюдением всех правил внесена конъектура: «Еще *мой-от* любезной», а в примечании дан исходный текст. Но в тексте № 99 плясовой песни «Уж вы, сени мои, сени» в аналогичном случае составительница почему-то нарушает правила конъектуры: в тексте песни дает исходное написание, а в примечании – исправный текст: «*Моем* миленький остался за рекой» (в тексте); «*Моем* – здесь: мой-от» (примечание). Такая непоследовательность в подаче конъектур вызывает досаду.

Отметим также, что иногда составитель проходит мимо случаев, когда необходимо ввести исправления в текст. Так, в сборнике «Материнское наследство» [7] в публикации текста № 2 рекрутской песни «Що-то во нонешном да во годи» читаем: «*Ицет* как нам да не рыдати: / Наши-ти дома опустели». Полагаем, что исправное чтение должно быть: «*Ице-т<о>* как нам да не рыдати».

В тексте № 41 свадебной песни «Тут и шла-та протекала река серебряная» (в том же сборнике

«Материнское наследство») дано: «Буйны ветры дуют под *нафатку* мою, под *нафатку* мою». Слово «нафатка», естественно, заставляет читателя задаться вопросом. Ответы в такого рода случаях всегда следует искать не только в песенном контексте данной песни, но и в песенной традиции региона в целом. Сравнение с текстом № 46 «Не лань пробежала» из свадебного репертуара матери собирателя позволяет осмыслить «нафатку» как «фатку», то есть фату, головное покрывало невесты. В песне № 46 читаем: «Уж я *фатку* на грядку, / Да башмачки под кроватку» (то есть фату / головное покрывало кладу на подпотолочную полку избы – на грядку). Соответственно строка, на которую мы обратили внимание, должна читаться: «Буйны ветры дуют *под-на фатку* мою, *под-на фатку* мою».

Материал, предложенный в нашей заметке, в очередной раз демонстрирует, что работа с архивной рукописью должна быть аналитической. Повторим вслед за Л. И. Петровой:

«Некритическое, буквальное воспроизведение в публикации зафиксированного “с пения” фольклорного текста далеко не всегда адекватно отражает сам этот текст. Необходимо постоянно иметь в виду, что мы публикуем не рукопись собирателя, а пытаемся восстановить по этой рукописи реально звучавший фольклорный текст» [11: 114].

Итак, право на конъектуру у публикатора есть, более того – это не только право, но и обязанность издателя. Оформление же конъектуры (правила конъектуры) должно быть единообразным для всех участников фольклористического сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ https://vk.com/topic-4393110_7243524 (ВКонтакте. Фольклористические байки: фольклор и этнография фольклористов и этнографов).

² Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, р. V, кол. 119, п. 21, ед. хр. 12, л. 16. Далее на архивные материалы ссылка в тексте статьи.

³ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, р. V, кол. 165, п. 1, ед. хр. 1–25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Былины Пудогы / Изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина и др. СПб.: Наука; М.: Классика, 2013. (Свод русского фольклора: Былины; Т. 16.)
2. Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л.: Наука, 1991. Т. 26. С. 54–68.
3. Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Л.: Наука, 1991. Т. 26. С. 5–21.
4. Иванова Т. Г. Тема «панорама Руси» в русских былинах // Русская классика: Сб. ст. к 85-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Николая Николаевича Скатова. СПб.: Росток, 2017. С. 45–70.
5. Исторические песни XIII–XVI веков / Изд. подгот. Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 696 с.
6. Культурное наследие Пинежья: Фольклор Пинежского края, записанный Федором Абрамовым в 1939 году / Изд. подгот. Е. И. Якубовская. Архангельск: Лоция, 2020. 263 с.
7. Материнское наследство: Фольклор Пинежского края, записанный Федором Абрамовым от Степаниды Павловны Абрамовой в 1939 году / Изд. подгот. Е. И. Якубовская. Архангельск: Лоция, 2019. 87 с.
8. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 3. 670 с.

9. Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М.: Наука, 1968. 679 с. (Литературное наследство; Т. 79).
10. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подгот. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск: Карелия, 1990. Т. 2. 640 с.
11. Петрова Л. И. «Со восточного содержания...»: Азы практической текстологии // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2016. Т. 35. С. 100–118.
12. Чистов К. В. Современные проблемы текстологии русского фольклора: Доклад на заседании Эditionно-текстологической комиссии V Междунар. съезда славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 46 с.

Поступила в редакцию 07.12.2021; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Tatiana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian
Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

FROM TEXTOLOGICAL NOTES ON FOLKLORE WORKS (right to conjecture and rules of conjecture)

Abstract. Textological problems of oral poetic works are in the center of attention of Russian folklore studies. At present, the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences is drafting a commentary on the volumes of the “Byliny” series of the Code of Russian Folklore, where the textological aspect occupies an important place. The article considers one of the textological problems of folklore studies: the right to the conjecture of a recorded (published) text. It is proposed to the scholarly community to agree on the rules of the conjecture. A number of examples are used to point out the mishearings that may happen when folklore collectors record (transcribe) oral poetic works, and errors that occur when reading archival materials. Examples are given from byliny and historical, wedding, and lyrical songs. Conjectures are offered for some byliny from the classic collections by P. N. Rybnikov and A. F. Hilferding. The research material also includes records of a famous Soviet writer Fyodor Abramov published by E. I. Yakubovskaya. The examples given in the article demonstrate once again that working with archival manuscripts or republishing classic folklore collections must be analytical.

Key words: folklore textology, right to conjecture, rules of conjecture, records by P. N. Rybnikov, A. F. Hilferding, F. A. Abramov

For citation: Ivanova, T. G. From textological notes on folklore works (right to conjecture and rules of conjecture). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):14–19. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.780

REFERENCES

1. Byliny of Pudoga. (M. N. Vlasova, V. I. Eremin, V. I. Zhekulin et al., Eds.). St. Petersburg, Moscow, 2013. (Collection of Russian Folklore: Byliny; Vol. 16). (In Russ.)
2. Eremina, V. I., Zhekulina, V. I. Practical textology of byliny. *Russian folklore: Problems of folklore textology*. Leningrad, 1991. Vol. 26. P. 54–68. (In Russ.)
3. Ivanova, T. G. Specificity of folklore textology. *Russian folklore: Problems of folklore textology*. Leningrad, 1991. Vol. 26. P. 5–21. (In Russ.)
4. Ivanova, T. G. Theme of the “Panorama of Russia” in Russian byliny. *Russian classics: Collected articles commemorating the 85th birthday and the 60th anniversary of research activity of Nikolai Nikolaevich Skatov, the corresponding member of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg, 2017. P. 45–70. (In Russ.)
5. Historical songs of the XIII–XVI centuries. (B. N. Putilov, B. M. Dobrovolsky, Eds.). Moscow, Leningrad, 1960. 696 p. (In Russ.)
6. The cultural heritage of the Pinega Region: Folklore of the Pinega Region Recorded by Fyodor Abramov in 1939. (E. I. Yakubovskaya, Ed.). Arkhangelsk, 2020. 263 p. (In Russ.)
7. Maternal heritage: Folklore of the Pinega Region recorded by Fyodor Abramov from Stepanida Pavlovna Abramova in 1939. (E. I. Yakubovskaya, Ed.). Arkhangelsk, 2019. 87 p. (In Russ.)
8. Onega byliny recorded by A. F. Hilferding in the summer of 1871. Moscow, Leningrad, 1951. Vol. 3. 670 p. (In Russ.)
9. Songs collected by writers: New materials from the archive of P. V. Kireevsky. Moscow, 1968. 679 p. (Literary Heritage; Vol. 79). (In Russ.)
10. Songs collected by P. N. Rybnikov. (A. P. Razumova, I. A. Razumova, T. S. Kurets, Eds.). Petrozavodsk, 1990. Vol. 2. 640 p. (In Russ.)
11. Petrova, L. I. “From the eastern content...”: The basics of practical textology. *Russian folklore: Materials and research*. St. Petersburg, 2016. Vol. 35. P. 100–118. (In Russ.)
12. Chistov, K. V. Current issues of the Russian folklore textology: Report before of the Editing and Textological Commission of the V International Congress of Slavists. Moscow, 1963. 46 p. (In Russ.)

Received: 7 December, 2021; accepted: 29 April, 2022

ГУЛЬНАРА МОНЕРОВНА АЛТЫНБАЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5168-7138; altynbaevagm@sgu.ru

«НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КРЕДО ПИСАТЕЛЯ

А н н о т а ц и я . Цель статьи – показать, что «Нобелевская лекция» (1972) А. И. Солженицына является эстетическим ключом к его творчеству. Новизна заключается в том, что впервые «Нобелевская лекция» рассматривается как центральное звено метатекста писателя. В работе проводится сопоставительный анализ «нобелевских» высказываний Солженицына, фрагментов его публицистических выступлений, дневника и художественных текстов, написанных до и после присуждения Нобелевской премии. Автор статьи, изучая эстетику Солженицына, показывает, как собственное «теоретическое» понимание стоящих перед литературой задач писатель применяет при оценке творчества других художников. Всемирность и субъективность солженицынских критериев неразделимы: художественный опыт писателя до и после «Нобелевской лекции» един в последовательном осуществлении заявленного кредо, многообразен, глубок, прогностичен эстетически и исторически. Материалом работы послужили публицистика, художественные тексты и дневник Солженицына. Проведенное исследование важно для понимания художественных принципов писателя, его метапоэтики и может помочь при изучении его феномена студентами, исследователями, рядовыми читателями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : А. И. Солженицын, «Нобелевская лекция», «Дневник Р-17», этика и эстетика писателя, метапоэтика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Алтынбаева Г. М. «Нобелевская лекция» А. И. Солженицына как эстетическое кредо писателя // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 20–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.781

ВВЕДЕНИЕ

В 1970 году Александру Исаевичу Солженицыну была присуждена Нобелевская премия по литературе «за нравственную силу, с которой он продолжает великую традицию русской литературы» [1: 192]. Описывая сложную ситуацию с процедурой получения Нобелевской премии, Солженицын в «очерках литературной жизни» признается: «Со мной торжество – не торжество, мученье – не мученье, но суматошная разработка потянулась два полных года»¹. Действительно, невозможность присутствовать на церемонии присуждения Нобелевской премии в Стокгольме дала возможность писателю обстоятельно продумать свою программную речь. Из «Дневника Р-17» мы узнаем, насколько детально готовился нобелевский текст, который писатель назвал кульминацией 50-летнего жизненного опыта:

«... лекцию разрешил себе уже второй десяток раз перечитывать и перечитывать – с перерывами, с оглаживанием

каждого слова и, где удастся, фонетики, – и чувствую: какая же получилась!» (запись от 20 декабря 1971 года)².

К весне 1972 года «Нобелевская лекция»³ была закончена и благодаря журналисту Стигу Фредриксону [6] переслана в Швецию для опубликования. И, спустя еще два года, только по причине высылки из СССР, 10 декабря 1974 года Солженицын лично получил Нобелевскую премию и произнес «Слово на Нобелевской церемонии», отметив важность награды:

«Она помогла мне не быть задавленному в жестоких преследованиях. Она помогла моему голосу быть услышанному там, где моих предшественников не слышали и не понимали десятилетиями. Она помогла произвести вовне меня такое, чего б я не осилил без нее»⁴.

Для Солженицына, на себе испытавшего трудности судьбы писателя («изгнанием оказавшись на Западе»), нобелевское мировое признание стало «пружинным подспорьем в <...> пересилке советской власти»⁵.

Хорошо зная судьбу русских писателей и историю русской литературы XX века, нобелевский лауреат Солженицын укоряет Нобелевскую академию в непризнании высшей награды русским писателям: «...пропустили по меньшей мере Чехова, Блока, Ахматову, Булгакова, Набокова. А в их осуществленном литературном списке – сколько уже теперь забытых имен!»⁶ Только мечта об «объективном высшем литературном мировом судилище»⁷ примиряет Солженицына со «счастливой идеей учредителя» Нобеля.

По признанию Солженицына, «Нобелевская лекция» содержит две основные линии идей, которые определили задачи его как писателя. Первая – нравственно-историческая (судьба России и мировые судьбы). Нобелевская кафедра стала самой высокой трибуной, с которой Солженицын передал «опыт от народа к народу», так как

«наша страна, Россия <...> была ввергнута в такие духовные переживания, в такие духовные тяготы и рост, что имеет сейчас опыт <...> передовой в мире» (Телеинтервью компании NBC. Программа «Встреча с прессой» (13 июля 1975))⁸.

Трагедия своего народа и ответственность за танки и кровь на улицах других стран – нравственная ответственность писателя:

«...писатель – не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, он – совиновник во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. И если танки его отечества залили кровью асфальт чужой столицы, – то бурные пятна навек зашлепали лицо писателя. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, – то на ладонях писателя синяки от той веревки. И если юные его сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдают наркотикам или хватают заложников, – то перемешивается это зловоние с дыханием писателя» (30).

Вторая линия, вытекающая из первой и становящаяся главной, – эстетическая. «Нобелевская лекция» – центральная работа Солженицына, в которой представлены ключевые составляющие его эстетических взглядов. В интервью писатель сказал, что в «Нобелевской лекции» он сформулировал принципы своего понимания «роли искусства, как оно может послужить современной жизни» (Телеинтервью японской компании NET-TOKYO (5 марта 1976))⁹, и того, что именно «художественная литература способна передавать чужой опыт» (Выступление по испанскому телевидению (20 марта 1976))¹⁰. Об *особой близости* этики и эстетики у Солженицына точно заметил П. С. Равич:

«...мы имеем перед собой случай, может быть единственный в наше время и редчайший в истории литера-

туры, где эстетика и этика сливаются воедино до того, что создают оригинальную и грандиозную сущность» [5: 133].

Именно эстетическая линия «Нобелевской лекции» является ключом к пониманию писательской позиции Солженицына.

* * *

Нобелевская премия Солженицыну – награда «писателю подневольной страны»¹¹. По его определению, эта премия увенчивает «многолетние усилия отдельных людей, еще укрепляя авторитет этих людей для их последующей деятельности» («Мир и насилие»)¹². Действительно, Солженицын не только заслужил ее, он должен был ее получить, чтобы привлечь внимание всего мира к темам, о которых писал. Именно поэтому он и не отказался от награды, несмотря на сильное давление со стороны советской власти. На нобелевской пресс-конференции, отвечая на вопрос шведского журналиста «о свободе писателя в капиталистическом обществе», Солженицын сказал, что настоящий писатель «всегда свободен, даже и в тюрьме» (Пресс-конференция в Стокгольме (12 декабря 1974))¹³.

На страницах «Дневника Р-17»¹⁴, который Солженицын вел во время работы над «повествованием в отмеренных сроках» «Красное Колесо», писатель часто размышляет о сложности задачи, которую он перед собой поставил в юности. К мыслям о том, как рассказать историю русской революции, добавляются размышления, касающиеся роли писателя-историка в современном ему мире. Часто у Солженицына возникают страхи и сомнения в способностях реализовать задуманное, потому что миссия писателя, согласно его нобелевским суждениям, в строгом сохранении «чувства устойчивой гармонии» (18) даже при извечной дисгармоничности мира, сложности современной разорванной души, непонятливости публики.

Высокую ответственность художника Солженицын связывает прежде всего с силой искусства, с его природой. В «Нобелевской лекции» говорится о великой объединяющей силе искусства: «Искусство растекает даже задохленную, затемненную душу к высокому духовному опыту» (18).

Вопрос о значении искусства и о его границах, которым открывается «Нобелевская лекция», включает такой аспект, как граница между искусством и игрой. И это одна из важнейших для Солженицына проблем. Возникает разговор задолго до «Нобелевской лекции», еще в ранних рассказах. Примером является спор героев рассказа

«Один день Ивана Денисовича» Цезаря Марковича и X-123 о фильме Эйзенштейна, когда старик – «каторжанин по приговору» – вдруг сердито восклицает: «Кривлянье! <...> Так много искусства, что уже и не искусство»¹⁵. В «Матрённом дворе» главная героиня, услышав по радио голос Шалапина, реагирует: «Чудно поют, не по-нашему. <...> Ладу не нашего. И голосом балует»¹⁶.

В «Нобелевской лекции» Солженицын обращает внимание на попытки заставить искусство соответствовать моде, ожиданиям «независимого духовного мира» (17). Спустя годы писатель назовет это неотставание «от требований класса» «всеобщим обмороком культуры», «игрой на струнах пустоты»¹⁷. А одной из причин этого пути искусства Солженицын считал идеологию. Так, герой двучастного рассказа «Абрикосовое варенье» Писатель (прототип – А. Н. Толстой) убежден, что задача современного писателя – архитектурно «создавать искусство мирового значения»¹⁸, при этом праздник искусства противопоставлен Писателем голой правде.

Не раз на протяжении творческого пути Солженицын дает объяснение природы художественного дара. Определение художника, предложенное Солженицыным в «Нобелевской лекции», безупречно, с нашей точки зрения, по форме и содержанию – «маленький подмастерье под небом Бога» (18). За этой формулой стоят две принципиальные задачи, которые искусство и действительность в XX веке ставили перед художником. Первая – «острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразие человеческого вклада в него – и остро передать это людям» (18). Вторая – нести «ответственность за все написанное, нарисованное, за воспринимающие души» (18). Среди героев Солженицына есть два типа художников, которые берут начало в гоголевском лирическом отступлении в VII главе поэмы «Мертвые души»: «счастливые писатели» и «непризнанные писатели».

Первые – Писатель («Абрикосовое варенье»), Галахов («В круге первом»), Авиета («Раковый корпус»).

«Мы представляем себе, что писатель – это сидит где-то там за облаками, бледный лоб, не подойди! А – ничего подобного. Всем радостям жизни они открыты, любят выпить, закусить, прокатиться – и все это в компании. Разыгрывают друг друга, да сколько смеха! Я бы сказала, они именно *весело* живут. А подходит время писать роман – замыкаются на даче, два-три месяца – и, пожалуйста, получите! Нет, я все усилия приложу, чтобы попасть в Союз!»¹⁹

Вторые – их оппоненты, но близкие автору. Это, конечно, эскизы из романа «В круге первом» – историк Нержин («Умный, добрый, бес-

предельно-честный писатель <...> спокойно и откровенно презирующий всякую ложь, взыскующий простоты, очень человечный, гениально-наивный...»²⁰) и художник Кондрашëв-Иванов («в магическом пятиугольнике, где все открывалось и создавалось, все пять вершин были заняты раз и навсегда: две вершины – рисунок и цвет <...> две вершины – мировое Добро и мировое Зло, а пятая – сам художник»²¹).

В «Дневнике Р-17» писатель-историк назван мостом, перекинутым между дореволюционной и советской Россией, мостом над пропастью советских лет, через который проходят история и вся сфера идей, чтобы они не были потеряны для будущего (см. запись от 02.10.1979 года)²².

Очень важно для понимания эстетики Солженицына знать его писательскую «шкалу оценок». В «Нобелевской лекции» говорится о том, что только искусство, литература как «единственный заменитель не пережитого нами опыта» способны совместить все оценки и тем самым «создать человечеству единую систему отсчета – для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого» (24). Искусству, литературе «дана чудесная способность: через различия языков, обычаев, общественного уклада переносить жизненный опыт от целой нации к целой нации» (25).

При этом и в публицистике, и в прозе писателем поднимается вопрос об ответственности искусства перед людьми и за разъединение. Пример – категоричность Солженицына по отношению к модернизму и постмодернизму. В «Ответном слове на присуждение литературной награды Американского Национального Клуба Искусств» (Нью-Йорк, 19 января 1993) он сказал:

«Сотрясательная революция, прежде чем взорваться на улицах Петрограда, взорвалась в литературно-художественных журналах петроградской богемы. Это – там мы услышали сперва и уничтожающие проклятия всему прошлому российскому и европейскому бытию, и отменение всяких нравственных законов и религий, призывы к сметению, низвержению, растоптанию всей предыдущей традиционной культуры, при самовосхвалении отчаянных новаторов, так и не успевших, однако, создать что-либо достойное»²³.

Солженицын показывает читателю «Красного Колеса», что символисты, их друзья, соратники, гости, осознавая, как под воздействием революции «нервно пульсировал шар Искусства»²⁴, и сами призывая «работать со сверхчеловеческой энергией»²⁵, чтобы «проявить себя с новой силой»²⁶, неосмотрительно соучаствовали в мировом зле. Историческая и нравственная оценка Солженицына непреклонна: они «прежде всего были обязаны перед Искусством, ибо, в конце

концов, его самостоятельный ход часто определяет и всю историю»²⁷.

Проблема ответственности неотделима в эстетике Солженицына от проблемы свободы художника. Личную точку зрения на права и обязанности художника Солженицын в «Нобелевской лекции» заявил так:

«Не будем попира́ть пра́ва художника выражать исключительно собственные переживания и самонаблюдения, пренебрегая всем, что делается в остальном мире. Не будем требовать от художника, – но укорить, но попросить, но позвать и поманить дозволено будет нам. Ведь <...> вместе с талантом положена ответственность на его свободную волю» (26–27).

Писатель выступает против всякого рода жестких ограничивающих рамок, но и против бесконтрольной свободы выражения, он за самоограничение.

В «Дневнике Р-17» рефреном звучит мотив ответственности писателя-историка перед читателем за выбранный им путь рассказать историю русской революции, восстановить связь между эпохами, воссоздать мир прошлого для мира настоящего. Неоднократны в «Дневнике Р-17» обращения к Богу и с благодарностью за чудесное состояние, самое прекрасное на свете, за дар писательства, и с просьбой дать силы выполнить задуманное: довести его до конца, не для себя, а ради справедливости. В записях есть и размышления о чувстве стыда и страха перед потенциальной опасностью не довести до конца книгу о революции. Но материал, неоднократно признавался Солженицын, диктовал, и это всегда определяло форму и ход авторского замысла, а педагогический талант (это качество закреплял за писателем-историком Солженицын) позволял правильно преподносить материал живо, интересно, чтобы запечатлелся в читательском восприятии. Об ответственности перед читателем как одной из важнейших опор для современного автора Солженицын говорит в «Литературной коллекции» (1984–2005) – литературно-критических очерках о русских писателях XIX–XX веков.

В «Нобелевской лекции» Солженицын утверждает, что только в произведениях, «зачерпнувших истины», заложена мера ответственности. Речь идет о трех уровнях ответственности: перед читателем, перед литературой, перед Богом. В этом, с точки зрения писателя, залог силы и влияния словесного искусства. Эталоном высшей ответственности перед литературой для Солженицына является А. С. Пушкин:

«Емкость его мироощущения, гармоническая цельность, в которой уравновешены все стороны бытия: через изведенные им, живо ощущаемые толщи миро-

вого трагизма – всплытие в слой покоя, примиренности и света»²⁸.

Неоднократно в «Дневнике Р-17» говорится о значении А. С. Пушкина для русской литературы.

Ответственность, служение и свобода, по утверждению Солженицына, связаны прямо с такими узловыми понятиями, как правда и достоверность. В «Нобелевской лекции» приводится русская пословица: «Одно слово правды весь мир перетянет» (33). В ней заключена основа творческой деятельности художника, и к этому он призывает писателей всего мира. Н. Д. Солженицына, размышляя о стратегии и тактике Александра Исаевича, говорит: «его стратегия была – *“одно слово правды весь мир перетянет”*» [5: 12].

В художнике Солженицыну особо важна писательская искренность, которая теснейшим образом связана с истинностью. Мысль душевная, идущая от сердца, пронизанная искренностью, импонирует писателю. Это качество он особо подчеркивал в «Нобелевской лекции», говоря, что «произведение художественное свою проверку несет само в себе» (19), потому что произведение, «зачерпнувшие истины и представившие нам ее сгущенно-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно, – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать» (19). Для А. И. Солженицына истина неразрывно связана со свободой, ведь «говорить правду – это значит возрождать свободу»²⁹. В записи «Дневника Р-17» от 03.11.1972 года звучит принципиальная для Солженицына мысль: искусству все равно, вписывается ли оно в реальность, для искусства важно, вписывается ли реальность в рамки законов искусства³⁰. А писатель, благодаря воссоздающей силе воображения, производит что-то не ниже реальности (см. запись от 23.05.1972 года)³¹, цель писателя – охватить взглядом огромные просторы жизни и истории, которые он с помощью интуиции может показать читателю.

Наравне с правдой внутренней Солженицын говорит и о неправде внутренней, называя ее «двоением», «остолбенелым непониманием чужого дальнего горя» (24). В «Нобелевской лекции» он подчеркивает: «...для целого человечества, стиснутого в единый ком, такое взаимное непонимание грозит близкой и бурной гибелью» (24).

Собственное понимание эстетических задач, стоящих перед литературой, Солженицын переводит в устойчивые критерии, по которым на протяжении всей жизни уважительно, но одинаково строго и скрупулезно оценивает творчество других писателей. А «Нобелевская лекция»

стала эстетическим ключом к творчеству Солженицына для пишущей и читающей аудитории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Размышляя о современном искусстве, четко формулируя свое писательское кредо, А. И. Солженицын расширяет его границы от личного полувекового опыта до Божественно-вечных («маленький подмастерье под небом Бога»), глубоко исторических (античное понимание искусства), актуально-исторических (мировое глобальное зрение), политических (судьба России в XX веке, изгнание художника) масштабов. При этом «вечное» назначение искусства актуализируется в особо востребованных временах и переживаемых Солженицыным как личные категории: сближение этики и эстетики, ответственность художника, правда, одно слово которой «мир перетянет».

Всемирность и субъективность солженицынских критериев нераздельны: художественный

опыт писателя до и после «Нобелевской лекции» един в последовательном осуществлении заявленного кредо, многообразен, глубок, прогностичен эстетически и исторически. Об этом в последние годы активно размышляют современные отечественные и зарубежные солженицыноведы [1], [2], [3], [5].

Солженицын после присуждения Нобелевской премии продолжил работу над главным делом своей жизни и в итоге через 50 лет после начала закончил восстанавливать историю русской революции. В «Нобелевской лекции» он настойчиво напоминает нам «о великом благословенном свойстве искусства» (25), своим творчеством доказывает, что, выполняя самую важную задачу писателя – своим даром ответственно вести читателя к высокому духовному опыту правды, можно реализовать это в полной мере. Его писательское доказательство любви к России – десять томов «повествования в отмеренных сроках» «Красное Колесо».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Кн. 4. М.: Время, 2008. С. 595.
- ² Солженицын А. «Стучит метроном неумолимо»: Страницы «Дневника Р-17» А. И. Солженицына публикуются впервые // Новая газета. 2018. 10 декабря (№ 137). С. 14.
- ³ Солженицын А. И. Нобелевская лекция // Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7: В Советском Союзе. 1967–1974; На Западе. 1974–1989. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. С. 17–33. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1995. С. 224.
- ⁵ Солженицын А. И. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть первая (1974–1978) // Новый мир. 1998. № 9. С. 94.
- ⁶ Там же. С. 93.
- ⁷ Там же. С. 94.
- ⁸ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль: Верхне-Волж. кн. изд-во, 1996. С. 287.
- ⁹ Там же. С. 370.
- ¹⁰ Там же. С. 456.
- ¹¹ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1... С. 223.
- ¹² Там же. С. 146.
- ¹³ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2... С. 192.
- ¹⁴ «Дневник Р-17» (1960–1991) написан А. И. Солженицыным по-русски, впервые полностью опубликован в 2018 году на французском языке в переводе Франсуазы Лесур под названием «Journal de La Roue rouge». На русском языке фрагменты «Дневника Р-17» выходили в отечественной периодике, полный оригинальный текст пока не напечатан.
- ¹⁵ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. С. 60.
- ¹⁶ Там же. С. 130.
- ¹⁷ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8: Публицистика: На Западе. 1990–1994; В России. 1994–2003. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. С. 88–94.
- ¹⁸ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1... С. 382.
- ¹⁹ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Раковый корпус. М.: Время, 2012. С. 244.
- ²⁰ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. В круге первом. М.: Время, 2011. С. 38.
- ²¹ Там же. С. 327.
- ²² Soljénitsyne A. Journal de La Roue rouge / Traduit de russe par F. Lesourd. Paris: Fayard, 2018. P. 417.
- ²³ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 8... С. 89–90.
- ²⁴ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 14... С. 526.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 524.

- ²⁸ Солженицын А. И. Собр. соч.: В 9 т. Т. 7... С. 453.
²⁹ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 2... С. 329.
³⁰ Soljénitsyne A. Journal de La Roue rouge... P. 210.
³¹ Ibid. P. 181.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Солженицын: взгляд из XXI века: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения. Москва, 10–12 декабря 2018 г. / Сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. 624 с.
2. Герасимова Л. Е. О творчестве А. И. Солженицына // Герасимова Л. Е. Пунктирная линия жизни: Сб. ст. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. С. 5–57.
3. Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: Сб. ст. / Сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. 560 с.
4. Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001 гг. / Авт.-сост. Е. Б. Белодубровский. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 436 с.
5. Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сб. памяти: 1918–2008 / Сост., подгот. текста и общ. ред. Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2009. 480 с.
6. Фредрикссон С. Солженицын // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: Альманах. Вып. 7. М.: Русский путь, 2019. С. 55–63.

Поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 20.05.2022

Original article

Gulnara M. Altynbaeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-5168-7138; altynbaevagm@sgu.ru

ALEXANDER SOLZHENITSYN'S "NOBEL LECTURE" AS HIS AESTHETIC CREDO

Abstract. The aim of the article is to present Alexander Solzhenitsyn's "Nobel Lecture" (1972) as an aesthetic key to his oeuvre. The novelty of the study is that it views Solzhenitsyn's "Nobel Lecture" as a central element of his meta-text for the first time. The paper provides a comparative analysis of Solzhenitsyn's "Nobel" statements, fragments of his journalistic speeches, the diary and literary texts written before and after receiving the Nobel Prize. The author of the article focuses on studying Solzhenitsyn's aesthetics and demonstrates how the writer translates his own "theoretical" understanding of the aesthetic literary tasks into some stable criteria for the assessment of other writers' works. The universality and subjectivity of Solzhenitsyn's criteria are inseparable: his artistic experience before and after the "Nobel Lecture" is diverse, deep, aesthetically and historically predictive, and unified in the consistent implementation of the stated credo. The research is based on Solzhenitsyn's journalistic and literary texts, as well as his diary. The presented research is important for understanding Solzhenitsyn's aesthetic principles and his metapoetics. It can help students, researchers and readers understand Solzhenitsyn's phenomenon.

Key words: Alexander Solzhenitsyn, "Nobel Lecture", "Diary R-17", writer's ethics and aesthetics, metapoetics

For citation: Altynbaeva, G. M. Alexander Solzhenitsyn's "Nobel Lecture" as his aesthetic credo. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):20–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.781

REFERENCES

1. Alexander Solzhenitsyn: a view from the XXI century: Proceedings of the international research conference commemorating the 100th anniversary of Solzhenitsyn. Moscow, December 10–12. (L. I. Saraskina, Comp.) Moscow, 2019. 624 p. (In Russ.)
2. Gerasimova, L. E. Alexander Solzhenitsyn's oeuvre. *Gerasimova, L. E. The dotted line of life: Collected works*. Saratov, 2018. P. 5–57. (In Russ.)
3. The life and oeuvre of Alexander Solzhenitsyn: on the way to The Red Wheel: Collected works. (L. I. Saraskina, Comp.) Moscow, 2013. 560 p. (In Russ.)
4. Nobel Prize in Literature. Laureates in 1901–2001. (E. B. Belodubrovsky, Comp.) St. Petersburg, 2003. 436 p. (In Russ.)
5. Solzhenitsyn's path in the context of the Great Time: Commemorative proceedings: 1918–2008. (L. I. Saraskina, Ed.) Moscow, 2009. 480 p. (In Russ.)
6. Fredriksson, S. Solzhenitsyn. *Solzhenitsyn's notebooks: Materials and studies: Almanac*. Vol. 7. Moscow, 2019. P. 55–63. (In Russ.)

Received: 14 February, 2022; accepted: 20 May, 2022

НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА ШИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики
Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natalia.l.shilova@gmail.com

МЕДИАОБРАЗ ОСТРОВА КИЖИ В СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ 1950–1960-х ГОДОВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

А н н о т а ц и я . Статья продолжает исследование репрезентации острова Киж в русской культуре, в настоящем случае – на материале журнальных публикаций 1950–1960-х годов. Актуальность исследования определяется статусом острова как значимого культурного локуса России, известного далеко за пределами страны. Рассмотрены цели и перспективы исследования с точек зрения имагологии и регионалистики, сделаны предварительные замечания о хронологии формирования медиаобраза, доступных для исследования источниках, описаны их типология и жанровый диапазон. На материале нескольких публикаций центральных и региональных журналов разной тематики («Архитектура СССР», «Звезда», «Знание – сила», «Молодая гвардия», «На рубеже», «Наука и жизнь», «Смена») рассмотрены проблематика и топика статей и очерков об острове периода создания на нем музея. Материал публикаций позволяет сопоставить медиаобраз острова с развивавшейся одновременно литературной репрезентацией, определить их сходство и различия с точки зрения времени формирования, содержания и т. д. Если в литературно-художественном дискурсе об острове Киж доминирует философско-эстетическая проблематика, этические и экзистенциальные вопросы, характерные вообще для русской литературы, то медийный образ в значительной степени определяется инфоповодами, из которых главные – создание историко-этнографического музея и формирование нового туристического маршрута. Проведенный анализ выявил противоборство двух тенденций в журнальных текстах: с одной стороны, к стереотипизации повествования об острове, происшедшей в процессе формирования имиджа места, с другой – к преодолению стереотипов, к поискам авторами нетривиальных решений в организации содержания текста.

Ключевые слова: Киж, имидж, литературный образ, медиаобраз, оттепель, регионалистика, СМИ

Для цитирования: Шилова Н. Л. Медиаобраз острова Киж в советских журналах 1950–1960-х годов: к постановке вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 26–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.782

ВВЕДЕНИЕ

Медиаобраз – относительно недавняя, но чрезвычайно востребованная в отечественном гуманитарном поле категория анализа текстов современной культуры. Ее появление связано с растущим интересом к сфере СМИ и той репрезентации реальности или, точнее, множественным репрезентациям, которые современные медиа создают и транслируют. Только за последние пять лет в России вышли десятки публикаций о медиаобразах стран, регионов и медийных личностей. Одной из первых была защищена диссертация Е. Н. Богдан «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики»¹, в которой представлен медийный образ России в оте-

чественных СМИ, его характеристики, способы создания, корреляция журналистских репрезентаций страны с системами ценностей, которые СМИ призваны транслировать. Медийный образ автор определила как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [1: 124]. Сегодня изучение медиаобразов – широкое междисциплинарное поле, на котором трудятся лингвисты, культурологи, исследователи истории и теории медиакommunikаций. Интерес к теме медиаобразов страны и ее отдельных значимых локусов в последние годы только растет. При этом основная часть исследований сосредоточена на материалах современных СМИ. Публикаций по медиатекстам советского периода значительно меньше [4], [5].

Предмет нашего внимания – медийный образ острова Кижи. Актуальность исследования определяется статусом острова как значимой культурной единицы России, известной далеко за пределами страны. Научная новизна обусловлена тем, что медийный образ острова, его генезис, структура и т. п. не рассматривались исследователями, за исключением единичных студенческих работ [5]. При этом практика создания этого медиаобраза насчитывает как минимум несколько десятилетий непрерывного прирастания текстов – от первых регулярных газетно-журнальных публикаций 1950-х годов до современных телепрограмм, постов и тематических пабликов в социальных сетях.

С нашей точки зрения, исследование этого круга источников может быть интересно как минимум по двум причинам. Во-первых, в рамках комплексного изучения образа острова Кижи и его культурных репрезентаций, инициированного нами в серии статей [9], [10] и монографии «Остров Кижи и русская литература» [11]. В исследовании были впервые рассмотрены вопросы формирования кижских сюжетов в русской прозе и поэзии XX века. В силу литературоведческого характера работы за ее пределами остались другие виды репрезентаций, например широко представленная художественная (живопись, графика) и медийная (фотография, кино, СМИ). Во-вторых, с точки зрения регионоведения и изучения имиджевой составляющей медиаобраза Карелии. Вопросы, связанные с изучением инструментов создания медийного образа регионов, сегодня признаны имеющими «особую значимость» [3: 50], при этом

«образы регионов пока слабо изучены <...> когнитивные механизмы их формирования (вследствие непосредственного личного опыта или опосредованно, например, из материалов масс-медиа, интернет-пространства, рассказов очевидцев, книг и фильмов и др.) также нуждаются в описании» [6: 222].

Современные исследования в области имиджологии разграничивают *образ* территории, складывающийся преимущественно в литературно-художественном дискурсе и относительно спонтанно, и *имидж*, формируемый в медиа, часто основанный на динамических стереотипах [6: 232] и конструируемый с позиций экономической целесообразности [2: 50], хотя «в определенных контекстах эти термины могут быть синонимичны» [2: 50].

Изучение литературного образа острова Кижи стимулирует интерес и к более широко взятому материалу СМИ и медиа. В сложив-

шейся русскоязычной традиции понятие медиаобраза вообще «генетически связано с понятием художественного образа как “творимой реальности”» [8: 126]. Вычленение собственно литературных текстов из общего круга источников носит отчасти условный характер: кижская тема в литературе развивалась одновременно с формированием художественного и медийного образов. Граница с последним хоть и отчетлива (стихи Н. Клюева и А. Вознесенского, повести К. Паустовского и Е. Носова, рассказы Ю. Казакова и А. Житинского носили не новостной и не репортажный характер, а новости о событиях на острове, наоборот, не входили в сферу искусства), но отчасти проницаема. Например, многие литературные тексты о Кижях были впервые опубликованы на страницах популярных журналов: «Адам и Ева» Ю. Казакова – в «Звезде» в 1962 году, «Лешка и хиппи» И. Стрелковой – в «Советской женщине» в 1973 году. С другой стороны, своего рода переходностью между художественными и документальными текстами были отмечены многочисленные журнальные очерки о Кижях. Эта переходность обусловлена самой жанровой природой очерка, сочетающего в себе черты художественной прозы и публицистики, документальную основу и выраженный авторский личный взгляд на предмет описания².

ХРОНОЛОГИЯ, ЖАНРЫ, ПРОБЛЕМАТИКА ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ 1950–1960-х ГОДОВ ОБ ОСТРОВЕ КИЖИ: ОБЩИЙ ОБЗОР

Изучение доступных на сегодняшний день журнальных архивов и баз данных показывает, что систематическими обращения журналов к кижской теме становятся с 1950-х годов. В 1960–1970-х годах количество публикаций растет. Очевидно, что это соотносится с развитием деятельности музея-заповедника и формированием туристического потока:

«В 1950 году Главным Управлением по охране памятников был утвержден проект реставрации Кижского архитектурного ансамбля <...> В 1955 году Кижский архитектурный заповедник официально принял первых посетителей. В штате появилась должность экскурсовода, а для обеспечения порядка были выделены два дежурных милиционера» [7: 17].

По времени этот процесс совпадает с развитием литературно-художественного дискурса. Архитектурно-художественный дискурс отмечен более ранним формированием: фотографии и упоминания Кижского ансамбля уже в начале XX века вошли в труды и учебники по истории

искусств, обеспечив острову широкую славу в художественном мире.

Сбор сведений о возможных источниках, составление их базы, описание, систематизация – необходимое условие и первый этап в осуществлении полноценного исследования медийных образов. Среди всего круга материалов (газеты, журналы, радио, телевидение) журнальные публикации лучше всего учтены сегодня в существующих тематических библиографических указателях и базах данных. Поскольку не все газетные источники оцифрованы или отмечены в указателях, многие публикации можно установить только по другим сохранившимся источникам. Так, в «Этюдах о Кижях» («Звезда», 1969 год) советский поэт Дмитрий Кикин рассказывает, как объявление о поиске добровольных работников привело на Кижь полтора десятка волонтеров:

«В группе строителей, помогавшей музею, было 15 человек: студенты, преподаватели, научные работники, курсанты высшего военно-морского училища <...> В ленинградской газете “Смена” появилась заметка о помощи Кижам. Была в ней и такая фраза: “Кто хочет помочь спасению памятника Кижь?” <...> На следующий день после сообщения в газете перед лекторием Русского музея собралось немало добровольцев»³.

Такого рода текущие публикации тоже было бы интересно привлечь к исследованию, но информация о них пока очень фрагментарна.

Одна из первых значимых публикаций – статья о Кижском погосте Александра Викторовича Ополовникова «Выдающийся памятник деревянного зодчества», опубликованная в журнале «Архитектура СССР» в 1952 году. Сам журнал представлял собой отраслевое (печатный орган Союза архитекторов СССР) периодическое иллюстрированное издание теоретического и научно-практического характера, издававшееся в СССР с 1933 по 1992 год тиражом до 22 000 экземпляров. В момент публикации А. В. Ополовников руководил проектом восстановительно-реставрационных работ на Преображенской церкви. В статье подробно описана история создания заонежскими мастерами Кижского архитектурного ансамбля, его конструктивные особенности и их эстетическое и функциональное значение. Публикация сопровождалась авторскими рисунками, схемами и фотографиями храмового ансамбля⁴.

Совсем иначе написана заметка М. Морозовой «Кижский заповедник (из блокнота туриста)» (1958). Это рассказ о личных впечатлениях с вплетенными в него сведениями из

истории острова, легендой о мастере Нестере (которая позднее превратится в общее место публикаций о Кижях), сообщением о работах по созданию музея. Напечатанная в журнале «На рубеже» (главный общественно-литературный журнал Карелии, после 1965 года поменявший название на «Север»), заметка адресована широкой публике. Вероятно, в том числе и поэтому в заметке М. Морозовой о Кижях как о заповеднике прошлого появляются публицистические вкрапления о коммунистических идеалах будущего. Рассказ о Кижском восстании XVIII века заканчивается, например, таким пассажем:

«Великий творец и создатель всего – народ – сбросил цепи рабства, отстоял свою свободу в огне гражданской войны, выстоял и разгромил германский фашизм и с высоко поднятым знаменем победоносно идет в коммунистическое завтра»⁵.

И жанрово, и содержательно, и с точки зрения целевой аудитории, как мы видим, ранние публикации о Кижях существенно отличались друг от друга.

В целом, если взять журнальные тексты 1950–1960-х годов, периода интенсивно растущего интереса к острову, то выяснится, что авторы обращались к разным жанрам – заметки, очерки самых разных типов от архитектурных до путевых, описания туристических маршрутов. Кижь упоминались в СМИ в связи с выходившими фильмами и работами художников (см., например, интервью «Пять вопросов Владиславу Виноградову, кинооператору объединения “Телефильм” Ленинградской студии телевидения, [снимающему фильм о Кижях]»⁶). Об острове-музее писали в изданиях самого разного плана и тематики: в журналах центральных («Наука и жизнь», «Советская женщина») и региональных («Север»), в изданиях универсального содержания («Огонек», «Курьер») и отраслевых («Турист», «Советское радио и телевидение») и др. Изучение круга изданий, интересовавшихся кижской темой, показывает, что адресат этих публикаций мыслился очень широко. Об этом свидетельствуют публикации в детских журналах («Пионер»), женских периодических изданиях («Советская женщина», «Работница»), молодежной прессе («Техника – молодежи»), наконец, в изданиях, представлявших жизнь СССР для зарубежного читателя («Русский язык за рубежом», «Советский Союз»).

Авторами публикаций порой становились известные советские писатели и художники – Д. Ба-

лашов, Л. Леонов, С. Коненков, И. Глазунов. Так, в 1965 году в научно-популярном журнале «Знание – сила» был напечатан большой иллюстрированный очерк о Кижях Л. Волинского – фронтовика, журналиста, славу которому принесло организованное им спасение картин Дрезденской галереи в 1945 году. Знаток изобразительного искусства, написавший несколько книг о художниках, Л. Волинский ассоциирует ландшафт северного острова с картинами Николая Рериха и всю первую часть очерка посвящает рассказу о жизни и творчестве художника, много рисовавшего Русский Север, «о многоактной драме его жизни»:

«Его тело по индийскому обычаю (и по его воле) было предано огню, а прах развеян; но его молодость, тепло его сердца, все лучшее осталось здесь, среди северных русских озер, которые он называл задумчивыми, среди зеленых “бывалых холмов” и потемнелых лесов, среди серых камней-валунов, поросших вековым лишайником»⁷.

Северные полотна Рериха становятся для автора очерка проводником в мир заонежских древностей. И наоборот, живой увиденный своими глазами Север помогает лучше понять судьбу художника:

«Мне предстояло увидеть много “рериховских мест” – Волхов, Старую Ладугу, леса над Свирью, могильные курганы, древние церкви и крепости на вершинах холмов, – и я не мог теперь не думать об этом человеке, для которого далекое прошлое было неразрывно связано с настоящим, с тревогами и заботами сегодняшнего дня»⁸.

В обширном (в несколько десятков тысяч знаков) очерке Л. Волинского появляются и почти обязательные в рассказе о Кижях легенды о мастере Нестере и постройке храмов «без единого гвоздя», но объем этих включений здесь минимален. В изобилии живых зарисовок из жизни острова, в детализированном рассказе о самой конструкции Преображенской церкви и, как бы мы сейчас сказали, ее дизайне, в уточняющих замечаниях к туристическим легендам ощущается желание автора противопоставить максимальную конкретность деталей абстрактно-восторженным общим местам и складывающимся стереотипам.

Таким образом, в публикациях о Кижях середины 1960-х годов существовало противоборство двух тенденций: с одной стороны, к стереотипизации повествования об острове, происходившей в процессе формирования имиджа места, с другой – к преодолению возникающих стереотипов, к поискам авторами

нетривиальных решений в организации содержания текста, к острашению, без которого тексты превращались бы в набор общих мест. Интересно, что своего рода противоборством отмечены и две тенденции в освоении острова: с одной стороны, налицо была массовизация туристического потока на остров, его растущая популярность, несущая региону очевидные экономические выгоды, и – одновременно – критика массового туризма с точки зрения аутентичности впечатлений, поиск путешественниками менее растрепанных мест. Об этом свидетельствует, например, заметка архитектора Л. Лавренова, опубликованная в 1966 году в журнале «Наука и жизнь» и представляющая собой описание туристического маршрута по Карелии. В маршрут автор включил посещение Петрозаводска, Кеми, Соловков, Заонежья и Кижей. Инструктируя читателей журнала в прохождении предложенного маршрута, Л. Лавренов детально останавливается на таких пунктах, как погост Яндомозеро и Бесов Нос, очень бегло при этом касаясь Петрозаводска, Медвежьегорска, Соловков и Кижей и аргументируя это тем, что ряд пунктов маршрута, включая Кижи, «за последние годы превратились в настоящую туристическую Мекку. Десятки тысяч людей со всех концов страны приезжают сюда»⁹. Полемикой по отношению к проекту музеефикации острова звучали в 1966 году слова Л. Лавренова о том, что «не все церкви Заонежья надо свозить на остров Кижи. Надо больше доверять древним зодчим – ведь они, вероятно, думали, где и как ставить сооружение»¹⁰.

В отличие от литературно-художественного дискурса об острове, развивавшегося относительно спонтанно, формирование медиаобраза в СМИ опиралось на возникавшие время от времени инфоповоды. В 1964–1965 годах, например, прошла целая серия публикаций о Кижях, приуроченная к 250-летию Преображенской церкви (1714). В мае 1965 года в журнале «Молодая гвардия» было опубликовано открытое письмо С. Коненкова, П. Корина и Л. Леонова в защиту деревянного зодчества и в поддержку комсомольского клуба «Родина», ставившего своей целью «изучение и пропаганду памятников русской культуры»¹¹. В мае же в «Смене» появилась иллюстрированная фотографиями кижского Преображенского храма статья художника И. Глазунова:

«Нам приходилось разговаривать с людьми, мечтающими побывать в Соборе Парижской Богоматери, осмотреть Миланский собор, соборы Кракова, Югосла-

вии, увидеть церковь, расписанную Матиссом... Но заговорите с этими людьми о том, что – здесь, у себя дома, спросите их, были ли они в Суздале, в Ростове Великом, где находится, может быть, лучший архитектурный ансамбль, созданный в XVII веке... Слышали ли они о деревянном народном зодчестве нашего Севера, видели ли фрески древнего Новгорода?»¹²

Кижский заповедник в этих статьях выступал в качестве примера возможной счастливой судьбы культурного наследия, противопоставленного прецедентам гибели уже в 1960-е годы многих шедевров – от многоглавой вытегорской анхимовской деревянной церкви до каменной церкви Благовещения XII века в Витебске.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Корпус журнальных публикаций об острове Кижь периода 1950–1960-х годов в целом свидетельствует о предпринятой в СССР последовательной работе по продвижению новой туристической локации. Обращает на себя внимание широкий круг журналов, откликнувшихся на создание нового музея, разнообразие адресатов (внутри страны и за ее пределами). Наряду со специальными иллюстрированными материалами о Кижском погосте встречаются статьи, где остров лишь упоминается в контексте обсуждения проблемных и полемических тем – о сохранении культурного наследия прошлого в СССР, о формировании новых туристических маршрутов. К середине

1960-х годов в медийном образе острова Кижь складывается своя топика: почти обязательное включение исторических экскурсов о постройке Преображенской церкви и Кижском восстании XVIII века, легенд о мастере Нестере и постройке Преображенской церкви «без единого гвоздя», цитирование ранних отзывов И. Грабаря об острове. В этом отношении можно говорить о многих смысловых переключках с кижскими литературно-художественными сюжетами. При этом заметна и существенная функциональная и смысловая разница: если в литературно-художественном дискурсе доминирует философско-эстетическая проблематика, этические и экзистенциальные вопросы, характерные вообще для русской литературы этого периода [11: 119], то медийный образ определяется в значительной степени инфоподами, из которых главные – создание историко-этнографического музея и формирование нового туристического маршрута. В соответствии с ценностными константами оттепели медийные тексты о Кижях этого периода стремятся найти точку единства между темой исторического прошлого страны и путями ее будущего развития. Перспективным представляется дальнейшее более полное исследование корпуса публикаций об острове и сопоставление имиджевых стратегий в советских СМИ с современным медийным образом острова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богдан Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 26 с.
- ² Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2003. С. 707.
- ³ Кикин Д. Этюды о Кижях // Звезда. 1969. № 7. С. 187–188.
- ⁴ Ополонников А. В. Выдающийся памятник деревянного зодчества // Архитектура СССР. 1952. № 8. С. 24–28.
- ⁵ Морозова М. Кижский заповедник: (Из блокнота туриста) // На рубеже. 1959. № 2. С. 135.
- ⁶ Пять вопросов Владиславу Виноградову, кинооператору объединения «Телефильм» Ленинградской студии телевидения, [снимающему фильм о Кижях] // Советское радио и телевидение. 1968. № 12. С. 1–3.
- ⁷ Волинский Л. Кижь // Знание – сила. 1965. № 6. С. 25.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Лавренов Л. По Карелии...: [о туристических маршрутах] // Наука и жизнь. 1966. № 6. С. 94.
- ¹⁰ Там же. С. 96.
- ¹¹ Коненков С. Т., Корин П. Д., Леонов Л. М. Берегите святыню нашу // Молодая гвардия. 1965. № 5. С. 216–219.
- ¹² Глазунов И. ...Принадлежит народу // Смена. 1965. № 5. С. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122–127.
2. Буланов А. В., Драчева Ю. Н., Опахина Е. В. Медиаобраз Вологодской области в европейских СМИ // Вестник Череповецкого государственного университета. 2016. № 6 (75). С. 49–57.

3. Глушкова Т. С., Зайцева О. А. Медиаобраз как инструмент создания территориального имиджа: когнитивный аспект // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3 (29). С. 50–57 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/633427> (дата обращения 08.01.2022).
4. Жигунов А. Ю. На льду и во льдах: конструирование медиаобраза Арктики в СМИ советского периода // Медиаскоп. 2019. № 3. С. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2567> (дата обращения 08.01.2022).
5. Келипова В. А. Медийный образ Кижи в журнальных очерках 1960-х гг. // Научно-исследовательская работа обучающихся и молодых ученых: Материалы 73-й Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. обучающихся и молодых ученых. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2021. С. 437–439 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://conf.petrus.ru/docs/conf2021.pdf> (дата обращения 08.01.2022).
6. Кондратьева О. Н. Стереотипный медиаобраз сибирского региона (по материалам российских СМИ XXI века) // Имагология и компаративистика. 2019. № 12. С. 222–236 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotipnyy-mediaobraz-sibirskogo-regiona-po-materialam-rossiyskih-smi-xxi-veka> (дата обращения 08.01.2022).
7. Музей-заповедник «Кижи». 40 лет: Из истории становления музея-заповедника «Кижи» / Ред.-сост. И. В. Мельников. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 208 с.
8. Панова Е. Ю. Специфика репрезентации медиаобраза России в печатных СМИ США и Великобритании // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2020. № 3. С. 126–130.
9. Шилова Н. Л. Искусство и художники в литературной репрезентации острова Кижи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6 (175). С. 46–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.209
10. Шилова Н. Л. Остров Кижи и писатели-деревенщики: история несложившихся отношений // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.499
11. Шилова Н. Л. Остров Кижи и русская литература [монография]. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=29103> (дата обращения 08.01.2022).

Поступила в редакцию 26.01.2022; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Natalia L. Shilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
natalia.l.shilova@gmail.com

MEDIA IMAGE OF KIZHI ISLAND IN SOVIET MAGAZINES OF THE 1950s AND 1960s: FORMULATING THE QUESTION

Abstract. The article continues the study of the representation of Kizhi Island in Russian culture, this time based on the material of magazine publications of the 1950s and 1960s. The relevance of the study is determined by the status of the island as a significant cultural locus of Russia, known far beyond the borders of the country. The article deals with the goals and prospects of the study from the point of view of imagology and regionalism, makes preliminary remarks about the chronology of the studied media image formation and sources available for research, and describes their typology and genre range. The author investigates the topics and problems raised by the articles and essays about the island during the time of the Kizhi Museum creation using the material of selected publications from various central and regional magazines (*Arhitektura SSSR*, *Zvezda*, *Znanie – Sila*, *Molodaya Gvardia*, *Na Rubezhe*, *Nauka i Zhizn*, *Smena*). The material of the publications makes it possible to compare the media image of the island with its concurrently developing literary representation, and to determine their similarities and differences in terms of the time of formation, content, etc. While the literary and artistic discourse about Kizhi Island is dominated by philosophical and aesthetic problems, ethical and existential issues that are typical for Russian literature in general, its media image is largely determined by newsworthy events, the main ones being the creation of a historical and ethnographic museum and the formation of a new tourist route. The analysis revealed a confrontation between two tendencies in the magazine texts: the tendency towards stereotyping stories about the island in the process of the place image formation, on the one hand, and the tendency to overcome stereotypes and search for non-trivial solutions in organizing the text content, on the other hand.

Key words: Kizhi, image, literary image, media image, Thaw, regionalism, mass media

For citation: Shilova, N. L. Media image of Kizhi Island in Soviet magazines of the 1950s and 1960s: formulating the question. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):26–32. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.782

REFERENCES

1. Bogdan, E. N. Media image of Russia as a concept of the journalism theory. *MSU Vestnik*. Series 10. Journalism. 2007;4:122–127. (In Russ.)
2. Bulanov, A. V., Dracheva, Yu. N., Opakhina, E. V. Media image of the Vologda Oblast in European media. *Cherepovets State University Bulletin*. 2016;6(75):49–57. (In Russ.)
3. Glushkova, T. S., Zaytseva, O. A. Media image as a tool of territory image creation: cognitive aspect. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*. 2017;3(29):50–57. Available at: <https://rucont.ru/efd/633427> (accessed 08.01.2022). (In Russ.)
4. Zhigunov, A. Yu. On the ice: constructing of media image of the Arctic in the Soviet mass media. *Media-scope*. 2019;3:6. Available at: <http://www.mediascope.ru/2567> (accessed 08.01.2022). (In Russ.)
5. Kelipova, V. A. Media image of Kizhi Island in magazine essays of the 1960s. *Research work of students and young scientists: Proceedings of the 73rd all-Russian research conference of students and young scientists (with international participation)*. Petrozavodsk, 2021. P. 437–439. Available at: <http://conf.petrso.ru/docs/conf2021.pdf> (accessed 08.01.2022). (In Russ.)
6. Kondratyeva, O. N. The stereotypical media image of the Siberian region (based on the materials of the Russian media of the 21st century). *Imagology and Comparative Studies*. 2019;12:222–236. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/stereotipnyy-mediaobraz-sibirskogo-regiona-po-materialam-rossiyskih-smi-xxi-veka> (accessed 08.01.2022). (In Russ.)
7. Celebrating the 40th anniversary of the Kizhi Museum: the history of the open-air museum formation. (I. V. Melnikov, Ed.). Petrozavodsk, 2006. 208 p. (In Russ.)
8. Panova, E. Yu. The specificity of the representation of Russia's media image in the US and UK print media. *Proceedings of Voronezh State University*. Series: Philology. Journalism. 2020;3:126–130. (In Russ.)
9. Shilova, N. L. Art and artists in literary representation of Kizhi Island. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2018;6(175):46–52. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.209 (In Russ.)
10. Shilova, N. L. Kizhi Island and “rural” writers: a history of failed relationships. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(5):52–59. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.499 (In Russ.)
11. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. Available at: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?id=29103> (accessed 08.01.2022). (In Russ.)

Received: 26 January, 2022; accepted: 29 April, 2022

ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВНА МАРКОВСКАЯ

доктор биологических наук, профессор
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
volev10@mail.ru

ВРЕМЯ И ЛЮДИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: СЕМЬЯ ЛУПАНОВЫХ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена выдающимся педагогам, внесшим значимый вклад в развитие научно-педагогического образования в Республике Карелия, – А. Г. Бонч-Осмоловской и П. А. Лупанову. Проанализированы условия получения ими образования, показан статус педагога в структуре образовательной среды в начале XX века в сложных условиях смены государственности. Впервые сделана попытка найти и обобщить сведения о Петре Андреевиче Лупанове. Проведенное исследование показало, что он и его жена, Александра Георгиевна, выходцы из разных сословий, имеющие различные пути профессиональной реализации, благодаря полученному образованию и воспитанию, а также созданной ими семье остались в истории образования Карелии как педагоги высшей профессиональной квалификации. Они вырастили дочь, профессора И. П. Лупанову (в прошлом году ей исполнилось 100 лет со дня рождения), которая продолжила принципы жизни семьи и также оставила богатое научно-педагогическое наследие.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история семьи, А. Г. Бонч-Осмоловская, П. А. Лупанов, И. П. Лупанова, химия, филология, Петрозаводск, университет

Д л я ц и т и р о в а н и я : Марковская Е. Ф. Время и люди первой половины XX века: семья Лупановых // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 33–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.785

ВВЕДЕНИЕ

Семья Лупановых сыграла большую роль в подготовке научных и педагогических кадров Карелии по нескольким направлениям: учителей русского языка, литературы, химии для средней школы, специалистов высшей квалификации и научных работников в области филологии и химии. Исследовательский и педагогический опыт И. П. Лупановой, П. А. Лупанова, А. Г. Бонч-Осмоловской отражен в многочисленных научных и методических публикациях. Ценная информация о жизни семьи содержится в изданных посмертно воспоминаниях И. П. Лупановой¹. Вместе с тем следует признать, что если о профессиональной деятельности Ирины Петровны имеются материалы и публикации учеников [4], [5], [6], то о родителях информации нет, что связано с историческими особенностями времени их активной жизни, когда воспоминания мало кто оставлял. В данной статье ставится задача охарактеризовать жизненный и профессиональный путь первого заведующего кафедрой химии ПетрГУ П. А. Лупанова, заведующего кафедрой русского языка и заместителя директора Карело-Финского учительского института А. Г. Бонч-Осмоловской и показать их роль в развитии системы образования Карелии.

Известно, что большую роль в становлении личности играют родители, родственники, учителя школы, преподаватели вузов, друзья. Родители И. П. Лупановой получили высшее образование в начале XX века в Петербурге. В числе их преподавателей были выдающиеся педагоги, ученые с мировым именем, которые не только давали знания, но и формировали, в том числе и на личном примере, мировоззрение, склад характера будущих педагогов в сложный исторический период. Поэтому в работе мы решили уделить больше внимания той образовательной среде, с которой тесно контактировали А. Г. Бонч-Осмоловская и П. А. Лупанов. Изучение профессиональной деятельности родителей, созданной ими семейной атмосферы, приемов воспитания дочери позволяет полнее представить формирование личности известного российского ученого – Ирины Петровны Лупановой.

При подготовке статьи были использованы документы личного фонда семьи П. А. Лупанова, А. Г. Бонч-Осмоловской, И. П. Лупановой, Е. М. Эпштейна в Национальном архиве Республики Карелия, а также книга И. П. Лупановой, воспоминания профессора ПетрГУ А. Е. Болгова и доцента ПетрГУ В. Г. Мельянцева.

ОБРАЗОВАНИЕ П. А. ЛУПАНОВА И А. Г. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОЙ

Петр Андреевич Лупанов (1891–1955) родился в д. Бабкино Боярской волости Пудожского уезда Олонецкой губернии в семье служащего земской больницы. По окончании сельской начальной школы Петр Андреевич уехал почти за 100 км от дома в г. Каргополь, где учился в 3-классном городском училище. Каргополь в то время был ведущим городом в губернии после Петрозаводска и Вытегры. В 1907 году Лупанов по конкурсу поступил в Петрозаводскую учительскую мужскую семинарию, где получил казенную стипендию. Учительская семинария, первое в Олонецком крае образовательное учреждение для подготовки учителей начальных классов, была открыта в 1903 году. Педагогический состав состоял из пяти педагогов, которые отличались высоким профессионализмом. В семинарии была создана библиотека, оборудованы кабинеты физики, естествознания, гимнастический зал. Получив педагогическое образование в семинарии, П. А. Лупанов с 1 сентября 1911 года работал в земской школе в п. Тулгуба Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. В 1914 году он поступил на физико-математическое отделение Петроградского учительского института (специальность «физика, математика»), который окончил в 1917 году. В выпускном документе было написано:

«Дано свидетельство, окончившему курс Петроградского учительского института Петру Андреевичу Лупанову в удостоверение личности и на право жительства во всех городах и селениях Государства Российского. Исп. Должности директора П. Шафранов, письмоводитель Федоров. 10 мая 1917 г.»².

Получив образование учителя средней школы, П. А. Лупанов в 1917 году отбывал воинскую повинность и обучался в военном училище, по окончании которого ему было выдано свидетельство³. 20 декабря 1917 года был назначен заведующим Великогубского высшего начального училища и преподавателем математики. В декабре 1918 года стал преподавателем физики и заведующим Петрозаводской школой 2-й ступени Мурманской железной дороги. В это время он решает получить высшее образование в области химии. Интерес молодого учителя к совершенно новому для него направлению, по-видимому, был связан с востребованностью в Карелии преподавателей химии и быстрым развитием химической промышленности. Большую роль сыграла Первая мировая война, во время которой было применено около 130 тысяч тонн высокотоксичных соединений 40 наименований,

что вызвало у правительств всех стран большое беспокойство. С одной стороны, требовалось ускорение развития химической промышленности передовых стран, а с другой – повышение внимания к опасности распространения высокотоксичных соединений на планете.

Стремление П. А. Лупанова получить высшее химическое образование получило поддержку руководства Карелии. В соответствии с приказом от 21 июля 1920 года он был командирован в Петроград для продолжения образования во II Высшем педагогическом институте им. Некрасова⁴. Этот вуз был создан в 1919 году на базе Петербургского учительского института, который Лупанов окончил три года назад. В 1920–1922 годах он экстерном обучался по специальности «химия», поступив сразу на третий курс. Необходимо отметить, что его преподавателями были выдающиеся педагоги и ученые России. Курс анатомии и физиологии человека читал профессор Федор Евдокимович Тур, зоологии – профессор Валентин Александрович Догель, физической географии – профессор Эмилий Францевич Лесгафт, геологической динамики – профессор Франц Юльевич Левинсон-Лессинг, минералогии – профессор Дмитрий Степанович Белянкин, физиологии растений – профессор Сергей Павлович Костычев, морфологии и систематики растений – профессор Владимир Николаевич Сукачев и др. Химические дисциплины, которые были ведущими в образовании, преподавали также известные специалисты: органическую химию – профессор Константин Александрович Тайпале, неорганическую химию – профессор Павел Генрихович Кок. Лекции по химии в Петроградском педагогическом институте читали выдающиеся химики-органики XX века Владимир Николаевич Ипатьев и Сергей Васильевич Лебедев. Институт располагал прекрасно оборудованными химическими лабораториями. Алексей Евграфович Фаворский и Константин Ипполитович Дебу организовали современную лабораторию органической химии и обеспечили не только хорошую постановку курса органической химии по расширенной программе, но и развитие научной работы. В результате совместной работы Сергея Ивановича Созонова и Вадима Никандровича Верховского в институте были созданы первоклассные лаборатории по неорганической химии. С. И. Созонов и В. Н. Верховский разработали первую систематическую программу для школ по химии и учебник химии, выдержавший в 1915–1928 годах 11 изданий. К октябрю 1917 года С. И. Созонов был профессором, заведующим кафедрой химии Императорского жен-

ского педагогического института, имел высокий чин действительного статского советника, был награжден многими орденами. События Гражданской войны вынудили его покинуть Россию, но методическая работа в институте продолжилась. Курс методики преподавания химии читал Вадим Никандрович Верховский. Под его руководством по окончании института П. А. Лупанов получил дополнительную специализацию. Важно отметить, что за короткий период учебы (два года) П. А. Лупанову удалось познакомиться с ведущими направлениями исследований в области органической и неорганической химии и методикой преподавания химии. Оба направления были использованы им в последующей научно-педагогической работе.

По результатам обучения на естественно-географическом факультете Петр Андреевич пишет дипломную работу на тему «Архейская эра и палеозой в пределах Европейской России», которая засчитывается как выпускная⁵. Привлекает внимание еще один этап его образования. Запись в трудовой книжке: «31 марта 1922 г. окончил 2-ой Высший педагогический институт и остался для дополнительной работы по химии (приложение – диплом об окончании)»⁶.

30 июня 1922 года Лупанов был откомандирован Институтом на работу в Петрозаводск в железнодорожную школу 2-й ступени. Там его ждали не только ученики и коллеги, но и семья.

Александра Георгиевна Бонч-Осмоловская (1888–1980) выросла в большой семье служащего Управления государственными имуществами Олонецкой губернии Георгия Назаровича Бонч-Осмоловского и его супруги Натальи Никифоровны. В 1901 году отец умер, и семья осталась с 40-рублевой пенсией. С 13 лет Александра начинает давать первые уроки. В 1900 году она поступила в Мариинскую женскую гимназию Петрозаводска. В этом учебном заведении, существовавшем за счет Ведомства императрицы Марии, обучались дочери местных купцов, чиновников, крестьян. Девушки получали базовые знания по традиционным учебным предметам, а также учились рукоделию, домоводству, танцам. Обучение длилось семь лет, однако выпускницы могли остаться в учебном заведении еще на один год и получить учительскую профессию [8: 223, 230]. Александра Бонч-Осмоловская в 1907 году окончила Мариинскую женскую гимназию с золотой медалью и поступила в Петербурге на историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов с систематическим университетским характером преподавания, где обучалась в 1907–1911 годах в группе русской филологии.

В год поступления А. Бонч-Осмоловской, в 1907 году, первым выборным директором Бестужевских курсов стал В. А. Фаусек (зоолог, энтомолог, педагог), который

«сочетал профессиональную основательность и преданность идеалам науки, безусловную личную честность, убежденность в необходимости равной автономии учебного процесса как от администрирования сверху, так и от чрезмерной политической активности слушательниц»⁷.

В группе филологов основательно изучались церковнославянский язык, история русского языка, диалектология, сравнительная фонетика и морфология индоевропейских языков, история русской, западноевропейской, славянской литературы. Дополнительно А. Г. Бонч-Осмоловская выбрала специальные курсы по творчеству Пушкина и Байрона. Кроме того, она получила возможность основательно познакомиться с фольклором: прослушала не только обязательный курс русской народной словесности, но и спецкурс по выбору «Былевая поэзия»⁸.

Практически все ведущие ученые Петербурга были привлечены к преподаванию на Бестужевских курсах. Одним из популярных лекторов, слушать которого собирались студентки всех отделений, был Фаддей Францевич Зелинский, с 1890 года и вплоть до вынужденного отъезда из России в 1922 году профессор по кафедре классической филологии Санкт-Петербургского университета. Огромное внимание он уделял популяризации знаний об античности, с этой целью организовал студенческий кружок, участники которого могли заниматься античностью в течение нескольких лет. Курс латинского языка вела выпускница Бестужевских курсов Вера Викторовна Петухова, в 1934–1942 годах ассистент по древним языкам на историческом факультете Ленинградского госуниверситета. На курсах преподавал выдающийся историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Николай Иванович Кареев, автор учебников по древней, средней и новой истории. Ему принадлежат работы (Космогонический миф, 1873; Миф и героический эпос, 1873; Мифологические этюды Н. Кареева, 1874), которые связаны с кругом интересов дочери А. Г. Бонч-Осмоловской – И. П. Лупановой. Обучение было платным, Александра Георгиевна курс учебы окончила досрочно, за три с половиной года.

По данным О. Б. Вахромеевой, с 1882 по 1918 год историко-филологический факультет Санкт-Петербургских Высших женских курсов окончили 65 % слушательниц, физико-математический – 31 %, юридический – 4 %. Особых

отличий за успешную учебу удостоились до 40 % выпускниц 1908–1918 годов. В их числе была и А. Г. Бонч-Осмоловская. Установлено, что большинство выпускниц Бестужевских курсов (за 1880–1960-е годы около 80 %) работали в сфере образования. Они оправдали надежды своих учителей, их отличало гуманное отношение к людям, бескорыстие и преданность выбранной профессии [1].

С 1911 года Александра Георгиевна Бонч-Осмоловская преподавала русский язык в Мариинской женской гимназии, в 1914–1916 годах – русский язык и историю литературы в Олонецком епархиальном женском училище. Когда Управление Мурманской железной дороги открыло в Петрозаводске школу 2-й ступени, получила приглашение на работу. В железнодорожной школе она встретила человека, с которым разделила всю дальнейшую жизнь.

ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ СЕМЬИ ЛУПАНОВЫХ

В 1921 году в семье Лупановых рождается дочка, внешне очень похожая на папу, она имеет свой собственный характер, который уважает мама и с которым пытается «бороться», но безрезультатно, папа.

Александра Георгиевна и Петр Андреевич, как и все молодые родители того времени, продолжают работать, да еще и в нескольких организациях, что говорит о востребованности высококвалифицированных преподавателей. В 1922–1930 годах Лупанов преподает химию в железнодорожной школе и русском педагогическом техникуме, в 1930-е годы – на рабфаке, в Карельском сельскохозяйственном техникуме, в Карельском индустриальном учебном комбинате. В 1925–1927 годах он избирается депутатом Петрозаводского горсовета.

В 1931 году началась педагогическая деятельность П. А. Лупанова в высшей школе. Его приглашают в только что созданный Карельский государственный педагогический институт (КГПИ), где он работает в должности доцента кафедры неорганической химии, а с 1935 года – заведующим кафедрой химии⁹. Кафедра активно сотрудничала с ленинградскими учеными. Для чтения курсов в Петрозаводск приезжал В. А. Догель, он останавливался и часто бывал в гостях у Лупановых. В. А. Догель считал Петра Андреевича прекрасным собеседником и широко образованным человеком. Деканом биологического факультета Карельского пединститута работала бывшая аспирантка Догеля – Айно Семеновна Лутта (табанолаг, специалист по слепням).

Она внесла свой вклад в формирование в Карелии нового научного направления – биологии и эпидемиологии иксодовых клещей и других эктопаразитов.

Преподаватели пединститута были активными общественниками. П. А. Лупанов как химик и заведующий кафедрой включился в работу Осоавиахима – добровольного Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Студенты активно занимались в кружках Осоавиахима – стрелковом, парашютном, радиолюбителей. Многие стали значкистами ГТО и ПВХО. Благодаря пропаганде спорта и техники, культурности, гендерного равенства Осоавиахим успешно привлекал в свои ряды молодежь [7]. Для поддержки и оценки работы местных ячеек Осоавиахим неоднократно проводил всесоюзные соревнования, на которых в 1939 году успешно выступили студенты КГПИ, руководителем подготовки был П. А. Лупанов. За участие в V Всесоюзных химических соревнованиях и участие в оборонной работе он получил значок «Активист Осоавиахима» [3: 156]. Укажем, что только в 1993 году была принята Всемирная декларация о прекращении использования химических веществ как оружия.

10 июля 1940 года Совет народных комиссаров СССР принял постановление «Об открытии Карело-Финского государственного университета» (КФГУ). В его составе начали работу четыре факультета: историко-филологический (декан М. Г. Никулин), физико-математический (А. А. Райкерус), биологический (Э. Д. Маневич) и геолого-гидрологический (М. А. Тойкка). На биологическом факультете была создана кафедра химии, которую возглавил П. А. Лупанов. За первый год работы кафедры появились современные химические лаборатории, была подготовлена методическая литература. И здесь опять сказывается базовое образование и высокая квалификация П. А. Лупанова. В 1941 году в связи с отсутствием учебников П. А. Лупанов подготовил конспекты лекций и инструкции для практикума по химии, которые издавались на стеклоглазе – современном в то время приборе для копирования. Текст печатался на пишущей машинке со специальной литографской лентой, затем переводился на стекло, обрабатывался химическими растворами. Для получения каждой страницы текста требовалась двукратная работа: накатка валиком краски, накатка и приглаживание листа бумаги. На такой сложной технике П. А. Лупанов печатал первые университетские пособия по химии. Позднее на смену стеклоглазу пришел принтер.

А. Г. Бонч-Осмоловская работала в педагогическом и сельскохозяйственном техникумах, на рабфаке. Работала успешно, с полной отдачей, не жалея времени, имела в городе отличную репутацию. Ирина Петровна Лупанова вспоминала:

«У нее был, очевидно, какой-то особый педагогический дар, связанный с “железной” природой характера при внешней оболочке тихого, скромного существа, державшего, однако, громокипящую массу учеников в состоянии полнейшей покорности» (19).

Труд талантливого педагога получил общественное признание. В 1939 году она была награждена орденом Трудового Красного Знамени, в 1940 году избрана депутатом Верховного Совета КФССР, заместителем Председателя Верховного Совета КФССР. Ирина Петровна Лупанова вспоминала:

«Со мной мама нежна и ласкова, выходные дни целиком принадлежат мне. Несмотря на занятость, мама успевает и погулять со мной, и почитать что-нибудь, чего самой мне не осилить, и поговорить о том, что читаю я сама. Я никогда не слышу от нее ни окрика, ни просто грубого слова. Вместе с тем я знаю, что если сильно провинюсь – пощадить не будет. При всей мягкости и покладистости у мамы “железный характер”» (17).

Александра Георгиевна собрала замечательную домашнюю библиотеку, в которой был представлен весь Серебряный век – полные издания Ф. Сологуба, А. Белого, Д. Мережковского, сборники стихов А. Ахматовой, Н. Гумилева и др. Во время войны сгорел их дом в Петрозаводске, библиотека была утрачена, однако после войны она была восстановлена и постоянно пополнялась.

По воспоминаниям Ирины Петровны, П. А. Лупанов увлекался фотографией, хорошо рисовал, готовил прекрасное домашнее вино, любил путешествовать (Кавказ, Крым, Алтай, Памир). Именно с папой связано детское увлечение Ирины энтомологией:

«Главная моя страсть – бабочки... Родители меня поддерживают, и в застекленном балконе с ранней весны до поздней осени звенят, жужжат, ползают и летают представители насекомого мира» (56).

Через какое-то время взамен банок с гусеницами и куколками появляются сосуды с головастиками и тритонами. Затем интерес ребенка сосредотачивается на более высоко организованных формах. Появляются птицы – синички, снегири, чечетки, затем кошки, а до кошек был ежик (57).

В семье царил дух творчества и большой любви. Серьезную тревогу дочь ощутила, когда начались репрессии: «В разговорах за общим столом отец по-прежнему шутил “На улицу выйти

стыдно – всех знакомых забрали. Спрашивается: а ты-то почему еще ходишь?»» или «Нужно на всякий случай собрать чемоданчик». Этот чемоданчик был, он-то и запомнился Ирине Петровне (84).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

С началом войны П. А. Лупанов как химик был назначен начальником противохимической и противовоздушной обороны своего квартала. Ирину Петровну, студентку Ленинградского университета, вернувшуюся летом 1941 года домой, Петрозаводск встретил зашторенными окнами, рвами во дворах, бомбоубежищами, пустыми улицами, сигналами воздушной тревоги: «Папа большую часть суток проводил вне дома...» (104). Решение об эвакуации КФГУ в Сыктывкар (Коми АССР) было принято в августе 1941 года. Вскоре университет получил в свое распоряжение баржу (лихтер), на которую погрузили самое ценное имущество. Здесь же разместились часть преподавателей и членов их семей, в том числе Александра Георгиевна с Ириной. До Сыктывкара они добирались почти два месяца. Петр Андреевич выехал на поезде позднее и, как пишет Ирина Петровна,

«в эвакуацию взял два чемодана и уложил самое ценное – две энциклопедии, несколько десертных тарелочек “под старину” из Бронниц, серебряную сахарницу, кружку, кофейник, ну и какие-то тряпки – свои и наши с мамой. Да еще снял со стен все картины, свернул холсты в трубочки» (157).

В эвакуации А. Г. Бонч-Осмоловская продолжила педагогическую работу в школах и педагогическом училище Сыктывкара, а с 1943 года заведовала учебной частью Учительского института в Кемі. Подготовку школьных учителей в Кемі начали в суровых условиях: город подвергался бомбежкам, трудно было с жильем, питанием, одеждой. Основную организационную работу выполняли два человека – директор Л. М. Каган и завуч А. Г. Бонч-Осмоловская. Они сформировали педагогический коллектив, и в ноябре 1943 года в Учительском институте начались занятия. Студентов военного времени отличали сплоченность, упорство, умение ценить трудно достававшиеся знания¹⁰.

В Сыктывкаре сотрудники кафедры химии и студенты университета – биологи и геологи под руководством доцентов П. А. Лупанова и М. А. Тойкка выполняли многочисленные химические анализы руд и нерудных полезных ископаемых Коми АССР с целью использования их в народном хозяйстве [9: 59]. В 1943 году П. А. Лупанов пишет «Конспективный учебник

по химии боевых отравляющих веществ для студентов-биологов». В нем впервые систематизированы знания по биологическому и химическому действию боевых отравляющих веществ, что было актуально для военного времени. Знания по этому предмету Лупанов получил в Петроградском педагогическом институте на лекциях выдающихся химиков В. Н. Ипатьева, С. В. Лебедева, В. Н. Верховского, которые сами участвовали в разработке путей синтеза, прекрасно знали свойства боевых отравляющих веществ, участвовали в создании важной, в том числе и для оборонных работ, химической промышленности СССР. В 1942 году состоялся первый выпуск студентов-биологов, в числе выпускников были зоологи В. Г. Мельянцева и О. Н. Гордеев, которые стали первыми преподавателями КФГУ – выпускниками биологического факультета, в подготовке которых в эвакуации принимал участие П. А. Лупанов [2: 11, 28].

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

В 1945 году отмечалось пятилетие университета, его работу высоко оценило правительство Карело-Финской республики. Были присвоены почетные звания заслуженного деятеля науки Карело-Финской ССР самым достойным ученым – профессорам Д. В. Бубриху, С. В. Герду, В. С. Слодкевичу и заведующему кафедрой химии доценту П. А. Лупанову [9: 65]. В 1946 году было завершено восстановление разрушенной части главного учебного корпуса. После возвращения из эвакуации П. А. Лупанов заново организует учебный процесс и оснащение лабораторий курса химии. По воспоминаниям доцента кафедры зоологии В. Г. Мельянцева: «...прекрасный педагог и методист Петр Андреевич Лупанов так организовал учебный процесс, что он стал образцом для всех кафедр биофака»¹¹.

В 1948 году П. А. Лупанов публикует работу «Великий русский ученый Д. И. Менделеев и роль периодического закона в развитии современного учения об атоме». В. В. Семишин включил ее в библиографический обзор «Периодический закон и периодическая система химических элементов Д. И. Менделеева в работах русских ученых» (1959). Этот обзор входил в «Опыт систематизированной библиографии трудов, опубликованных в отечественной литературе с 1862 по 1957 гг.». Работа Лупанова была не только включена, но и цитировалась в IX главе этого высокорейтингового издания, что свидетельствует об авторском рассмотрении проблемы даже на уровне популяризации научных знаний. В 1949 году П. А. Лупанов опубликовал моно-

графию «Современная теория атома как основа построения курса химии в средней школе» (Петрозаводск, 1949), востребованную учителями и методистами. Комментируя его работы, профессор университета, в то время декан сельскохозяйственного факультета, а впоследствии заведующий кафедрой химии М. А. Тойка в характеристике от 15.06.1955 года пишет:

«Большой известностью пользуется его научный труд “Современное учение об атомах как основа построения курса химии в средней школе”. Из находящихся в рукописях научно-исследовательских работ особенно следует отметить работу “К методике обзора металлоидных элементов”»¹².

В августе 1955 года в результате сердечного приступа в возрасте 64 лет Петр Андреевич Лупанов скоропостижно ушел из жизни. Профессор ПетрГУ А. Е. Болгов вспоминает:

«Я поступил в Петрозаводский университет на специальность зоотехния в 1956 году. Занятия на первом курсе начались у нас в конце сентября, и сразу же стал изучаться курс неорганической и аналитической химии. В один из вечеров в комнате 102 общежития № 2 (теперь здесь IT-парк) старшекурсники-зоотехники, с которыми я жил, увидев мои конспекты, стали говорить о своем преподавателе – химике Лупанове: “Мы любили его. Это был преподаватель от Бога. Он блестяще знал свой предмет, вел занятия легко, весело, даже артистически. Слушать его было одно удовольствие. Мы легко запоминали все химические процессы и формулы. Жаль, что он ушел так рано”.

Один из зоотехников-выпускников 1956 года Борис Королев (первый выпуск, живет в Испании), с которым мы переписываемся, до сих пор с благоговением вспоминает П. А. Лупанова – яркого человека и незаурядного учителя. Светлая память Петру Андреевичу от имени нынешнего университета, его преподавателей и студентов-аграрников и биологов»¹³.

За успешную педагогическую деятельность Народный комиссариат просвещения КФССР награждал П. А. Лупанова нагрудным знаком «Отличник народного образования» (1945). Указом Президиума Верховного Совета СССР он награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946) и грамотой «За безупречную работу» (1947).

А. Г. Бонч-Осмоловская после войны преподавала методику русского языка в университете, затем в пединституте, где заведовала кафедрой русского языка. Ею подготовлен ряд учебных пособий по русскому языку и методике его преподавания в национальных школах. В 1954 году решением ВАК А. Г. Бонч-Осмоловская утверждена в ученом звании доцента по кафедре русского языка¹⁴. Она стала наставником нескольких поколений учителей-словесников Карелии. За успешную работу была награждена орденом Ленина

(1946), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью К. Д. Ушинского, удостоена званием «Заслуженный учитель школы Карело-Финской ССР» (1946), «Отличник народного просвещения» [3: 188].

В 1957 году, имея трудовой стаж 46 лет¹⁵, Александра Георгиевна оставила педагогическую работу и последующую жизнь посвятила дочери. Мать и дочь безмерно любили друг друга, поддерживали необычайно доверительные отношения. Мать, безусловно, оказала огромное влияние на судьбу дочери, на выбор профессии, на формирование у нее такого же твердого характера. Железная воля Александры Георгиевны продолжала помогать ей в жизни. В октябре 1969 года произошел случай, который еще раз показал недюжинную крепость духа и жизненные силы этой замечательной женщины. Она потерялась в лесу в районе Кончезера (любила бродить в одиночестве). Ее искали всю ночь и нашли только утром следующего дня, по словам нашедших, «живой и очень веселой». Как выяснилось, за ночь в свои восемьдесят лет она прошла тридцать километров (226). Александра Георгиевна скончалась в возрасте 92 лет 14 октября 1980 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что в Карелии в начале XX века работали высококвалифицированные педагоги, которые имели возможность получить разный уровень образования: от учителя начальной школы до преподавателя высшей школы в семинариях, училищах Карелии и вузах Петрограда. Их учителями были выдающиеся педагоги и ученые мирового уровня, которые не только активно занимались научной работой, но и почитали за честь работать на педагогическом направлении. Получившие хорошее образование педагоги высшей школы – А. Г. Бонч-Осмоловская и П. А. Лупанов – обеспечили профессиональный уровень подготовки специалистов в области филологии и химии в Карелии. Это подтвердилось педагогическими достижениями, наградами, а также научно-педагогическими достижениями их дочери Ирины Петровны Лупановой – доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Петрозаводского университета, заслуженного деятеля науки Республики Карелия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...»: книга о пережитом. Петрозаводск, 2007. 313 с. В тексте страницы указываются в круглых скобках.
- ² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3727. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ³ НАРК. Ф. 3727. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.
- ⁴ НАРК. Ф. 3727. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- ⁵ НАРК. Ф. 3727. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
- ⁶ НАРК. Ф. 3727. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
- ⁷ Библиотека Бестужевских курсов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.library.spbu.ru/bbk/history/exposition/e7.php> (дата обращения 12.05.2022).
- ⁸ НАРК. Ф. 3727. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
- ⁹ НАРК. Ф. 3727. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 3727. Оп. 2. Д. 8. Л. 4–10.
- ¹¹ Там же.
- ¹² НАРК. Ф. 3727. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
- ¹³ Интервью с А. Е. Болговым. Записано 28.12.2021 г. Личный архив Е. Ф. Марковской.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 3727. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.
- ¹⁵ НАРК. Ф. 3727. Оп. 2. Д. 2. Л. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вахромеева О. Б. К проблеме историко-социологического исследования выпускниц Бестужевских курсов (к 130-летию первого женского университета в России) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2009. № 1. С. 278–280.
2. 80 лет истории и жизни эколого-биологического факультета Петрозаводского государственного университета / Авт.-сост. Е. Ф. Марковская, Э. В. Ивантер. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 393 с.
3. Карельский государственный педагогический университет. 1931–2006: Биографический справочник / Отв. ред. Н. В. Предтеченская. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2006. 434 с.
4. Колесова Л. Н., Неёлов Е. М. Традиции школы профессора И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 5 (110). С. 55–57.
5. Лойтер С. М. Мой учитель Ирина Петровна Лупанова // От Пудожя до Парижа: Избранное. Петрозаводск, 2020. С. 24–29.
6. Маркова Е. И. Роль учеников В. Я. Проппа в фольклористике Карелии // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения в. Я. Проппа: Сб. докладов всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Петрозаводск, 2015. С. 8–10.

7. Никонова О. Ю. ОСОАВИАХИМ как инструмент сталинской социальной мобилизации (1927–1941) // Российская история. 2012. № 1. С. 90–104.
8. Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В 3 кн. Кн. 2. 1803–1903 / Науч. ред. О. П. Илюха, Н. А. Кораблев, Д. З. Генделев. Петрозаводск: Карелия, 2001. 400 с.
9. Страницы истории Петрозаводского государственного университета. 1940–2000 / Под ред. М. И. Шумилова и И. П. Покровской. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 540 с.

Поступила в редакцию 02.02.2022; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Eugenia F. Markovskaya, Dr. Sc. (Biology), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
volev10@mail.ru

TIME AND PEOPLE OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: THE LUPANOV FAMILY

Abstract. The article is dedicated to A. G. Bonch-Osmolovskaya and P. A. Lupanov, outstanding teachers who made a significant contribution to the development of research and pedagogical education in the Republic of Karelia. The author analyzes their educational environment and shows the status of a teacher in the structure of educational environment at the beginning of the XX century under difficult circumstances brought about by the change of statehood. For the first time an attempt has been made to find and generalize information about Pyotr Andreevich Lupanov. The research has shown that he and his wife, Alexandra Georgievna Bonch-Osmolovskaya, despite the differences between their social background and paths to professional realization, remained in the history of Karelian education as teachers of exceptional qualification thanks to their education and upbringing, as well as their family partnership. Their daughter, professor I. P. Lupanova (whose 100th anniversary was celebrated last year) was highly committed to the family principles and also left rich academic and pedagogical legacy.

Key words: family history, A. G. Bonch-Osmolovskaya, P. A. Lupanov, I. P. Lupanova, chemistry, philology, Petrozavodsk, university

For citation: Markovskaya, E. F. Time and people of the first half of the XX century: the Lupanov family. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):33–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.785

REFERENCES

1. Vahromeeva, O. B. Historical and sociological research on graduates of Bestuzhev's Courses (to the 130th anniversary of the first university for women in Russia). *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2009;1:278–280. (In Russ.)
2. Eighty years of history and life of the Department of Ecology and Biology of Petrozavodsk State University (E. F. Markovskaya, E. V. Ivanter, Comps.). Petrozavodsk, 2020. 393 p. (In Russ.)
3. Karelian State Pedagogical University. 1931–2006: Biographical directory. (N. V. Predtechenskaya, Ed.). Petrozavodsk, 2006. 434 p. (In Russ.)
4. Kolesova, L. N. Neelov, E. M. Traditions of the intellectual school of professor I. P. Lupanova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2010;5(110):55–57. (In Russ.)
5. Loiter, S. M. My teacher Irina Petrovna Lupanova. *From Pudozh to Paris: Selected writings*. Petrozavodsk, 2020. P. 24–29. (In Russ.)
6. Markova, E. I. The role of V. Ya. Propp's students in Karelian folklore studies. *Language and poetics of Russian folklore: Celebrating the 100th anniversary of V. Ya. Propp: Proceedings of all-Russian research conference (with international participation)*. Petrozavodsk, 2015. C. 8–10. (In Russ.)
7. Nikonova, O. Osoaviahim as an instrument of Stalin's social mobilization (1927–1941). *Russian History*. 2012;1:90–104. (In Russ.)
8. Petrozavodsk: 300 years of history: Documents and materials. In 3 books. Book 2. 1803–1903. (O. P. Ilyukha, N. A. Korablev, D. Z. Gendeleev, Eds.). Petrozavodsk, 2001. 400 p. (In Russ.)
9. Pages of history of Petrozavodsk State University. 1940–2000. (M. I. Shumilov, I. P. Pokrovskaya, Eds.). Petrozavodsk, 2005. 540 p. (In Russ.)

Received: 2 February, 2022; accepted: 29 April, 2022

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА ВИГЕРИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературного образования филологического факультета

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

livigerina@yandex.ru

ОППОЗИЦИЯ «ГОРОД / ДЕРЕВНЯ» В «ЗАДУШЕВНЫХ РАССКАЗАХ» П. В. ЗАСОДИМСКОГО

А н н о т а ц и я . Впервые предпринята попытка анализа поэтики сборника «Задуманные рассказы» П. В. Засодимского. Новизна работы связана как с отсутствием литературоведческих исследований о «Задуманных рассказах», так и с актуальностью в современной науке проблемы города и городского текста. Рассматривается своеобразие изображения города и деревни в произведениях писателя-народника для детей, выявляются функции оппозиции «город / деревня» в художественной системе «Задуманных рассказов». В работе использованы сравнительно-исторический, типологический и мифопоэтический методы. Отмечается, что осуждение урбанистической цивилизации и идеализация деревни осуществляются писателем с точки зрения народнической идеологии. Использование архетипов ада – в изображении города и рая – в изображении деревни создает символическо-мифологический подтекст в произведениях сборника. Указывается, что важным приемом в изображении городского пространства является острашение, которое наиболее очевидным образом вскрывает негативные стороны урбанистической цивилизации. Делается вывод о том, что оппозиция «город / деревня» определяет авторскую концепцию мира и человека в «Задуманных рассказах».

К л ю ч е в ы е с л о в а : «Задуманные рассказы» П. В. Засодимского, оппозиция «город / деревня», городской текст, петербургский текст, архетип рая, архетип ада, народническая идеология

Д л я ц и т и р о в а н и я : Вигерина Л. И. Оппозиция «город / деревня» в «Задуманных рассказах» П. В. Засодимского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 41–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.786

ВВЕДЕНИЕ

Два тома «Задуманных рассказов» П. В. Засодимского впервые были опубликованы в 1883–1884 годах и неоднократно переиздавались в конце XIX – начале XX века. В советское время детские книги писателя были забыты. Лишь в 1990-е годы – начале XXI века в новой культурной ситуации возрождения национальных традиций и возвращения забытых памятников появляются переиздания отдельных произведений из «Задуманных рассказов», из «Быльищ и сказок»¹. В этот же период в контексте активизации интереса к детской дореволюционной и духовно-календарной литературе можно отметить обращение ученых к произведениям для детей П. В. Засодимского, правда, чаще всего в качестве иллюстрации той или иной закономерности развития детской и календарной словесности [6], [7], [14]. Некоторые из святочных рассказов писателя вошли в школьную программу и нашли отражение в методической литературе [24].

Несмотря на интерес современной науки к П. В. Засодимскому как детскому писателю, следует отметить, что поэтика «Задуманных рассказов» не изучена. Этим определяется новизна предлагаемого исследования. Выбранный аспект анализа – оппозиция «город / деревня» – продиктован как своеобразием литературного материала, в котором указанная оппозиция является значимой для авторской концепции мира и человека, так и актуальностью для современного научного знания проблемы города, городского текста, оппозиции «город / деревня».

Исследования городской и деревенской культуры позволяют осознать специфику ментальности той или иной национальной культуры, особенности ее исторического пути, аксиологии. Изучение городской цивилизации, деревенской культуры, оппозиции «город / деревня» ведется в современной науке представителями различных отраслей гуманитарного знания: историками [22], социологами [15], лингвистами [3], литера-

туроведами [2], [5], [12], [18], [19], [21], [22], культурологами, искусствоведами [23] и др.

Город как особый социокультурный феномен осознается через оппозицию той среде, которая его окружает. Ю. В. Лобанова отмечает:

«Скрытую апелляцию к природе содержит любой текст, в котором подчеркнута рукотворность городской среды. <...> Город всегда возникает как альтернатива уже существующему культурному пространству... Это означает, что среда, в окружении которой находится каждый город, – среда деревни...»².

Для осознания специфики города как социокультурного явления и его аксиологического восприятия важен имагологический подход: взгляд городского жителя на деревню и деревенского жителя на урбанистическую цивилизацию. Урбанистическая цивилизация рассматривается писателем в «Задуманных рассказах» с позиции народнической идеологии, отрицавшей капиталистический путь развития России и идеализировавшей русскую патриархальную общину [4].

Городскому пространству писатель противопоставляет сельское (природное), правда, чаще всего это не реальная деревня, которая переживала в этот период кризис, а воображаемые картины детства героев на лоне природы. Образы города и деревни изображаются в мифопоэтическом аспекте: современный капиталистический город осмыслен через архетип ада; природный мир, деревня – через архетип рая, золотого века, что обусловлено и христианским мирозерцанием П. В. Засодимского, и его знакомством с народно-христианской культурой, и особенностями его творческой манеры, о которой справедливо писала Е. Ю. Власенко:

«Уже в произведениях раннего периода творчества (1867–1873) П. В. Засодимского можно обнаружить глубокие пласты смыслообразования, ориентацию художественной структуры текста на архаические, христианские и литературные мифологемы. Несмотря на злободневность тематики, на сосредоточенность писателя на проблемах современного общественного устройства <...> содержание его повестей и романов на поверку оказывается укорененным в глубинах общечеловеческих универсальных ценностей...»³.

Все отмеченные особенности творческой манеры П. В. Засодимского проявляются и в произведениях для детей. Сам писатель признавался: «Все те веяния, которым подвергалась литература “для взрослых”, отражались и на детской литературе»⁴. Он не был склонен резко разграничивать взрослую литературу и детскую, считал, что нужно «говорить с юношеством, как с равней, и с детьми, как с существами мыслящими, разумными, для которых одной сухой, бессос-

держательной морали или одних сказочек недостаточно»⁵. Поэтому в произведениях для детей он ставит и острые социальные проблемы, и вечные, бытийные, изображает не только отрадные картины, но и страшные, не боится говорить с юным читателем о смерти. В предисловии «От автора» к первому тому «Задуманных рассказов» П. В. Засодимский формулирует свою позицию так:

«Я убежден, что на созерцании одних картин счастья, радости, довольства не может развиваться чувство нежного сострадания к тому, что ниже, слабее, беднее и вообще несчастнее нас. <...> Поэтому, изображая светлые стороны жизни, я никогда не упускал из виду и темных сторон ее»⁶.

Оппозиция «город / деревня» имеет разные варианты художественного воплощения в «Задуманных рассказах». В святочном жанре («Ночь на Новый год», «Перед печкой», «История двух елей») картинам тяжелой жизни бедняков, смерти в «большом городе» противопоставлены картины сновидений и грез героев о деревне, о жизни на лоне природы. Такое противопоставление призвано вскрыть антигуманность урбанистической цивилизации. Другой вариант художественного решения оппозиции «город / деревня» связан с использованием «диалогического конфликта» – спор девочек о городе и деревне в рассказе «Дочь угольщика».

ОППОЗИЦИЯ «ГОРОД / ДЕРЕВНЯ» В «СВЯТОЧНЫХ РАССКАЗАХ» СБОРНИКА

Образ большого города представлен в святочных рассказах «Ночь на Новый год», «Перед печкой», а также в рассказе «Вовка» («Из биографии одного кадета»), в котором присутствуют образы и мотивы рождественского жанра. Если в последнем прямо указывается, что действие происходит в Петербурге, то в других большой город не конкретизируется, но в его образе угадываются черты Петербурга (набережные, фабрики, сады, сырость, холод, дворы-колодцы, каморки бедняков в подвалах и на чердаках доходных домов и др.), известные по классическому петербургскому тексту русской литературы XIX века.

Петербург появляется в произведениях писателя неслучайно. П. В. Засодимский связан с городом биографически: в 1863 году после окончания вологодской гимназии он приехал учиться в университет, слушал лекции на юридическом факультете, в 1870-е годы сотрудничал в журналах «Отечественные записки», «Детское чтение», «Слово» и др. В книге «Из воспоминаний» (1908) он признавался, какие тяжелые чувства владели им в первое время пребывания в Петербурге:

«...вспомнил я покинутый родной дом, знакомые поля, леса, серые, убогие деревушки, и из этого шумного, чуждого мне города я унесся мысленно туда, в глубину России, где “вековая тишина”, где лишь ветер не дает покою вершинам придорожных ив, и выгибаются дугою, целуясь с матерью-землею, колосья бесконечных нив <...> “Вот он, Петербург, – со вздохом подумал я, – вот тот город, куда я так страстно стремился, о котором я уже давно грезил во сне и наяву. Что-то дает он мне!...” Посмотрел я на потемневший город, на темное ночное небо, на мерцавшие звезды, и почувствовал я себя одиноким, страшно одиноким. Все для меня здесь чужие, и я всем чужой, – никому до меня дела нет. Мне стало страшно <...> Мало ли здесь гибнет народу! И я почувствовал себя песчинкой, попавшей в водоворот...»⁷.

Такие же безотрадные чувства, ощущение вселенского одиночества овладевают в большом городе и героями «Задушевных рассказов». Так, в рассказе «Перед печкой» Тане «чудится, что для нее с братом нет угла во всем этом обширном Божьем мире, нет на их долю богатства посреди этих богатств, нет для них счастья и радости посреди счастливых и радостных...» (128). Заметим, что, если в русской классической традиции образ Петербурга обладает «аксиологической амбивалентностью» [16: 77], то в «Задушевных рассказах» П. В. Засодимского он предстает исключительно в своей негативной ипостаси, что связано с особенностями народнической позиции писателя.

В рассказе «Ночь на Новый год», который открывает первый том «Задушевных рассказов», большой город изображен в традициях петербургского текста А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского, писателей «натуральной школы» и Н. А. Некрасова. Он представлен локусами многоэтажного дома, кладбища, тюрьмы, фабрики, набережной и улицы.

Образ многоэтажного дома – своего рода модель современного иерархического общества, рассказывающая о положении того или иного сословия в современной России. Описание каморки бедняков в подвальном этаже включает почти все элементы, характерные для петербургского текста Достоевского: «желто-серые каменные стены», позеленевшие от сырости углы, теснота и замкнутость пространства, крохотное окошечко, которое выходит во двор и так низко, что девочка, обитательница этой каморки, «легко могла бы видеть из него камни мостовой», впрочем, замечает автор, «и не стоило глядеть в это окошко: из него не видно ни кустика, ни деревца, ни единого клочка голубого неба». «Каменные стены замыкали двор со всех четырех сторон», превращая пространство в своего рода тюрьму, каморка Тани и Феди («Перед печкой») «походила на арестантский каземат», костюм Феди –

на костюме каторжанина: «Коричневое, затасканное суконное пальтишко в заплатках и дырах», а «на спине, на том самом месте, где у каторжников ставится знак, наложена большая желтая заплатка» (111). Подробные описания костюмов, интерьеров, мебели, быта городских низов в «Задушевных рассказах» восходят к традиции «Натуральной школы», а также этнографического направления в русской литературе, к которому принадлежали писатели-народники [20].

Локус тюрьмы становится выражением несвободы человека в городском пространстве, одним из символов города:

«Большое серое каменное здание с железными воротами, с решетчатыми окнами и башнями по углам мрачною, тяжелою тенью рисуется на фоне синего ночного неба. В окнах этой серой каменной громады не видно огня, ворота наглухо заперты – никто в них не входит теперь: не слышно голосов людских, не слышно жизни» (22–23).

Узник этого «каменного гроба» мечтает о свободе. Обретет ли он ее? Ведь и свободные от тюремного заключения нищие, униженные и оскорбленные городского пространства чувствуют себя здесь узниками. «В урбанистической литературе, – указал в свое время Н. П. Анциферов, – жизнь тюрьмы трактуется как элемент жизни города, тесно с ней связанный» [1: 442]. Это демонстрируют произведения Ч. Диккенса, О. де Бальзака, однако странно, по мнению ученого, что «тюрьма не сделалась петербургской темой» Ф. М. Достоевского [1: 442]. В этом смысле городские тексты П. В. Засодимского продолжают традиции Диккенса и Бальзака.

Картина большого города в рассказах П. В. Засодимского включает также образ городских промышленных окраин: «громадные фабрики» резко и мрачно выделяются на фоне неба, соседствуют с пустырями и кладбищем. Один из персонажей рассказа «Ночь на Новый год» старик-нищий был искалечен «страшной, недоброй фабричной машиной» (26), а затем выброшен на улицы большого города, где он умирает от холода и голода в праздничный вечер.

«В урбанистической литературе Запада при осуждении “большого города”, – замечает Н. П. Анциферов, – выдвигается тема освобождения от него, часто представленная темой бегства. Большому городу противопоставляется тишина старинного провинциального городка или же природа» [1: 444].

В святочных рассказах П. В. Засодимского городские бедняки только мечтают о солнце, лесе, просторе полей, вспоминают свое детство в деревне, понимая, что этим мечтам не сбыться. Так,

в финале рассказа «Ночь на Новый год» в предсмертном видении старика-нищего появляется картина его деревенского детства, восходящая к архетипу рая, противопоставленная реальности капиталистического города:

«Старик видит себя опять маленьким мальчуганом, чумазым, краснощеким, таким здоровым и веселым. Он еще живет в своей родной деревне, у отца у матери. Вот он бегают по полю, бегают по лугам, между зеленеющими кустами <...> Небо ясное, без облачка. Красивые бабочки порхают по цветам. А цветов – словно ковры разостланы по лугам. И сладко, хорошо пахнут цветочки... Теплый ветерок тихо подувает ему в лицо... А солнце такое большое, яркое-яркое, смотрит на него с небес и обдает потоками света и тепла... Где-то в кусту запевает птичка. Ясные звуки льются над землею, несутся к сияющим небесам... Хорошо, очень хорошо!» (27–28).

В рассказе «Перед печкой» оппозиция «город / деревня» заявлена уже в эпиграфе:

«В том мире нет лугов,
Ни цветов, ни трав душистых,
Ни веселых мотыльков», –

строки которого отсылают к архетипу рая, с одной стороны, с другой – дают оценочную характеристику миру города, в котором живут и умирают юные герои рассказа.

«Святочные рассказы» в сборнике «Задуманные рассказы» заканчиваются не торжеством христианского идеала, не чудесным спасением, а гибелью детей, что выражает авторское отношение писателя к капиталистическому городу. В предсмертном видении Тани («Перед печкой») появляется чудовище, погубившее жизнь ее и брата:

«Сквозь сон Тане живо, явственно представляется, что на нее с братом идет какое-то темное чудовище, с черной косматой головой, с длинными-длинными ручищами, черными, как сажа, вместо глаз у него угольки, и горят они неприятным зеленоватым светом, то померкая, то ярко вспыхивая...» (139).

Картина сна девочки явно отсылает к архетипической картине ада. А. Соболев в работе «Загробный мир по древнерусским представлениям» писал о том, что на церковных и лубочных картинках ад «изображается в виде открытой огнедышащей пасти чудовищного змея, извергающего из себя вечный неугасимый огонь, охватывающий собой все подземное царство» [13]. В художественной системе рассказа «чудовище» – это угарный газ, от которого погибли дети, но этот образ обретает также метафорическое (чудовище – капиталистический город) и архетипическое измерение (капиталистический город – ад) и создает глубокий символический подтекст произведения.

В рассказе «Вовка» картины деревенского детства героя в семейном теплом кругу, на лоне прекрасной природы противопоставлены образу Петербурга, который представлен локусами клиники и Смоленского кладбища. Смерть 14-летнего героя, который приезжает в столицу учиться в кадетском корпусе, мотивирована не социальными обстоятельствами, как в святочных рассказах сборника, а роковой силой, которой подвластны все на земле, – болезнью. Тем не менее неслучайно автор «посылает» умирать своего юного героя в Петербург – город, построенный вопреки природным обстоятельствам, город искусственный, который был осмыслен в русской классической традиции (А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский) как гибельное место [17]. В. Н. Топоров писал, что петербургский текст русской литературы – своего рода «поминальный синодик по погибшим в Петрополе, ставшем для них подлинным Некрополем» [17: 30]. К «Задуманным рассказам» это имеет прямое отношение: все святочные рассказы в сборнике завершаются смертью героев.

Изображение антигуманной сущности большого города, Петербурга, выполняет не только гносеологическую, ценностно-ориентационную, но и гуманистическую, воспитательную функцию. По мысли В. Н. Топорова, «внутренний смысл» Петербурга и петербургского текста состоит в

«достижении более высокого уровня духовности... Бесчеловечность Петербурга оказывается органически связанной с тем высшим для России и почти религиозным типом человечности, который только и может осознать бесчеловечность, навсегда запомнить ее и на этом знании и памяти строить новый духовный идеал» [17: 5].

К городским (петербургским) текстам сборника «Задуманные рассказы» примыкает «История двух елей», где изображается промышленный провинциальный город. Для осуждения городской цивилизации писатель использует метод остранения (В. Шкловский): городское пространство дается в восприятии субъективированного объекта – рождественской елки, которая продается на рынке. Елочка, в первый раз оказавшаяся в городе, поражена шумом, толкотней, суетой городской жизни:

«Уличный шум на первых порах оглушил ее и после лесного безмолвия показался ей до того адски-невыносимым шумом, что она готова была бежать без оглядки в лесную чащу, где в дремотной тишине стоят под снегом ее зеленые собратья...» (181).

Рождественский базар ужасает ее «грудами всякой мертвечины», около которых ходят люди:

«Тут ель нашла и своих старых знакомых... но в каком жалком виде! Мертвые зайчики лежали, вытянув лапки и оскалив свои белые резцы. А далее – пестрые рябчики, куропатки, большие черно-сизые тетерева-глухари...» (181).

Поведение людей удивляет елочку бессердечием, жестокостью, озлобленностью, равнодушием к ближнему: «точно весь город обезумел» накануне Рождества. Такая картина дисгармоничной городской жизни резко противопоставлена картине жизни леса, данной в начале рассказа.

Главный герой «Истории двух елей» Коля в рождественский праздник мечтает, что когда-нибудь уедет жить в деревню с матерью и подругой Соней, но после смерти матери он вынужден остаться в провинциальном городке, где жизнь людей определяет завод. Городская среда изображается как ограниченная и отделенная от всего Божьего мира, противопоставленная природному пространству: завод находится за железными глухими воротами, на окнах заводской конторы решетки, рабочие, как узники, вынуждены отбывать срок в мастерских. В описании города доминируют образы мастерских с красными кирпичными стенами, высокими закоптелыми трубами, «то и дело изрыгавшие дым и искры»; акцентируется образ железа (железные решетки, железные ворота, железные шкафы в конторе), с которым сочетаются звуковые образы скрежета, треска, «адски-нестерпимого» грохота города. Только в мечтах городского жителя возникает образ идеального и гармоничного мира природы: воображение героя ведет его

«далеко-далеко, в поля, луга, в леса, где журчат ручьи, плещут тихим, баюкающим плеском речные волны, где не трещат, не грохочут машины, не дымят и не сыплют искрами закоптелые, высокие трубы, где воздух чист, небо синее и все от края до края видимо человеку, где цветут цветы, и жаворонок поет в сияющих небесах» (202).

Очевидно, что изображение городского пространства отсылает к архетипу ада, изображение природы – к архетипу рая.

В рассказе «Дочь угольщика» оппозиция «город / деревня» представлена в форме столкновения двух точек зрения – деревенской и городской девочек. При этом автор прибегает к инверсированной модели: не деревенский житель в городской среде, а горожанин в деревне. Городской ребенок Леля попадает в сельское пространство и знакомится с миром природы и жизнью людей другого сословия – крестьянского. В центре рассказа – спор городской жительницы Лели и «лесной царицы» Зинки о достоинствах и значении для людей города и деревни. Автор

вводит в художественную систему рассказа «диалогический конфликт», характерный для поэтики «Натуральной школы», с традицией которой тесно связано творчество П. В. Засодимского.

«Суть диалогического конфликта, – указывает В. М. Маркович, – сводится к тому, что противоположные (чаще всего взаимоисключающие) субъективные точки зрения сталкиваются на фоне действительности, обнаруживая перед ней свою односторонность и недостаточность и тем самым выявляя, косвенным образом, ее широту и неисчерпаемую сложность» [9: 69].

Писатель приводит точки зрения героев, их аргументы, и, хотя его симпатии на стороне деревенской жительницы, он воздерживается от однозначных ответов, предлагает читателю включиться в спор героев. Городская цивилизация, увиденная и оцененная ребенком («естественным человеком»), – этот прием явно отсылает к творчеству Л. Н. Толстого: в «Войне и мире» военный совет в Филях изображается глазами крестьянской девочки. В романе «Воскресение» «народно-крестьянская точка зрения» на жизнь оказывается «единственно справедливой» [11: 133] – только с этой позиции можно оценить абсурдность современной человеческой цивилизации. П. В. Засодимский разделял этические и эстетические взгляды Л. Н. Толстого, отношение которого к городской цивилизации было близко к народническому. Некоторые из современников (П. Л. Лавров, Д. Н. Овсянко-Куликовский и др.) даже относили Толстого к представителям народничества [10].

Героиня рассказа «Дочь угольщика» Зинка считает, что в деревне «лучше, чем в ваших каменных домах»: «У нас вольнее...». «Худо» то, что город все забирает из деревни, из леса, а ничего не дает. «Лесная царица» выражает народное представление: «Наш лес – собирауха, а город ваш – подбирауха». Крестьяне могут прожить без помощи города, а город не может без крестьянского труда. Зинка опасается города, так как туда уходят односельчане и чаще всего не возвращаются, погибают или приходят увечными.

Пытаясь защитить город, Леля говорит об учителях, лекарях, которые приезжают из города в деревню. Но Зинка ей возражает: не видела она ни лекарей, ни учителей в их деревне. В рассказе отразилась позиция П. В. Засодимского по поводу теории «малых дел» и «культурной работы», о которых разгорелся спор в современной писателю публицистике. Он разделял взгляды народника Я. В. Абрамова, в середине 1880-х годов «призвавшего интеллигенцию к новому походу в деревню (на “культурную работу”)» [10:

20], сам принимал участие в организации библиотек для народа, просветительских мероприятий. Леля чувствует себя в споре с «лесной жительницей» побежденной: она ощутила себя

«маленькою, слабенькою и даже глупой перед этой смелой,мышленною девочкой, дочерью простого угольщика, которая сама себя кормит, поит, одевает, достает себе лакомства и забавляется без всякой чужой помощи»⁸.

Писатель явно симпатизирует своей крестьянской героине, позже в книге «Из воспоминаний», рассказывая о работе в сельской школе, он признается, что крестьянские дети более серьезные, чем городские, они знают жизнь, труд⁹. В соответствии с народническими взглядами П. В. Засодимский создал в этом рассказе утопическую картину крестьянской жизни, в основании которой лежит связь с природой, труд, «чистота нравственного чувства» (Н. Г. Чернышевский), и противопоставил ее праздной городской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бинарная оппозиция «город / деревня» является важнейшей в создании художественной модели действительности в «Задуманных рассказах» П. В. Засодимского и представляет собой основной способ концептуализации авторской картины мира. Она углубляется и конкретизируется с помощью таких бинарных оппозиций, как *открытое / закрытое пространство, про-*

стор / теснота, свет / тьма, жизнь / смерть, здоровье / болезнь, добро / зло, дом / антидом, гармония / дисгармония.

Структурно-смысловой анализ выявленных контрастных пар позволил установить связь художественного мира «Задуманных рассказов» с мифологическими представлениями об аде и рае: образ города как места вечной неизбывной муки создается с помощью характерных для мифопоэтической картины мира компонентов описания ада (тьма, мрак, смердящее пространство, холод, огонь, красный цвет, дьявол (чудовище), вечные страдания); образ деревни как места вечного блаженства – с помощью традиционных компонентов рая (ясное небо, горный свет, солнце, не обжигающее, но изливающее тепло, тишина, покой, гармония, радость, красота цветов, сада, райское пение птиц).

Возникающий на основе названных архетипических образов глубинный символическо-мифологический подтекст связан с авторской аксиологической системой, его религиозными и этическими взглядами, а также с его народнической позицией. Используя фундаментальные оппозиции мировой культуры «рай / ад», «добро / зло», П. В. Засодимский создает в «Задуманных рассказах» своего рода утопию (образ деревни) и антиутопию (образ города), выражая отношение к современной действительности, размышляя о судьбах России и человеческой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например, Засодимский П. В. Задуманные рассказы / Сост. С. Ю. Баранов. Вологда: Учебная литература, 2009. 320 с.

² Лобанова Ю. В. Образ города в художественной культуре: Автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 1998. С. 17.

³ Власенко Е. Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П. В. Засодимского: Дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. С. 9.

⁴ Засодимский П. В. Очерки истории детской журналистики в России (по 1869) // Колесова Л. Н. Детские журналы России (1785–1917): Учебно-методический комплект. Петрозаводск, 2014. С. 163.

⁵ Там же. С. 192.

⁶ Засодимский П. В. Задуманные рассказы: В 2 т. Т. 1. СПб., 1889. С. 3. Далее в статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках страницы.

⁷ Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. 450 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zasodimskij_p_w/text_0280_iz_vospominaniy.shtml (дата обращения 24.05.2022).

⁸ Засодимский П. В. Задуманные рассказы: В 2 т. Т. 2. СПб., 1898. С. 45.

⁹ См. раздел «Учительствую в сельской школе» в кн.: Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. 450 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://az.lib.ru/z/zasodimskij_p_w/text_0280_iz_vospominaniy.shtml (дата обращения 24.05.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
2. Боева Г. Н. «Кто из нас прав, кто умнее?»: деревня vs город в рассказах В. М. Шукшина // Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»): Материалы междунар. науч. конф. / Под. ред. Е. М. Криволаповой. Курск: Курский гос. ун-т, 2020. С. 99–105.
3. Бурмистрова Т. А. Лексическая оппозиция «Город – деревня»: лексикографический аспект // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 37–40.

4. Гоголадзе Т. А. Оппозиция «город / село» в прозе писателя-народника С. Мгалоблишвили // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: Міжвуз. зб. наук. ст. 2010. Вип. XXIII, ч. 1. С. 156–163.
5. Горина Н. В. Топосы город / деревня в поэтической системе А. Елфимовой: некоторые аспекты реализации художественного пространства в современной комической лирике // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 3. С. 426–437.
6. Душечкина Е. В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 360 с.
7. Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ. Становление жанра. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1995. 256 с.
8. Зеленый Ю. А. К вопросу о значении мировоззрения Л. Н. Толстого и его принадлежности к народничеству (историографический аспект) // Народники в истории России: Межвуз. сборник науч. тр. Вып. 2 / Редкол. Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.; Воронежский гос. ун-т. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 37–49.
9. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман 19 века (30–50-е годы). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. 208 с.
10. Мокшин Г. Н. Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении // Народники в истории России: Межвуз. сборник науч. тр. Вып. 2 / Редкол. Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.; Воронежский гос. ун-т. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 20–36.
11. Одинокое В. Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. 160 с.
12. Пыхтина Ю. Г. Ментальное пространство в тексте: национальные, региональные и индивидуальные аспекты. Оренбург: ОГУ, 2021. 133 с.
13. Соболев А. Загробный мир по древнерусским представлениям. Сергиев Посад, 1913 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Sobol/index.php (дата обращения 24.05.2022).
14. Старыгина Н. Н. Святочный рассказ как жанр // Проблемы исторической поэтики. Вып. 2. Художественные и научные категории. Петрозаводск, 1992. С. 113–127.
15. Староверов В. Россия и ее деревня: историческая обусловленность их общинной социальности. Из автобиосоциохроники одного старообрядческого рода: Монография. М.: Библио-Глобус, 2019. 362 с.
16. Столович Л. Н. Аксиология Петербурга // Метафизика Петербурга (Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. I). СПб., 1993. С. 74–83.
17. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
18. Тхакур С. К. Дихотомия «Город и деревня» в рассказах В. М. Шукшина и Пханишварнатха Рену // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Vol. 22, No 1. С. 76–83.
19. Филимонова Т. С. Город и деревня в рассказах Нгуен Хюи Тхиепа // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. № 4. С. 184–195.
20. Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века // Русское литературоведение в новом тысячелетии: Материалы первой Междунар. конф. М., 2002. С. 228–232.
21. Хаджиева Л. Л. Оппозиция «деревня – город» в творческом сознании М. Исаковского // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. Вып. 1 (192). 2017. С. 148–152.
22. Шаббаев Ю. П., Садохин А. П., Лабунцова О. В., Сазонова Н. Н. Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267.
23. Шестакова И. В. Онтологические основы «деревенского» кинематографа В. Шукшина: фильм «Ваш сын и брат» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6. С. 413–415.
24. Шишигина Т. Л. «Развивать гуманные чувства...» Изучение святочных рассказов П. В. Засодимского, А. В. Круглова, В. И. Белова. V–VI классы // Литература в школе. 2017. № 9. С. 26–31.

Поступила в редакцию 29.11.2021; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Lyudmila I. Vigerina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation)
livigerina@yandex.ru

“CITY VS VILLAGE” OPPOSITION IN PAVEL ZASODIMSKY’S HEARTFELT STORIES

Abstract. The article is the first attempt to analyze the poetics of *Heartfelt Stories* written by Pavel Zasodimsky. The novelty of the work arises from both the absence of studies on *Heartfelt Stories* and the relevance of the problem of the city and the urban text in modern scholarly research. The article examines the originality of city and village images in the works of a populist children’s writer and identifies the functions of the “city vs village” opposition in the

artistic system of *Heartfelt Stories* using the comparative historical, typological, and mythopoetic methods. The study establishes that the writer condemns urban civilization and idealizes the village from the populist ideology perspective. The use of the archetypes of hell (in the image of city) and paradise (in the image of village) creates a symbolic and mythological subtext in the stories. An important technique for depicting urban space is defamiliarization, which reveals the negative aspects of urban civilization in the most obvious way. The article concludes that the “city vs village” opposition defines the author’s concept of the world and man in *Heartfelt Stories*.

Key words: *Heartfelt Stories* by Pavel Zasodimsky, “city vs village” opposition, urban text, St. Petersburg text, archetype of paradise, archetype of hell, populist ideology

For citation: Vigerina, L. I. “City vs village” opposition in Pavel Zasodimsky’s *Heartfelt Stories*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):41–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.786

REFERENCES

1. Antsiferov, N. P. Problems of urbanism in Russian fiction: the experience of building an image of a city – Dostoevsky’s Saint Petersburg – based on the analysis of literary traditions. Moscow, 2009. 584 p. (In Russ.)
2. Boeva, G. N. “Which of us is right, who is smarter?": village vs city in Vasily Shukshin’s stories. *Synthesis of traditions and innovations in literature, language and culture (“Fet Readings”): Proceedings of the international conference*. Kursk, 2020. P. 99–105. (In Russ.)
3. Burmistrova, T. A. Lexical opposition “a city a village”: lexicographical perspective. *The World of Russian Word*. 2013;4:37–40. (In Russ.)
4. Gogoladze, T. A. “City vs village” opposition in the prose of a populist writer S. Mgaloblishvili. *Current issues of Slavic philology: Collected articles*. 2010;XXIII(1):156–163. (In Russ.)
5. Gorinova, N. V. The topoi city/village in the poetic system of A. Elfimova: some aspects of realization of the artistic space in modern Komi lyrics. *Bulletin of Ugric Studies*. 2018;8(3):426–437. (In Russ.)
6. Dushechkina, E. V. Russian Christmas tree. History, mythology, literature. St. Petersburg, 2012. 360 p. (In Russ.)
7. Dushechkina, E. V. Russian Christmas story. Formation of the genre. St. Petersburg, 1995. 256 p. (In Russ.)
8. Zelenin, Yu. A. The meaning of Leo Tolstoy’s worldview and his belonging to populism (historiographic aspect). *Narodniks in the history of Russia: Interuniversity collection of research papers*. Voronezh, 2016. Issue 2. P. 37–49. (In Russ.)
9. Markovich, V. M. I. S. Turgenev and Russian realistic novel of the XIX century. Leningrad, 1982. 208 p. (In Russ.)
10. Mokshin, G. N. The problem of reconstructing the theory of “small deeds” in national populist studies. *Narodniks in the history of Russia: Interuniversity collection of research papers*. Voronezh, 2016. Issue 2. P. 20–36. (In Russ.)
11. Odínokov, V. G. The poetics of Leo Tolstoy’s novels. Novosibirsk, 1978. 160 p. (In Russ.)
12. Pykhtina, Yu. G. Mental space in the text: national, regional and individual aspects. Orenburg, 2021. 133 p. (In Russ.)
13. Sobolev, A. The world beyond the grave according to ancient Russian ideas. Sergiyev Posad, 1913. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Sobol/index.php (accessed 24.05.2022). (In Russ.)
14. Starygina, N. N. Christmas story as a genre. *The Problems of Historical Poetics*. 1992;2:113–127. (In Russ.)
15. Staroverov, V. Russia and its villages: historical conditionality of their communal sociality. From the autobiographical social chronicle of one Old Believers’ family: Monograph. Moscow, 2019. 362 p.
16. Stolovich, L. N. Axiology of St. Petersburg. *Metaphysics of St. Petersburg (St. Petersburg Readings on Theory, History and Philosophy of Culture*. Issue I). St. Petersburg, 1993. P. 74–83. (In Russ.)
17. Toporov, V. N. St. Petersburg text of the Russian literature. Selected works. St. Petersburg, 2003. 616 p. (In Russ.)
18. Thakur, S. K. The dichotomy of “city and village” in stories of V. M. Shukshin and Phanishwarnath Renu. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2017;22(1):76–83. (In Russ.)
19. Filimonova, T. S. City and village in the stories by Nguyen Huy Thiep. *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2018;4:184–195. (In Russ.)
20. Fokeev, A. L. Ethnographic direction in the Russian literary process of the XIX century. *Russian literary criticism in the new millennium: Proceedings of the first international conference*. Moscow, 2002. P. 228–232. (In Russ.)
21. Khadzhieva, L. L. Opposition “the village – the city” in creative consciousness of M. Isakovsky. *The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2. Philology and Arts*. 2017;1(192):148–152. (In Russ.)
22. Shabaev, Yu. P., Sadokhin, A. P., Labunova, O. V., Sazonova, N. N. Anthropological understanding of the city and urban research methodology. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;3:248–267. (In Russ.)
23. Shestakova, I. V. Ontological foundations “country” cinema of Shukshin: the film “Your Son and Brother”. *The World of Science, Culture and Education*. 2013;6:413–415. (In Russ.)
24. Shishigina, T. L. “To develop humane feelings...” The study of Christmas stories by P. V. Zasodimsky, A. V. Kruglova, V. I. Belova. Grades V–VI. *Literature at School*. 2017;9:26–31. (In Russ.)

Received: 29 November, 2021; accepted: 29 April, 2022

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА САФРОН

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-7752-3403; 00inane@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ЦИКЛА С. НУРДКВИСТА О ПЕТСОНЕ И ФИНДУСЕ

А н н о т а ц и я . Предметом изучения в настоящей статье являются компоненты поэтики литературной сказки, в основе которой лежит фольклорно-мифологическая традиция, переживающая трансформацию благодаря прохождению через творческое сознание шведского писателя Свена Нурдквиста. Объектом исследования является цикл для детей о пожилом фермере Петсоне и его коте Финдусе. Научная новизна и актуальность обусловлены, с одной стороны, обращением к произведениям, которые ранее не становились объектом пристального внимания ученых, и, с другой стороны, тем фактом, что С. Нурдквист является представителем детской литературы Швеции, тем самым выступает в качестве продолжателя традиции, заложенной еще С. Лагерлёф и А. Линдгрэн. Исследование выполнено с применением историко-генетического, биографического и интертекстуального методов. В результате установлено, что С. Нурдквист заимствует сказочный образ волшебного помощника, наделяет его чертами мифологического трикстера и подвергает антропоморфизации. Такое превращение имеет не только развлекательную, но и дидактическую цель: чудесный кот, занимая все свободное время хозяина, помогает ему справиться с одиночеством.

Ключевые слова: сказка, антропоморфизация, трикстер, волшебный помощник, детская литература, книжка-картинка

Для цитирования: Сафрон Е. А. Особенности поэтики цикла С. Нурдквиста о Петсоне и Финдусе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 49–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.787

ВВЕДЕНИЕ

По словам Ирины Петровны Лупановой, сказочный фольклор является «важным материалом для национального обновления литературы» [4: 7]. В соответствии с высказанной мыслью, в основу нашего исследования была заложена идея о жанровом синтезе, возникающем в рамках поэтики литературной сказки, в которой элементы, генетически обусловленные мифом и фольклорной сказкой, соединяются с индивидуально-авторской картиной мира. Современная литературная сказка Швеции также черпает вдохновение в народной культуре, однако не просто изображает фантастический мир или фантастических персонажей, но заостряет внимание на актуальной социальной проблеме¹. В частности, критики отмечают одну из основных характеристик шведской детской и подростковой литературы последнего десятилетия, которая заключается в особом интересе к теме одиночества и изоляции [11]. Внимание к этой теме обусловлено самой ситуацией в стране. Так, согласно данным Центрального статистического бюро (Statistiska

centralbyrån) за 2015 год, каждый шестой из десяти опрошенных шведов говорит, что у него нет ни одного близкого друга [11]. Интерес к подобной проблематике вкупе с продолжением национальной традиции делает современную авторскую сказку Швеции совершенно уникальным явлением, поэтика которой нуждается во всестороннем изучении.

ЦИКЛ С. НУРДКВИСТА О ПЕТСОНЕ И ФИНДУСЕ КАК КНИЖКА-КАРТИНКА

В ряду авторов современной литературной сказки Швеции особенное внимание привлекает Свен Нурдквист (род. в 1946 году) – писатель и иллюстратор, во многом известный благодаря циклу сказок о жизни котенка Финдуса и его пожилого хозяина – фермера по имени Петсон (первая книга серии – «Именинный пирог» датирована 1984 годом)².

Цикл авторства С. Нурдквиста представлен 12 книгами. Он переведен на множество языков, завоевал популярность и у российских читателей. Жанр данной серии – литературная

сказка, но с точки зрения формы – это книжка-картинка, представляющая собой, по словам А. Э. Мильчина, «книжное издание... в котором преобладающей или единственной формой передачи содержания служит изображение, а текст, если присутствует, носит характер подписей к изображениям»³. Такой тип издания⁴ характеризуется высоким уровнем интермедальности – специфическим типом культурной связи, «где и визуальное, и словесное одинаково важны для полноценной коммуникации» [15: 405]. А. Марнер и Х. Ёртегрен подчеркивают, что книжки-картинки помогают юному читателю осмыслить прочитанное благодаря поддержке иллюстративного материала [13].

Согласно классификации У. Редина, в которой выделяются типы «развернутого текста», «текста с иллюстрациями» и «собственно книжки-картинки» [17: 106–108], работы С. Нурдквиста относятся к последней из указанных категорий [17: 79]: в них текст и иллюстрация дополняют друг друга (однако при этом объем иллюстраций превалирует), то есть писатель является одновременно и художником, а действие начинается сразу, без вступлений [17: 108]. М. Николаевская отмечает, что основная особенность иллюстраций С. Нурдквиста заключается во введении дополнительных фантастических персонажей сравнительно небольшого размера, которые в самом тексте не описываются, но их визуальное воплощение образует некий микросюжет, дополняющий основное повествование [14: 226]. Абсурдистские предметы в интерьере Петсона (например, на иллюстрации к «Истории о том, как Финдус потерялся, когда был маленький» изображен хозяин дома, сидящий за столом, на котором стоит ящик комода, полный бутербродов, а также шляпа, внутри которой видна крошечная лестница, сам же Петсон слеп, а глаза его помещены на очки⁵) помогают лучше понять его внутренний мир [16]: мы видим личность, склонную к детскому, игровому поведению. Погруженные в мир веселых приключений, дети не в состоянии понять трагической глубины одиночества человека пожилого возраста, поэтому автор доносит назидательный смысл до своих читателей через игру, обучая детей тому, как важно быть внимательным к людям, которые оказались в трудной ситуации и не могут рассчитывать на помощь со стороны родственников.

ФИНДУС КАК ВОЛШЕБНЫЙ ПОМОЩНИК И ТРИКСТЕР

Финдуса Петсон получает в подарок от своей соседки. Первоначально поведение котенка

полностью соответствует животному (он шипит, царапается, кусается), однако продолжительный контакт с Петсоном приводит к тому, что Финдус начинает овладевать человеческой речью. Далее *антропоморфизация* переходит с физиологического уровня на психологический: Финдус требует себе одежду [1]. С одной стороны, котенок делает это из чувства стыда, что может быть свойственно исключительно человеку, но не животному, а потребность в одежде может происходить из ощущения собственной незащищенности и желания выразить новую формирующуюся личность с помощью подбора конкретных аксессуаров. С другой стороны, тот факт, что черные с зелеными полосками штаны точно такие же, как у клоуна, увиденного им в газете, подчеркивает шутовское, карнавальное поведение Финдуса как трикстера, «парадоксально соединяющего черты культурного героя и эгоистичного шута» [12: 11].

Дальнейшее поведение Финдуса позволяет отнести его к персонажам категории так называемых волшебных помощников [8: 139] – существ, сопровождающих героев, вместе с ними преодолевающих различные испытания. По словам В. Я. Проппа, «давая в руки героя волшебное средство, сказка достигает вершины. С этого момента конец уже предвидится, т. е. одиночество героя будет преодолено» [8: 139]. Однако если наличие волшебного помощника в сказке позволяет протагонисту быть совершенно пассивным, то в анализируемом цикле мы такую ситуацию не наблюдаем: Финдус постоянно вынуждает Петсона совершать различные действия, направленные на удовлетворение своих многочисленных фантазий, и тем самым занимает то время, которое теоретически могло быть заполнено погружениями в депрессивное состояние, свойственное одинокому пожилому человеку.

Финдус, зачастую в форме развлечения, помогает своему хозяину и выполняет домашние обязанности – занимается уборкой и приготовлением еды. Волшебное в цикле неразрывно связано с обыденным: Петсон ведет хозяйство, а котенок подражает ему, играя во взрослого человека. Вместе с тем вся выполняемая Финдусом работа заканчивается проказами, вольным или невольным вредительством. Например, взявшись за уборку, кот выливает целое ведро воды на пол и катается по мокрому полу на щетках, как на лыжах, устраивает переполох в курятнике вместо того, чтобы просто принести хозяину яйца, или селится в домике, переоборудованном из старого деревенского туалета. Все это доказывает, что Финдус

не только волшебный помощник, но и трикстер, посредник между крайними социальными полюсами (жителями деревни и Петсоном), в финале снимающий все противоречия и ликвидирующий конфликт [3: 93].

Финдус вместе с Петсоном занимаются созданием многочисленных изобретений, которые только отчасти направлены на решение бытовых проблем, многие же из них совершенно бесполезны (механический Дед Мороз, кастрюля на колесах, тумбочки на лыжах), а также используют инструменты не по назначению (режут хлеб электролобзиком, строгают сыр рубанком). Это, согласно С. Акселль, является способом проявления креативности и игрового поведения [10: 53–56], что позволяет сделать вывод о том, что Петсон и сам ведет себя, как трикстер.

Старик относится к котенку, как мог бы относиться к собственному внуку: не только постоянно разговаривает с ним, но печет печенье, наряжает елку на Рождество, конструирует игрушки. Более того, ради Финдуса он старается не впадать в депрессию, пытается быть бодрым и активным, что достаточно тяжело в силу возраста. По признанию самого писателя, Финдуса он списывал со своего старшего сына, который родился в том же году, что и вышла первая книга цикла, а в Петсоне есть некоторые автобиографические черты [7]. Как замечает М. Тремсгро, Финдус мыслит, как ребенок: в его сознании воображаемое и действительность представлены как единое целое [18: 25].

Ставя Финдуса в один ряд с Буратино, Снегурочкой, Марина Аромштам обращает внимание на то, что, согласно видению С. Нурдквиста, чудесная *антропоморфизация* очевидна только для Петсона, тогда как остальные персонажи продолжают видеть в Финдусе ничем не примечательное домашнее животное [10]. Поэтому можно сделать вывод о том, что Финдус либо уподобился ребенку только в фантазиях своего хозяина, либо возрастные психические нарушения Петсона порождают галлюцинации (что неоднократно подчеркивают жители деревни: «Наверно, сосед сошел с ума <...> Лучше сделать вид, что я ничего не заметил»⁶; «С того самого дня вся деревня считает Петсона чокнутым»⁷). Однако тот факт, что Петсон обрел сверхъестественные способности и научился разговаривать с животными, также не исключается. Автор не дает нам конкретного ответа на этот вопрос. Таким образом, фантастика С. Нурдквиста попадает в категорию завуалированной [5: 57], в основе которой лежит прием, названный В. Э. Вацуро «двойной мотивировкой», при котором «есте-

ственный и сверхъестественный ряд объяснений как бы уравнивались в правах, и читателю подсказывался выбор – обычно в пользу второго» [2: 248]. Очевидно, что ребенок, ориентированный на веру в чудо, склонен будет принять именно сверхъестественную версию описываемых событий.

Соответствие Финдуса образу волшебного помощника и трикстера, а также факт требования клоунской одежды позволяют сделать предположение о том, что С. Нурдквист предлагает нам собственную интерпретацию сюжета сказки Ш. Перро «Кот в сапогах». Неслучайно С. В. Фаттахова подчеркивает близость этой сказки к плутовскому роману: «...вся сказка стремится показать ловкость кота, рисует его мошеннические проделки, целью которых является благополучие героя» [9: 66]. Плутовство Финдуса, с одной стороны, выражается в свойственной ребенку манере выпрашивать подарки, в применении различных ухищрений для трехкратного ежегодного празднования собственного дня рождения, с другой стороны, через ложные проекции сознания самого Петсона, который не может признать факт своей рассеянности, поэтому обвиняет кота в том, что сам постоянно теряет вещи, ставит их в неподходящее место, из-за чего они падают, разбиваются, приходят в негодность:

«И тут он выскочил к тому месту, где стояла корзина с яйцами. Занавеска зацепилась за ручку корзины, и корзина перевернулась. В следующую секунду занавеска обвилась вокруг ноги Петсона, и тот грохнулся прямо в лужу из разбитых яиц. Петсон очень рассердился. И как только выбрался из скользкой жижи, возмущенно уставился на котенка. – Финдус!!! Как тебе пришлось в голову оставить корзину с яйцами на скамейке, бездельник?»⁸

И брюки Финдуса, и сапоги кота из одноименной сказки могут восприниматься не только как факт *антропоморфизации*, но и как проявление *маскулинности*: волшебные персонажи претендуют на доминирование над субъектами мужского пола, демонстрирующими свою несостоятельность (младший сын из сказки «Кот в сапогах» оказывается на улице без средств к существованию, Петсон из сказок С. Нурдквиста живет один в деревне и не может нормально организовать свой быт, поэтому все считают его сумасшедшим).

Многие книги цикла заканчиваются совместной трапезой либо с участием котенка и Петсона, либо с участием еще и жителей деревни. Так, в «Рождестве в домике Петсона» в канун праздника у пожилого героя, накануне сломавшего ногу, оказывается вся деревня. Объединение животных и людей под одной крышей соответ-

ствуется финалу фольклорной волшебной сказки, когда во время праздничного (часто свадебного) пира мир провозглашает себя единой семьей, где, по словам Е. М. Неёлова, «находит свое завершение тот процесс борьбы с неродственностью, который и составляет содержание противоборства Добра и Зла» [6: 268].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, шведская литературная сказка в лице С. Нурдквиста представляет собой сложное синтетическое образование: относясь к типу книжки-картинки, она заполняет понятийные

лакуны в сознании юного читателя с помощью визуального сопровождения текста; демонстрирует преемственность фольклорно-мифологической традиции, с одной стороны, благодаря эксплуатации образа волшебного помощника и трикстера, с другой стороны, через постулирование традиционных нравственных ценностей: автор организует текст таким образом, чтобы его пожилой герой преодолел свое одиночество и обрел семью, пусть и благодаря коту; делает игровую модель поведения основой мировосприятия, тем самым удовлетворяя базовые потребности своей аудитории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сафрон Е. А. Шведская литература для детей и юношества: от идеи воспитания к социокультурной адаптации ребенка // Современный литературный процесс на рубеже XX–XXI вв. в странах Северной Европы. Швеция: Учеб. пособие для студентов филол. ф-та / О. Г. Абрамова, И. Н. Минеева, Е. А. Сафрон; Отв. ред. И. Н. Минеева. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. С. 5–6.
- ² Nordqvist S.: om författaren. Available at: <https://www.opal.se/upphovspersoner/sven-nordqvist/> (accessed 25.10.2021).
- ³ Мильчин А. Э. Книжка-картинка // Издательский словарь-справочник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://find-info.ru/doc/dictionary/publishing/fc/slovar-202-1.htm#zag-783> (дата обращения 22.03.2022).
- ⁴ В. Ульссон, Д. Сергеев называют книжку-картинку жанром. См.: Olsson V. Det är svårt det där med sanning. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:783134/FULLTEXT03> (accessed 22.03.2022); Сергеев Д. Что мы читаем? К определению детской книжки-картинки // Детские чтения. 2019. № 2. С. 400–415.
- ⁵ Нурдквист С. История о том, как Финдус потерялся, когда был маленький. М.: Открытый мир, 2008. С. 3.
- ⁶ Нурдквист С. Именинный пирог. М.: Альбус Коврус, 2014. С. 22.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 20–21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аромштам М. Обыденное волшебство Свена Нурдквиста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.papmambook.ru/articles/23/> (дата обращения 25.10.2021).
2. Вацуро В. Э. Последняя повесть Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: исследования и материалы / Акад. наук СССР, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом); [редкол.: М. П. Алексеев (отв. ред.), А. Гласе (США), В. Э. Вацуро]. Л.: Наука, 1979. С. 223–252.
3. Кузнецов А. С. Симплициссимус Г. Гриммельсгаузена как персонификация трикстера // Новый филологический вестник. 2015. № 3 (34). С. 90–106.
4. Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: Госиздат Карел. АССР, 1959. 502 с.
5. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 744 с.
6. Неёлов Е. М. От волшебной сказки к литературе: фольклорная трансформация евангельской традиции в учении Н. Ф. Федорова о воскрешении // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 262–273.
7. Папудогло Н., Белоголовцев Н. Петсон, Финдус и Свен Нурдквист. Как шведский художник стал знаменитым писателем // Мел. 13.09.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mel.fm/zhizn/istorii/9814235-sven_nordqvist (дата обращения 25.10.2021).
8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.
9. Фаттахова С. В. К вопросу о некоторых особенностях поэтики сказок Ш. Перро // Вестник ТГТПУ (Филология и культура. Philology and Culture). 2006. № 1 (5). С. 62–70.
10. Axel C. Att läsa Petsson och Findus med glasögon // Teknikdidaktisk forskning för lärare: Bidrag från en forskningsmiljö / Ed. Stolpe K., Höst G. Series: Naturvetenskapernas och teknikens didaktik. 2018. Vol. 2. S. 51–61.
11. Ensamhet och utanförskap i dagens barnböcker. Available at: <https://www.dalademokraten.se/artikel/opinion/ensamhet-och-utanfor-skap-i-dagens-barnbocker> (accessed 25.10.2021).
12. Lipovetsky M. The trickster's transformations in Soviet and post-Soviet culture. Boston: Academic Studies Press, 2017. 298 p.
13. Marner A., Örtengren H. En kulturskola för alla – estetiska ämnen och läroprocesser i ett mediespecifikt och medieneutralt perspektiv. Myndigheten för skolutveckling. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:153319/FULLTEXT01.pdf> (accessed 22.03.2022).
14. Nikolajeva M. Bilderbokens pusselbitar. Lund: Studentlitteratur, 2000. 307 s.
15. Nikolajeva M., Scott C. The dynamics of picturebook communication // Children's Literature in Education. 2000. Vol. 31. No 4. P. 225–239.

16. Olsson V. Det är svårt det där med sanning. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:783134/FULLTEXT03> (accessed 22.03.2022).
17. Rhedin U. Bilderboken: på väg mot en teori. 2., rev. uppl. Stockholm: Alfabeta, 2001. 280 s.
18. Tremmgrå M. Tremmgrå, Maria. Vad gör gäddan i bilderboken? // *Abrakadabra*. 1999. Vol. 2. S. 23–25.

Поступила в редакцию 29.10.2021; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Elena A. Safron, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7752-3403; 00inane@gmail.com

SPECIFIC POETICS OF SVEN NORDQVIST'S SERIES ABOUT PETTSON AND FINDUS

Abstract. The subject of study is the components of the poetics of a literary fairy tale, which is based on the folklore and mythological tradition transformed through the creative consciousness of a Swedish writer Sven Nordqvist. The object of the research is the children's series about an elderly farmer Pettson and his cat Findus. The research novelty and the relevance of the topic are, on the one hand, in the referral to the works that previously have not received sufficient attention from researchers, and on the other hand – in the fact that Nurdqvist is a representative of Swedish children's literature and thereby continues the tradition laid down by Selma Lagerlöf and Astrid Lindgren. The study was carried out using the genetic historical, biographical, and intertextual methods. As a result of the study, the author of the article establishes that Nurdqvist borrows the image of a magic assistant from fairy tales, endows it with the features of the mythological trickster and subjects it to anthropomorphization. Such a transformation pursues not only an entertaining, but also a didactic goal: taking up all the owner's free time, a magic cat helps him cope with loneliness.

Keywords: fairy tale, anthropomorphization, trickster, magic assistant, children's literature, picture book

For citation: Safron, E. A. Specific poetics of Sven Nordqvist's series about Pettson and Findus. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):49–53. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.787

REFERENCES

1. Aromshtam, M. The ordinary magic of Sven Nordqvist. Available at: <https://www.papmambook.ru/articles/23/> (accessed 25.10.2021). (In Russ.)
2. Vatsuro, V. E. Lermontov's last story. *M. Yu. Lermontov: research and materials*. (M. P. Alekseev, V. E. Vatsuro, A. Glasse, Eds.). Leningrad, 1979. P. 223–252. (In Russ.)
3. Kuznetsov, A. S. H. Grimmshausen's Simplicissimus as a personification of trickster. *New Philological Bulletin*. 2015;3(34):90–106. (In Russ.)
4. Lupanova, I. P. Russian folk tale in the works of writers of the first half of the XIX century. Petrozavodsk, 1959. 502 p. (In Russ.)
5. Mann, Yu. V. Gogol's oeuvre: meaning and form. St. Petesburg, 2007. 744 p. (In Russ.)
6. Neelov, E. M. From magic fairy tale to literature: folk transformation of the Gospel tradition in N. F. Fedorov's doctrine about the resurrection. *The Problems of Historical Poetics*. 1994;3:262–273. (In Russ.)
7. Papudoglo, N., Belogolovtsev, N. Pettson, Findus and Sven Nordqvist. How a Swedish artist became a famous writer. *Mel*. 13.09.2019. Available at: https://mel.fm/zhizn/istorii/9814235-sven_nordqvist (accessed 25.10.2021). (In Russ.)
8. Propp, V. Ya. Historical roots of a fairy tale. Moscow, 2000. 335 p. (In Russ.)
9. Fattakhova, S. V. Some features of the poetics of Charles Perrault's fairy tales. *Philology and Culture*. 2006;1(5):62–70. (In Russ.)
10. Axell, C. Att läsa Petsson och Findus med glasögon. *Teknikdidaktisk forskning för lärare: Bidrag från en forskningsmiljö*. (K. Stolpe, G. Höst, Eds.). Series: Naturvetenskapernas och teknikens didaktik. 2018;2:51–61.
11. Ensamhet och utanförskap i dagens barnböcker. Available at: <https://www.dalademokraten.se/artikel/opinion/ensamhet-och-utanfor-skap-i-dagens-barnbocker> (accessed 25.10.2021).
12. Lipovetsky, M. The trickster's transformations in Soviet and post-Soviet culture. Boston, 2017. 298 p.
13. Marner, A., Örtengren, H. En kulturskola för alla – estetiska ämnen och läroprocesser i ett mediespecifikt och medieneutralt perspektiv. Myndigheten för skolutveckling. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:153319/FULLTEXT01.pdf> (accessed 22.03.2022).
14. Nikolajeva, M. Bilderbokens pusselbitar. Lund, 2000. 307 s.
15. Nikolajeva, M., Scott, C. The dynamics of picturebook communication. *Children's Literature in Education*. 2000;31(4):225–239.
16. Olsson, V. Det är svårt det där med sanning. Available at: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:783134/FULLTEXT03> (accessed 22.03.2022).
17. Rhedin, U. Bilderboken: på väg mot en teori. 2., rev. uppl. Stockholm, 2001. 280 s.
18. Tremmgrå, M. Tremmgrå, Maria. Vad gör gäddan i bilderboken? *Abrakadabra*. 1999;2:23–25.

Received: 29 October, 2021; accepted: 29 April, 2022

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА КАК КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КНИГЕ И. П. ЛУПАНОВОЙ «МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ»

А н н о т а ц и я . Университет развивается в потоке социальных взаимодействий, и его успех тесно связан с коммуникативной культурой корпорации. Филолог И. П. Лупанова (1921–2003), один из наиболее авторитетных профессоров Петрозаводского государственного университета в 1950–1970-е годы, охарактеризовала различные коммуникативные практики в университетском коллективе в автобиографической книге, написанной в последние годы жизни. Книга включает воспоминания, дневник, выдержки из писем, что способствует раскрытию индивидуального видения автора, смене ракурсов рассмотрения проблем. Анализ материалов книги Лупановой, освещающих университетские коммуникации, представлен в данной статье. При изучении источника применялись историко-критический, конкретно-проблемный методы, герменевтический подход. В книге Лупановой подчеркнута решающая роль в университете взаимодействия учителя и ученика. Известные ученые М. К. Азадовский и В. Я. Пропп, под руководством которых она обучалась в Ленинградском университете, предстают прежде всего как талантливые педагоги. Мемуарист высоко оценивает их суровую требовательность и отеческую заботу в отношении к студентам, в умении сочетать эти качества видит основу педагогического искусства. Работая в Петрозаводском университете, она стремилась следовать педагогическим принципам своих учителей. В воспоминаниях показано, что кампания «борьбы с космополитизмом» тяжело сказалась не только на судьбах гонимых, но и на жизни их учеников, терзавшихся от бессилия и вины. Осмысление случившегося постепенно формировало у автора книги неприятие репрессивных методов, внутреннюю независимость. Лупанова очертила возможности коллегиальных органов университета по обеспечению поддержки и профессионального роста преподавателей в 1950–1970-е годы. Автор показала, что и в брежневское время кадровая политика в вузе оставалась под жестким контролем правящей партии, через администрацию и партийные организации факультетов пресекались инакомыслие, нежелательные контакты, отслеживался социально-демографический состав сотрудников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коммуникация, филологический факультет Ленинградского университета, историко-филологический факультет Петрозаводского университета, кафедра литературы, защита диссертации, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, Е. М. Неёлов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филимончик С. Н. Российский университет середины XX века как коммуникационное пространство в книге И. П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.788

ВВЕДЕНИЕ

Фольклорист и литературовед Ирина Петровна Лупанова (1921–2003) в 1940–1947 годах училась на филологическом факультете Ленинградского университета, в 1950 году окончила при нем аспирантуру, в 1951–1979 годах преподавала на историко-филологическом факультете Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) (до 1956 года – Карело-Финский государственный университет). Многолетняя науч-

ная работа И. П. Лупановой плодотворна. На основе сопоставления литературных памятников с их фольклорными прототипами она впервые всесторонне рассмотрела влияние народной сказки на творчество русских писателей первой половины XIX века. И. П. Лупанова стала первопроходцем в научном изучении советской детской литературы, создателем в ПетрГУ научной школы исследований детской литературы [3], [5]. При этом она не замыкалась в рамках академиз-

ма. Критическое мышление, чувство «почвы», «корней», лежащее в основе ее мироощущения, легкое перо не могли не подтолкнуть к работе над мемуарами. Первыми были подготовлены воспоминания об учителях – профессорах Ленинградского университета. В начале 1980-х годов написаны воспоминания о Марке Константиновиче Азадовском (изданы в 1996 году)¹. В 1995 году опубликованы воспоминания о Владимире Яковлевиче Проппе².

Во второй половине 1990-х годов, когда уже ушли из жизни многие близкие люди и канула в Лету «странная, полная неслыханных парадоксов»³ советская эпоха, работа над книгой о пережитом стала систематической. При жизни автора был опубликован важный сюжет об издании книги «Полвека»⁴. 25 октября 1999 года Лупанова написала в дневнике о разговоре с навестившими ее учениками:

«Подробно объяснила всем, как следует меня хоронить, какой крест ставить и где искать рукопись, в которой я вот уже несколько лет пытаюсь запечатлеть прожитое время – от 20-х годов и до сегодня»⁵.

Вскоре после ухода учителя ученики Лупановой подготовили машинописный текст к публикации. Композиция рукописи включала элементы разных жанров. Первая часть представляла собой последовательный рассказ о детстве, школьных годах, учебе в университете. В ней автор, представитель первого советского поколения, стремилась передать мироощущение подростка довоенной эпохи. Ярko описана студенческая жизнь в военное время, прослежен путь начинающего исследователя в большую науку. Во второй части приводятся выдержки из писем Владимира Яковлевича Проппа и Григория Абрамовича Бялого за 1951–1986 годы, даны комментарии к ним. Поскольку в переписке с учителями вряд ли затрагивались рутинные темы и выдержки из писем отбирала автор, в тексте концентрировалось внимание вокруг неких «проблемных узлов». Во второй части показана служебная деятельность преподавателей вуза, повседневная жизнь научной интеллигенции во время «оттепели» и в брежневскую эпоху. Третья часть текста – это личный дневник автора за ноябрь 1987 – январь 2003 года. В нем много комментариев на злобу дня, зафиксировано мировосприятие человека на сломе эпох. За внешней простотой слога приоткрываются внутренний мир пожилой женщины, ее экзистенциальные размышления. Такая сложная структура обусловлена личными обстоятельствами: автор работала, преодолевая болезнь, стремилась реализовать задуманное за корот-

кий срок. В то же время органичное включение в книгу разных групп источников личного происхождения отражает тенденцию автобиографических текстов новейшего времени к углубленному самоанализу, раскрытию индивидуальности автора, повышению активности адресата [7]. В 2007 году первые части рукописи были изданы тиражом 300 экземпляров на средства Петрозаводского университета. Название книги предложила доктор филологических наук Софья Михайловна Лойтер. Дневник был передан в Национальный архив Республики Карелия (НАРК) и хранится в составе личного фонда П. А. Лупанова, А. Г. Бонч-Осмоловской, И. П. Лупановой, Е. М. Эпштейна (Ф. 3727).

Книга И. П. Лупановой уже привлекалась автором данной статьи для характеристики культуры Карелии 1930-х годов, работы Ленинградского и Карело-Финского университетов в условиях Великой Отечественной войны и послевоенного времени [8], [9], [10]. В данном исследовании впервые проанализирован материал книги о разных гранях коммуникаций внутри университетской корпорации. В истории науки в последние годы сместился акцент с характеристики продуктов научного труда к анализу процесса деятельности по его добыванию, распространению, внедрению, что осуществляется в ходе коммуникации. Этот процесс тесно связан с меняющейся социальной реальностью и является коллективным по своей природе. Начиная с 1960-х годов ведется активное изучение структуры и функций научных коллективов (Р. Мертон, Т. Кун и др.) [1]. В университетах одной из актуальных проблем остается поиск оптимальной модели организации педагогического процесса, адаптированной к стремительно меняющимся социальным и технологическим условиям. Накопление, передача, освоение знаний тесно связаны с принятой в вузе коммуникативной культурой.

Осмысление профессионального опыта ведущих профессоров видится неотъемлемой частью интеллектуальной жизни современного вуза. Воспоминания, дневники, переписка помогают выявлять намерения, мотивации, систему ценностей, они важны для исследования самосознания, профессиональной идентичности членов университетского сообщества, характеристики корпоративной культуры. В данной статье сделана попытка охарактеризовать взгляды профессора И. П. Лупановой на то, как выстраиваются в университетском коллективе коммуникации между учителем и учениками, между коллегами, между преподавателями и администрацией, какие факторы влияют на эти коммуникации. В центре

внимания будут отношения учитель – ученик, поскольку, несмотря на цифровизацию и дистант, знания по-прежнему передаются «из рук в руки».

Помимо опубликованного текста привлечен хранящийся в НАРК дневник И. П. Лупановой, в котором большое внимание уделено коммуникации с учениками в 1990-е – начале 2000-х годов: фиксируются встречи, телефонные разговоры, научные достижения учеников, их большая помощь в житейских делах и поддержка во время скорби или болезни. Если в начале дневника автор, словно стесняясь сантиментов, называет своих бывших аспирантов иронично – «выкормыши», то в последние годы, рассказывая о них, использует словосочетания «мои ребята», «моя Лариса» и т. д. В самой последней записи дневника за 8 января 2003 года читаем: «Все-таки замечательных ребятшек я вырастила!»⁶ Используются хранящиеся в НАРК письма к Лупановой из Иркутска ее учителя профессора М. К. Азадовского за 1942–1943 годы и письма ее ученика Евгения Михайловича Неёлова 1975–1979 годов из Семипалатинска, где он в то время работал. Привлечены письма, в которых содержатся размышления о том, как складываются отношения в научном коллективе, каковы стратегии поведения в конфликтной ситуации. Поскольку Ирина Петровна заведовала кафедрой литературы, избиралась членом Совета историко-филологического факультета, для характеристики ее работы как заведующего кафедрой, позиции по важным вопросам жизни факультета использованы протоколы Совета историко-филологического факультета, протоколы заседаний кафедры литературы Петрозаводского университета за 1950–1960-е годы (Ф. 1178). К сожалению, документы ПетрГУ за 1970-е годы пока не переданы на хранение в НАРК, а доступ к ним в ведомственном архиве ограничен. В ходе исследования применялись историко-критический, конкретно-проблемный методы, герменевтический подход.

Интерес к науке у Лупановой формировался во время учебы на филологическом факультете Ленинградского университета под влиянием заведующего кафедрой фольклора Марка Константиновича Азадовского. Первокурсницу покорила не только его увлеченность народной культурой. Готовя свой первый доклад, она изучила статью руководителя семинара, но не во всем согласилась с его выводами. К дерзкой попытке первокурсницы спорить с ним, известным ученым, Азадовский отнесся уважительно, подарил свою книгу с дарственной надписью. Студенты

уже готовились к летней фольклорной практике, когда началась война.

Осенью 1941 года семья Лупановых эвакуировалась в Коми АССР. На семейном совете решили, что, пока идет война, Ирина будет учиться в Карело-Финском государственном университете (КФГУ), находившемся в Сыктывкаре в эвакуации. Летом 1942 года, несмотря на суровое военное время, КФГУ организовал фольклорную экспедицию под руководством Василия Григорьевича Базанова и Ивана Афанасьевича Василенко. В воспоминаниях этой студенческой экспедиции отведено большое внимание. Мемуаристу важнее всего было рассказать о людях, с которыми ее свели экспедиционные дороги. При переправе через штормящую Печору студентка смогла организовать слаженную работу растерявшихся спутников. Когда карбас причалил к берегу, дед-рулевой, всю дорогу хранивший молчание, сказал: «Ну, Иринушка, с тобой не пропадешь». Автор называет этот комплимент самой высокой похвалой в жизни⁷. Фольклорный материал описан в воспоминаниях кратко. Студенты работали в селе, сохранившем нравы и традиции предков-новгородцев, отрезанном от мира, поэтому там исполнялись не только песни, сказки, но и былины: «Здесь можно было исписать не те жалкие пять тетрадок, которые нам выдали в Усть-Цильме, а в десять раз больше»⁸.

Рассказ мемуариста о работе начинающих фольклористов дополняют эпистолярные источники. В 1942 году фольклорная экспедиция стала центральной темой переписки Лупановой с Азадовским, который считал экспедицию на Печору большой удачей: «Вы в самом начале своей работы получили чудесный материал». В то же время он предостерегал: «Можно ведь очень быстро “состряпать” сборник печорских сказок. Думаю, что и Вы, и Ваш материал стоит большего». Под «большим» профессор понимал новый теоретический материал, который обогатил бы понимание сказки⁹. Научные итоги экспедиции подводили в острых спорах. В воспоминаниях Лупановой отмечено, что не все преподаватели в Сыктывкаре были для нее авторитетны, и на нее жаловались за «некорректное поведение»¹⁰. Когда руководитель экспедиции критически высказался о работах Азадовского, девушка бросилась горячо защищать учителя. Однако Азадовский не поддержал ее пыл, отметив, что научная истина куда важнее личных амбиций:

«Прежде всего, Вы не правы в таком резком отрицании его права на критику моих работ и несогласие со мной. Почему же нет? Наука только так и создается – она создается путем борьбы и столкновений мыслей,

путем полемики. Однако должно и нужно всегда желать и требовать, чтобы критика была добросовестной, честной и обоснованной. У меня нет никаких оснований думать, что В. Г. Базанов пошел против этих требований. Будет интересно как-нибудь прочитать его соображения по поводу моих работ или даже моих ошибок»¹¹.

За полтора года учебы в Сыктывкаре Ирина успела сдать экзамены за три курса: поскольку второкурсников в вузе не оказалось, ее зачислили сразу на третий курс, «соответствующие экзамены приходилось сдавать чуть ли не каждый месяц»¹². Азадовский был огорчен таким «галопом». Он писал, что, если плохо учат в вузе, нужно больше работать самостоятельно: «Читать, читать, читать!»¹³ В 1943 году Лупанова уехала в Саратов, где находился в эвакуации Ленинградский университет, и восстановилась на втором курсе филологического факультета: «Я была счастлива, что опять учусь в родном университете у филфаковских профессоров»¹⁴.

Когда студенты и преподаватели вернулись в освобожденный Ленинград, возобновилась работа спецсеминара по фольклору. Он объединял учеников разного возраста, начиная от первого курса и кончая последним годом аспирантуры. Мемуарист считает это педагогически продуманным. Младшие сразу же попадали в научную среду, что заставляло их заниматься в полную силу. Старшие чувствовали ответственность за начинающих, привыкали уважительно относиться к чужому незнанию. Семинар описан в воспоминаниях Лупановой как «фольклористическое братство». Между профессором и студентами установились очень доверительные отношения. Ученики пользовались уникальными изданиями профессорской библиотеки, часто гостили в его доме: «Наш учитель ценил взаимопонимание, не терпел конфликтных ситуаций»¹⁵. При этом Азадовский оставался требовательным, порой даже казалось, что безжалостным, скупым на похвалы руководителем: «Мы знали: ругает – значит, верит, что могли сделать лучше, значит, прыгнули ниже своих возможностей»¹⁶. Лупанова пишет:

«В моем характере никогда не было жесткости как таковой. Но халтуру в области науки я не терпела жаростно. Университетские учителя воспитали меня в трепетном уважении к ней, это сидело во мне нерушимо»¹⁷.

Под руководством Азадовского Лупанова начала учебу в аспирантуре. Шел второй год учебы, когда в разгар «борьбы с космополитизмом» на филологическом факультете ЛГУ началась «жуткая, беспощадная гроза»¹⁸. 4 апреля 1949 года в актовом зале главного корпуса со-

стоялось заседание Ученого совета филологического факультета. Перед собранием сталинскую стипендиатку, члена ВКП(б) Лупанову вызвали в партбюро, где секретарь просил выступить с обличением Азадовского: «Я, разумеется, отказалась, наивно попытавшись втолковать собеседнику всю нелепость обвинения моего учителя в “низкопоклонстве”»¹⁹. В тот же вечер она написала письмо матери, предупредив, что ее, скорее всего, выгонят из аспирантуры. Мама ответила: «Ну и пусть выгоняют, нельзя предавать учителей»²⁰. Далее мемуарист пишет: «Однако этим поступком мое мужество оказалось исчерпано. На грозном судилище, где затапывали в грязь наших учителей, я, как и другие, сидела тише мыши»²¹. Азадовский был изгнан из университета, кафедра фольклора закрыта.

«Гроза» 1949 года стала для Лупановой потрясением: «После гражданской казни М. К. я оказалась совершенно выбитой из колеи. Все было немило»²². Душу жгли и глубокая обида за ученого, и сознание своей трусости, и безысходность от несправедливости и лицемерия общественной жизни. Пройдут годы, но боль останется. Спустя почти полвека в дневнике Лупанова опишет сны, в которых эта боль найдет выход:

«В большой библиотеке вроде Публички. Вижу М. К., валяются книги, загромождающая дорогу. Расчищаю путь, снова его загромождают книги. М. К. тоже меня заметил и двинулся было навстречу, но потом безнадежно машет рукой и... уходит. А я просыпаюсь» (запись от 22 ноября 1995 года). «Второй раз в жизни видела во сне Марка Константиновича Азадовского. Будто собрал нас, своих учеников, на традиционный ужин. А квартира совсем другая. М. К. очень мил со мною, но меня все время не покидает чувство неловкости, все кажется, что я в чем-то перед ним виновата. Проснулась – а возникшее во сне чувство вины не отступает. Потом поняла. Это оттого, что после изгнания М. К. из университета я почти не посещала его дом» (запись от 31 августа 2000 года)²³.

После увольнения Азадовского руководство аспирантами передали Владимиру Яковлевичу Проппу. С ним Ирина Петровна познакомилась в 1943 году в Саратове, когда по совету стала заниматься в его семинаре. Работали в нем аспиранты-этнографы, и второкурсница Лупанова, в семинаре единственная студентка, понятно, робела. Работа семинара строилась на изучении «крамольной» книги В. Я. Проппа «Морфология сказки». В 1930-е годы монографию объявили антинаучной, однако чрезвычайные условия учебы в военное время ослабили идеологический контроль, благодаря чему опальное сочинение вернулось в университетскую среду. Единственный доступный экземпляр книги студенты пере-

писали от руки, выучили чуть ли не наизусть. Свое отношение к Проппу в тот год Лупанова характеризует как «коленипреклоненное»²⁴.

В 1947 году Пропп выступил оппонентом на защите дипломного сочинения Лупановой «Сказка-анекдот в русском фольклоре». В это время он писал книгу о комическом, имел свою концепцию анекдота, так что выступление на защите начал без раскочки: «Работа превосходная. Но ни с одним ее положением я не согласен». Со студенткой ученый спорил на равных, что будет оценено со временем, а в те минуты дипломнице пришлось, «выйдя из полуобморочного состояния», изо всех сил бороться за свою жизнь в науке²⁵.

Поскольку после событий 1949 года исследовательская работа застопорилась, перед новым руководителем Лупанова предстала, не имея ни строчки текста, смогла назвать только тему диссертации. Пропп был отменно суров: «Через месяц принесете первую главу, иначе придется расстаться»²⁶. Через год диссертация была не только написана, но и успешно защищена. Заведующий аспирантурой заметил тогда, что на факультете это первый случай защиты кандидатской диссертации в срок, и о Лупановой будут ходить легенды.

В январе 1961 года Пропп выступит официальным оппонентом на защите докторской диссертации Лупановой²⁷. К ней будут приходить в аспирантуру ученики Проппа по его рекомендации. Неоценимой станет моральная поддержка Проппа во время предвзятой, но шумной критики монографии Лупановой «Полвека». Мемуарист отмечает:

«Оценка книги моим не склонным к комплиентам, строгим, даже жестким учителем явится для меня в недалеком будущем мощным заслоном на пути к малодушной утрате веры в себя, в свои силы, свои возможности»²⁸.

После защиты диссертации началось «открытие» Проппа не только как ученого, но и как человека. Они переписывались, Пропп приезжал в Петрозаводск и на дачу в Косалму погостить, Лупанова участвовала в праздновании юбилеев учителя. В воспоминаниях отмечается:

«После мамы он был единственным человеком, которому я могла поведать о себе самое сокровенное. Не случайно он написал мне однажды, что знает обо мне «больше, чем о собственных дочерях»»²⁹.

После смерти Владимира Яковлевича Лупанова сохранила близкие, доверительные отношения с вдовой Елизаветой Яковлевной («Надеюсь, хоть немножко сумела поддержать ее в скорби и расстройности»³⁰), с другими членами семьи.

Ленинградцы всегда были желанными гостями в гостеприимном доме Лупановой. Много лет она поддерживала сердечные, дружеские отношения с профессором Григорием Абрамовичем Бялым. Летом 1957 года Бялый и его жена Ирина гостили в Косалме, где были цветущий сад, катанье на лодке, а главное – доверительное общение. В воспоминаниях переданы настроения интеллигенции после XX съезда. Тогда много говорили о развернувшейся реабилитации политзаключенных, и самый запоминающийся рассказ (байку) Бялого мемуарист включила в книгу. Эта полумифическая история была посвящена пушкинисту Юлиану Григорьевичу Оксману, который 10 лет провел в ГУЛАГе. В начале войны их лагерь эвакуировали, в дороге заболевшего Оксмана сняли с поезда, отправили в больницу, а там, сочтя усопшим, поместили в морг, где во время обхода больницы его случайно заметил главврач, и это спасло Оксману жизнь. На допросе следователь решил помочь ученому:

«Кстати, за что вас посадили? – Да ни за что, – воскликнул Оксман. – Вот и прекрасно! – обрадовался следователь. Как раз нужная статья – недоверие к действиям советской власти. И срок подходящий: всего пять лет, потом на поселение»³¹.

Этот рассказ мог особо запомниться мемуаристу еще и потому, что когда эпоха «оттепели» завершалась, о судьбе Оксмана вновь тревожились в частных разговорах. В 1964 году он был исключен из Союза писателей, уволен из Института мировой литературы, было запрещено упоминать его имя даже в ссылках на литературу [11: 169].

Педагогическую работу со студентами Лупанова осветила бегло, основное внимание уделила аспирантам. Учениками И. П. Лупановой стали известные в Карелии филологи: доктора наук Юрий Иванович Дюжев, Неонила Артемовна Криничная, Софья Михайловна Лойтер, Елена Ивановна Маркова, Евгений Михайлович Неёлов, кандидаты наук Лариса Николаевна Колесова, Галина Анатольевна Комлева, Владимир Александрович Рогачев, Татьяна Ивановна Сенькина, Нина Николаевна Шабалина и др.

Отношения с учениками Лупанова строила так, как это делал ее учитель Азадовский. С. М. Лойтер вспоминает, что в течение многих лет часто бывала в доме учителя, пользовалась ее библиотекой, получала в подарок книги [4: 29]. Л. Н. Колесова рассказывала, как встретила Ирину Петровну перед командировкой в Москву. «В чем поедете?» – стала расспрашивать научный руководитель аспирантку. «В ботах», – нерешительно отвечала девушка. На следующий день

в редакцию университетской газеты, где работала Лариса Николаевна, принесли пакет: «Ирина Петровна передала». В пакете оказались новенькие белые «румынки», входившие тогда в моду³². Е. И. Маркова вспоминает, что все ученики Ирины Петровны восприняли разгромную статью о книге «Полвека» как глубоко личную обиду, но учитель категорически запретила им публично выступить: ««Скажут, Лупанова инспирировала своих учеников»... Подчинились, но на душе скребли кошки» [6: 147].

Е. М. Неёлов под руководством Лупановой защитил диплом о творчестве А. Р. Беляева, кандидатскую диссертацию «Проблемы научной фантастики в современной советской детской литературе»³³. Когда он уехал на работу в Семипалатинск, сохранил тесную связь с учителем благодаря письмам, которые называл «отчетами о Семипалатинской жизни». На доверительный характер переписки указывали веселые зарисовки о дочках Маше и Ане, а центральными темами стали фольклористика и кафедральная жизнь. В письмах Неёлов благодарил за советы и добрые слова: «Они прояснили мои смутные ощущения и укрепили в решении не попадаться на удочки»³⁴. Делился с учителем мыслями, волновавшими в процессе работы над новыми статьями. Не раз сетовал на вузовскую бюрократию, бесконечные проверки кафедры по принципу «есть ли та или иная бумага»³⁵. Характерно, что в конце 1970-х годов кафедральный климат в Петрозаводском и Семипалатинском вузах оказался схожим, и выход лично для себя корреспонденты, разделенные тысячами километров, видели одинаковый. 16 февраля 1979 года Неёлов с горечью пишет:

«Здесьняя ситуация очень похожа на ту, о которой Вы написали... Сейчас кафедра в состоянии холодной и горячей войны. Изменить что-то здесь невозможно и вывод ясен – надо уходить»³⁶.

С 1980 года Неёлов читал курс фольклора в Петрозаводском университете. 28 ноября 1988 года Лупанова записывает в дневнике: «Женя Неёлов благополучно защитил докторскую! Рада за него безмерно: и ученый талантливый, и человек хороший»³⁷. 30 ноября 1994 года, рассказав о домашней встрече с учеником, Лупанова отмечает: «Он ведь мой “наследник” – читает те же курсы. И после моей смерти оставляю ему все, что есть у меня по части фольклора»³⁸.

С учетом профессиональной специфики большое место в воспоминаниях занимает тема защиты диссертаций. Мемуарист подробно описывает свою защиту кандидатской диссертации, но совсем не останавливается на защите док-

торской диссертации. В последнем случае все шло гладко, а на этапе кандидатской диссертации у Лупановой оказались влиятельные противники. Объявление о ее защите дважды снималось со стенда. Руководитель не мог быть надежным тылом, так как сам ходил в «обличаемых», и на защите Пропп не присутствовал. Помогла поддержка оппонента профессора Михаила Осиповича Скрипиля: «М. О. произнес в мой адрес настоящий панегирик и вообще вел себя так, будто выдавал замуж родную дочь»³⁹. Тем не менее утверждение диссертации было задержано в связи с поступившей в ВАК отрицательной рецензией. Мемуарист объясняет ее тем, что «рецензент явно имел зуб на моего учителя»⁴⁰. Воспитанная на постулате «ругает – значит, верит, что могли сделать лучше», она должна была принять новую реальность. Отрицательная рецензия как следствие личной неприязни могла стать инструментом расправы, а потому следовало проявить волю и бороться за себя.

Наиболее ярко «человеческий фактор» в ходе диссертационной эпопеи рассмотрен мемуаристом в следующем эпизоде. В декабре 1975 года Лупанова должна была выступить оппонентом на защите диссертации, выполненной под руководством доцента кафедры литературы Московского института культуры Ирины Сергеевны Чернявской. Диссертация была прочитана, отзыв написан, но тяжело заболела Александра Георгиевна, и уехать в Москву Лупанова не могла. Стало ясно, что защита сорвется:

«Учитывая последствия моего отказа, я ожидала чего угодно: уговоров, просьб, даже слезных молений. Но Ирина Сергеевна, выслушав мое телефонное сообщение, сказала: “Лечите маму и ни о чем не думайте. Здоровье близкого человека дороже всего, я Вас отлично понимаю, какие могут быть обиды!”»⁴¹.

С этого случая началась их дружба.

Вскоре после поступления на работу в Петрозаводский университет Лупанова была назначена заведующим кафедрой литературы. Министерство в начале 1950-х годов требовало рассматривать теорию литературы в свете трудов И. В. Сталина⁴², после XX съезда переработать курс истории советской литературы, а по итогам встреч Н. С. Хрущева с интеллигенцией в конце 1950-х годов усилить идеологическую работу с молодежью. Остро стоял вопрос о разработке курса по литературе Карелии⁴³. Думается, справляясь с административной работой, тяги к которой Ирина Петровна не испытывала, ей помогала энергия молодости и организаторские способности, которые заметил еще в 1942 году рулевой на Печоре.

Одной из задач руководителя кафедры являлось обеспечение конструктивной коммуникации. Мемуарист не скрывает сложностей в налаживании позитивного взаимодействия в вузовском коллективе. Язвительно описан натиск коллеги, славившегося «умением говорить вдохновенно», прикрывающего профессиональную несостоятельность сбором компромата на коллег, услужливостью начальству. На заседаниях кафедры он обрушивал на всех поток обвинений, завершавшийся призывом: «Хватить болтать, давайте работать!»⁴⁴ Из-за поведения одного сотрудника росло напряжение, снижалась эффективность коллективной работы. Когда закончился пятилетний срок его работы на кафедре, – отмечает мемуарист, – «мы все очень дружно предложили ему “расстаться по-хорошему”, заверив, что характеристики для прохождения по конкурсу он от нас не получит»⁴⁵. Мемуарист признает, что конкурсное избрание на должность служило поддержанию профессионального уровня вузовского сообщества. Процедура конкурсного отбора была разработана так, чтобы обеспечить беспристрастность в оценке деловых качеств претендентов. На заседании кафедры заслушивался отчет преподавателя, и кафедра давала (или не давала) рекомендацию к избранию. Совет факультета создавал конкурсную комиссию, которая выносила мотивированное заключение. Решающая роль в избрании отводилась коллегиальному органу – Совету факультета. Обсуждение, как правило, проводилось тщательно, явная предвзятость и мелочные придирки отсекались⁴⁶. В то же время большое значение для исхода голосования имела позиция администрации вуза, вследствие чего, как отмечено в воспоминаниях, процедура конкурса могла быть использована для изгнания неудобного начальству преподавателя. В 1959 году мужа Лупановой доцента Евгения Михайловича Эпштейна «прокатили» на очередном конкурсе. А он был одним из ярких лекторов факультета: читал спецкурсы о декабристском движении, по истории русского театра, студенты на его занятиях забывали о времени. Эпштейн активно занимался наукой. Незадолго до конкурса вышла в свет его книга (в соавторстве с В. В. Пименовым) «Русские исследователи Карелии (XVIII в.)». Подоплекой «черных шаров» явился конфликт с деканом, задействована была и «пятая графа»⁴⁷. Известный историк вынужден был униженно ходить по кабинетам в поисках работы. В том же году «прокатили» на конкурсе и Виктора Михайловича Морозова, приехавшего в только что освобожденный от финнов Петрозаводск после аспирантуры фил-

фака Ленинградского университета, успешно читавшего курс русской литературы XIX века, несколько лет руководившего факультетом [2: 33].

В воспоминаниях показано, что большую роль в решении кадровых вопросов играла партийная организация. К концу 1970-х годов заметно усилился ее контроль над составом преподавательского корпуса. В 1977 году на факультетском партсобрании разбиралось «персональное дело» доцента кафедры всеобщей истории Ирины Николаевны Матвеевой. Ее обвинили в связи с диссидентами: по их просьбе она отправила в зону посылку с книгами (причем не с запретным самиздатом, а официально изданными). На собрании одни преподаватели вдохновенно обличали коллегу, а другие молчали. Мемуарист объясняет такое поведение опасениями привлечь к себе внимание КГБ, карьерными соображениями, приспособленчеством. Подавляющее большинство проголосовало за исключение из партии, что автоматически вело к увольнению преподавателя с работы. Опасность «деяния» Матвеевой усилило то, что она «была кумиром студентов, хороводом ходивших вокруг нее», поэтому на собрание пригласили ее учеников. Большинство из них «буквально так и говорили: дескать, до сегодняшнего дня любили, а теперь не любим и не уважаем». Знаю, что такие педагогические ситуации встречались во все времена, и еще в древних китайских мифах был предложен выход: учителю следует простить учеников. И все же смоделированные эксцессы такого рода разрушительны для позитивных коммуникаций. Лупанова вспоминает горькие слова коллеги после этого собрания: «Если когда-нибудь мне еще придется работать в вузе, ни один студент не переступит порога моего дома»⁴⁸.

В 1978–1979 годах под предлогом «омоложения кадров» была предпринята очередная попытка удалить из университета нескольких профессоров и доцентов. Ученицу Лупановой Елену Моисеевну Гин администрация вуза отказалась утвердить в качестве соискателя при кафедре, сославшись на формальности, а в действительности из-за «пятой графы». В сложившихся обстоятельствах Лупанова открыто встала на защиту своей ученицы и коллег. Арбитром в конфликтах по правилам той эпохи выступал обком партии. Лупанова написала письмо первому секретарю Карельского обкома КПСС И. И. Сенькину. В письме был сделан акцент на недопустимое отношение в вузе к опытным педагогическим кадрам без ссылки на национальную принадлежность. Письмо передали в партком университета.

На заседании парткома письмо единодушно признали акцией недопустимой и обвинили автора в склочничестве. Тогда Лупанова подала заявление об уходе с работы. Поскольку профессоров в университете было немного, разразился скандал. Ректор, секретарь парткома, Лупанова были вызваны на беседу в обком, где Лупанова вновь, как она пишет, «на полную катушку» сказала все, что думала об обстановке в университете. В итоге «от лица обкома» ее просили забрать заявление. Партком единодушно отменил свои решения про «склочничество». Ушел в отставку проректор. «К сожалению, моя “победа” не повлекла за собой каких-то серьезных изменений в университетской “политике”»⁴⁹. Отработав до конца учебного года, профессор Лупанова в возрасте 58 лет, на пике творческой активности ушла из университета. В конце 1970-х годов значительная часть университетских преподавателей исходила из того, что компромиссы неизбежны. Жаль, что коллега или ученик вынужден терпеть вопиющую несправедливость, но что я могу изменить? Полагаю, что позицию Лупановой в этой конфликтной ситуации определили уроки, полученные в Ленинградском университете 30 лет назад. Пережив «грозу 1949 года», Лупанова понимала, что компромиссы бесследно не проходят: «Это свое трусливое молчание я не забуду, кажется, до самой своей кончины»⁵⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге И. П. Лупановой подчеркнута решающая роль в университете взаимодействия учителя и ученика. Известные фольклористы М. К. Азадовский и В. Я. Пропп предстают перед читателем прежде всего как талантливые педагоги. Мемуарист высоко оценивает их суровую требовательность и отеческую заботу в отношении к студентам, в умении сочетать эти качества видит основу педагогического иску-

ства. Считаю, что время не поколебало правильность изложенного Лупановой подхода. Ослабление требовательности вследствие необходимости выполнять плановые показатели или перегруженности учебными поручениями ведет к падению профессионального уровня выпускников. Недостаток доверительных, гуманных отношений в университетской среде влечет за собой слабую солидарность, высокую агрессивность в обществе, куда ежегодно вливаются универсанты. Лупанова отмечает важность совместной творческой работы для развития критического мышления, готовности отстаивать свои взгляды и уважать позицию оппонента. Разбирая причины конфликтных ситуаций, автор отмечает факторы, связанные как с личными особенностями коммуникаторов (зависть, нетерпимость, несдержанность), так и с социальными отношениями (карьеризм, приспособленчество, бюрократизм). Отмечена важная экспертная и организационная роль коллегиальных структур – собраний членов кафедры, Совета факультета. В воспоминаниях показано, что кампания «борьбы с космополитизмом» тяжело сказалась не только на судьбах гонимых, но и на жизни их учеников, терзавшихся от бессилия и вины. Осмысление случившегося постепенно формировало у автора книги неприятие репрессивных методов, внутреннюю независимость от мнения большинства. Лупанова показывает, что в брежневское время кадровая политика в университете находилась под жестким контролем правящей партии, действовавшей через администрацию и партийную организацию вуза. Формой давления на сотрудников могли выступать процедура конкурса, решения партийных собраний. В этих условиях часть вузовских работников допускала компромиссы, желая сохранить возможность профессиональной самореализации, но были и те, кто считал такие компромиссы неприемлемыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лупанова И. П. Учитель // Воспоминания об М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 122–128.
- ² Лупанова И. П. Учитель и друг // Лицей. 1995. № 4. С. 14.
- ³ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 5.
- ⁴ Лупанова И. П. Из воспоминаний // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск, 2001. С. 7–19.
- ⁵ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3727. Оп. 3. Д. 4. Л. 46.
- ⁶ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 5. Л. 98.
- ⁷ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 122.
- ⁸ Там же. С. 118.
- ⁹ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 8. Л. 14.
- ¹⁰ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 116.
- ¹¹ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 8. Л. 10.
- ¹² Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 132.
- ¹³ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 8. Л. 8.
- ¹⁴ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 136.

- ¹⁵ Там же. С. 161.
¹⁶ Там же. С. 162.
¹⁷ Там же. С. 301.
¹⁸ Там же. С. 177.
¹⁹ Там же. С. 176.
²⁰ Там же. С. 177.
²¹ Там же.
²² Там же. С. 179.
²³ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 5. Л. 60.
²⁴ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 136.
²⁵ Там же. С. 171.
²⁶ Там же. С. 179–180.
²⁷ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.
²⁸ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 117.
²⁹ Там же. С. 231.
³⁰ Там же. С. 236.
³¹ Там же. С. 238–239.
³² Колесова Л. Н. Устное выступление перед студентами-историками Петрозаводского университета 19 февраля 2015 года (запись автора статьи).
³³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 150/1570. Л. 54.
³⁴ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 25. Л. 1.
³⁵ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 25. Л. 4.
³⁶ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 25. Л. 8.
³⁷ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 4.
³⁸ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 4. Л. 65.
³⁹ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 182.
⁴⁰ Там же. С. 187.
⁴¹ Там же. С. 255.
⁴² НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 29/392. Л. 58.
⁴³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 41/566. Л. 6.
⁴⁴ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 197.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 150/1570. Л. 43–55.
⁴⁷ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 194.
⁴⁸ Там же. С. 268.
⁴⁹ Там же. С. 277–278.
⁵⁰ Там же. С. 179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев В. П., Бойченко О. В. Структура и функционирование научного коллектива (коммуникативный аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 80–97.
2. Гин И. Читая и перечитывая. Петрозаводск: Версо, 2020. 204 с.
3. Колесова Л. Н., Неёлов Е. М. Традиции школы профессора И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 5 (110). С. 55–57.
4. Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа: избранное. Петрозаводск: Версо, 2020. 199 с.
5. Лойтер С., Ровенко Н. Научный семинар «К 100-летию со дня рождения Ирины Петровны Лупановой (Петрозаводск, 26 октября 2021 г.) // Детские чтения. 2021. № 2. С. 338–343. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-338-343
6. Маркова Е. Живут на свете благородные люди... // Север. 2001. № 4–5–6. С. 146–147.
7. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 422 с.
8. Филимончик С. Н. Питание городского населения Карелии в условиях «социалистического штурма» начала 1930-х гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2021. С. 322–327.
9. Филимончик С. Н. Жизнь университета в 1940–1970-е годы глазами профессора И. П. Лупановой // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9–2. С. 122–131.
10. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск, 2013. 150 с.
11. Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...» Из переписки (1948–1970) // Знамя. 2009. № 6. С. 134–176.

Поступила в редакцию 01.02.2022; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
syrsa@yandex.ru

**RUSSIAN UNIVERSITY OF THE MID-TWENTIETH CENTURY
AS A COMMUNICATION SPACE IN IRINA LUPANOVA'S BOOK
*THE PAST IS PASSING BEFORE ME***

Abstract. The university develops in the flow of social interactions, and its success is closely related to its corporate communicative culture. Philologist I. P. Lupanova (1921–2003), one of the most respected professors at Petrozavodsk State University from the 1950s to the 1970s, discussed various communication practices among the university staff in her autobiographical book written during the last years of her life. The book included her memoirs, a diary, and excerpts from letters, all of which contributed to the disclosure of the author's individual vision and the changing angle of problems' analysis. This article presents an analysis of the material in Lupanova's book related to the communication patterns within the university. When approaching the book, this article uses the critical historical method, the problem-based method, and the hermeneutic approach. Lupanova's book emphasizes the crucial role of teacher-student interaction within the university. Famous scientists M. K. Azadovsky and V. Ya. Propp, who were Lupanova's supervisors at Leningrad State University, are shown in the book, above all, as talented teachers. The memoirist highly appreciates their severe exactingness and paternal care over their students. Lupanova views the ability to combine these qualities as the basis for pedagogical art. While working at Petrozavodsk University, she strove to follow the pedagogical principles of her teachers. The memoirs demonstrate that the "anti-cosmopolitan campaign" had a heavy impact not only on the fates of the persecuted teachers, but also on the lives of their students tormented by impotence and guilt. Through comprehending these events, Lupanova came to reject repressive methods and formed her inner independence. Lupanova outlined the possibilities of the university's collegiate bodies for providing support and ensuring the professional growth of teachers from the 1950s to the 1970s. She showed that in the Brezhnev era the personnel policy at the university remained under the strict control of the ruling party. Dissent and unwanted contacts were suppressed through the administration and party organizations of the faculties, and the socio-demographic composition of the employees was monitored.

Keywords: communication, Faculty of Philology at Leningrad University, Faculty of History and Philology at Petrozavodsk University, Chair of Literature, dissertation defense, M. K. Azadovsky, V. Ya. Propp, E. M. Neelov

For citation: Filimonchik, S. N. Russian university of the mid-twentieth century as a communication space in Irina Lupanova's book *The Past is Passing before Me*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.788

REFERENCES

1. Bondarev, V. P., Boychenko, O. V. Structure and function of scientific personnel (the communicative aspect). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2011;1:80–97. (In Russ.)
2. Gin, I. Reading and rereading. Petrozavodsk, 2020. 204 p. (In Russ.)
3. Kolesova, L. N., Neelov, E. M. Traditions of the academic school of Professor I. P. Lupanova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2010;5(110):55–57. (In Russ.)
4. Loiter, S. M. From Pudozh to Paris: selected works. Petrozavodsk, 2020. 199 p. (In Russ.)
5. Loiter, S., Rovenko, N. Academic seminar commemorating the 100th anniversary of Irina Petrovna Lupanova. (Petrozavodsk, October 26, 2021). *Children's Readings*. 2021;2:338–343. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-338-343 (In Russ.)
6. Markova, E. There are noble people living in this world... *Sever*. 2001;4–5–6:146–147. (In Russ.)
7. Nikolina, N. A. Poetics of Russian autobiographical prose. Moscow, 2002. 422 p. (In Russ.)
8. Filimonchik, S. N. Nutrition of the urban population of Karelia during the "socialist assault" of the early 1930s. "Challenge" in the everyday life of Russian population: history and modernity. St. Petersburg, 2021. P. 322–327. (In Russ.)
9. Filimonchik, S. N. University life from the 1940s to the 1970s through the eyes of Professor I. P. Lupanova. *XX century and Russia: society, reforms, revolutions*. 2021;9–2:122–131. (In Russ.)
10. Filimonchik, S. N. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk, 2013. 150 p. (In Russ.)
11. Chukovskaya, L. K., Oksman, Yu. G. "Since liberty does not depend on us, peace remains..." Extracts from correspondence (1948–1970). *Znamya*. 2009;6:134–176. (In Russ.)

Received: 1 February, 2022; accepted: 29 April, 2022

НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА ЧЕРНЯЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянских языков Департамента иностранных языков
Экономический университет – Варна (Варна, Болгария)
tortue@abv.bg

КОМИЧЕСКОЕ У С. ДОВЛАТОВА (взгляд фольклориста)

А н н о т а ц и я . Статья посвящена фольклорной составляющей комического у С. Довлатова, результатам ее изучения литературоведами и еще не раскрытому потенциалу фольклористического подхода к проблеме. Исследователи сходятся во мнении, что фольклорное начало комического у С. Довлатова проявляется в первую очередь в обращении к народному анекдоту и «маргинальным» фольклорным персонажам (неудачникам, трикстерам, лентяям и т. д.). Наши дополнения включают использование автором паремий и афоризмов, их нарративизацию в смеховом и серьезно-смеховом режиме; анализ стоящих за паремиями ключевых для С. Довлатова этнокультурных концептов ('судьба', 'богатство' – 'бедность', 'лень' и пр.); выявление роли повтора (в виде восходящей или нисходящей градации) как на словесном, так и на мотивном уровне; принципы подбора поэтонимов и их функцию в создании смехового эффекта. Данные положения проиллюстрированы микросюжетом из повести «Иностранка» (история обогащения Аркадия Лернера после эмиграции в США).

К л ю ч е в ы е с л о в а : С. Довлатов, комическое, фольклоризм, этнокультурные концепты, паремия, нарративизация, поэтонимы, смеховая трансформация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Черняева Н. Г. Комическое у С. Довлатова (взгляд фольклориста) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 64–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.789

ВВЕДЕНИЕ

Тема нашей статьи вполне укладывается в традиционную, но не теряющую своей актуальности проблематику фольклоризма русской литературы. Одним из первопроходцев в этой области была И. П. Лупанова, докторская диссертация которой «Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века» (1961), основанная на монографии с тем же названием (1959), стала, по словам С. М. Лойтер, «первым обобщенным исследованием о русской литературной сказке и единственной тогда большой работой о влиянии народной сказки на писателей первой половины XIX века»¹. Важный аспект этой проблемы – выявление фольклорных истоков комического в литературных текстах. Среди основополагающих трудов в этом направлении – классические структурно-семиотические исследования по фольклору, этнографии (этнологии) и мифологии, статьи и монографии выдающихся отечественных ученых, посвященные народной (включительно и русской) смеховой культуре (М. М. Бахтин, В. Я. Пропп, Д. С. Лихачев, А. М. Панченко). Свой вклад в это направление внесла и статья И. П. Лупановой о «смеховом мире» русской волшебной сказки [6].

Фольклор (как традиционный, так и современный) все чаще рассматривается как прецедентное или интертекстуальное явление по отношению к авторскому искусству. Это позволяет в рабочем порядке использовать такие, например, термины, как текст-донор (в случае с фольклором точнее было бы – система-донор), текст-реципиент; в теории интертекстуальности Ж. Женетта – типы связей с исходным текстом («трансформация и имитация») и дополнительные классификаторы – «режим», а также его виды – основные (игровой, сатирический и серьезный) и промежуточные (юмористический, иронический и полемический) [20: 34–39].

Применение методов лингвоконцептологии при исследовании проблемы фольклоризма в литературе позволило поднять уровень абстрагирования и заняться проблемой индивидуально-авторского освоения (в том числе комического) тех или иных этнокультурных концептов.

Предварительные наблюдения над фольклорно-мифологическими истоками комического у С. Довлатова можно обобщить в следующих положениях, часть из которых затем будет конкретизирована на материале истории Аркадия Лернера из повести «Иностранка» (1986).

АНЕКДОТ И ДРУГИЕ СМЕХОВЫЕ ЖАНРЫ-ДОНОРЫ КОМИЧЕСКОГО У С. ДОВЛАТОВА

Исследователи единодушно признают ведущую роль анекдота (парадоксальность и абсурдизм, закон пуанты и т. д.) в формировании комического у С. Довлатова. В первую очередь мы имеем в виду работы Е. Курганова [4], Н. С. Выгон [1], Н. А. Орловой², Л. Сальмон [10], И. Н. Сухих [12]. Отмечаются также присущие прозе С. Довлатова разворачивание анекдота и других фольклорных жанров (бытовой сказки, байки) в рассказ или повесть и обратный процесс их компрессии в анекдот (см. «Записные книжки») [4], [12]. Е. Курганов обратил внимание на использование С. Довлатовым фольклорного принципа циклизации анекдотов и других смеховых жанров в «Филиале» и «Иностранке». В зависимости от фольклористической компетенции исследователей в той или иной мере осознается размытость границ ряда фольклорных жанров-доноров (бытовой / новеллистической сказки, сказки-анекдота, или анекдотической сказки, байки и т. д.), препятствующая выяснению того, какие их жанровые особенности проигнорированы автором или, напротив, освоены им и каким образом (путем трансформации или имитации, в смеховом, серьезном или смешанном режиме). Образцом в изучении фольклорного генезиса литературных текстов (новеллы) является монография Е. М. Мелетинского [7].

ТИПЫ ПЕРСОНАЖЕЙ, МОТИВЫ / ФУНКЦИИ, ТИП НАРРАТИВА

Ни у кого из исследователей не вызывают сомнений фольклорно-мифологические корни доминирующего у С. Довлатова маргинального персонажа – «героя, не подающего надежд» (Е. М. Мелетинский) – неудачника, лентяя, дурака-чудака, плута (трикстера) (см., например, [1: 298], примеч. 2). Исключительно редко автор обращается к героическим фольклорно-мифологическим прототипам – богатырю (дед автора-рассказчика Исаак из сборника «Наши») и богоборцу («дед по материнской линии» из того же сборника), актуализируя их в смешанном, серьезно-комическом режиме (особенно это касается богоборца) [15]. Отметим, что именно категория негероического, «низкого» (в ее фольклористическом понимании) является главным типологическим признаком апокрифной (неофициальной) смеховой советской литературы, определяя тип ее главных героев [19] и тип нарратива (пикареска, травелог, симпозион и даже роман-анекдот, как «Чонкин» В. Войновича). Достаточно вспомнить Ивана Чонкина В. Войновича, Ваню

Чмотанова Н. Бокова, героев Юза Алешковского и Вен. Ерофеева. Обращение к указанным фольклорно-мифологическим типам персонажей изначально предполагает использование присущего им комического начала. И это ожидание тексты С. Довлатова вполне оправдывают. Так, например, если речь идет о трикстерах, то это добывание чего-либо, чаще всего дефицитных в советское время благ (сборник «Чемодан») при помощи обманных трюков (например, занятие фарцой, как в «Креповых финских носках», или остроумная кража, как в «Номенклатурных полуботинках»), удачные или провальные попытки изменить свой социальный и имущественный статус.

АНТРОПНИМИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ

Для поэтической антропониимики С. Довлатова характерно игровое, в том числе комическое, начало [12: 191]. Другой вопрос, насколько оно архетипично. Любопытно с этой точки зрения слова автора-рассказчика, основанные на его индивидуальных ассоциациях:

«Согласитесь, имя в значительной степени определяет характер и даже биографию человека.

Анатолий – почти всегда нахал и забияка.

Борис – склонный к полноте холерик.

Галина – крикливая и вульгарная склочница...»³.

Далее будет рассмотрен случай (история Аркадия Лернера), когда автор вольно или невольно использует типично фольклорно-мифологический принцип разворачивания в тексте имени персонажа, точнее – его этимологии. В приведенных выше примерах мы усматриваем следы такого рода подхода.

ПАРЕМИИ, АФОРИЗМЫ, ФИЛОСОФЕМЫ, МЕТАФОРЫ

С. Довлатов часто обращается к различного рода лингвоментальным клише – метафорам, паремиям, афоризмам, идеологемам, философемам и т. д., играющим роль текстовой матрицы. Так, отправной точкой для развития повествования в большинстве рассказов из сборника «Наши» выступают метафоры и афоризмы, перешедшие из разряда авторских в область анонимной народной мудрости: «В здоровом теле – здоровый дух!» (история дяди Романа), «Жизнь – это книга», «Жизнь – это путь» (рассказ о тете Маре, см. ее анализ [16]), «Вся жизнь – театр, а люди в нем актеры» (глава об отце героя-рассказчика). Показательно в этом отношении сюжетно-композиционное разворачивание философем экзистенциализма, в частности высказывания Ж.-П. Сартра о том, что у человека есть выбор, даже в тюрьме (см. историю двоюродного бра-

та Бориса, которого жизнь превратила в уголовного [17]).

Как известно, «нарративизация паремий» (Е. М. Мелетинский) и, шире, тех или иных форм языковой стереотипии имеет фольклорный генезис. Наиболее очевидно она проявляется в баснях, назидательных и, реже, новеллистических сказках, где паремия или другое клише, присутствующее в тексте или же выводимое из него, развертывается в нарратив. При этом между клише и текстом могут устанавливаться отношения той или иной степени соответствия или несоответствия, в том числе комического характера. Как многократно отмечалось, формы стереотипии у С. Довлатова трансформируются главным образом в юмористическом, ироническом и гротескно-абсурдистском режимах, демонстрируя тем самым отказ от жесткого, сатирического и пародийного осмысления стоящей за ними культурной традиции.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ КОНЦЕПТЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ «НАИВНОЙ» КАРТИНЫ МИРА

За паремиями, афоризмами и другими типами клише кроется определенный этнокультурный или индивидуально-авторский концепт, который становится объектом освоения в тексте-реципиенте. Анализируя комическую трансформацию пословиц, поговорок, языковых метафор и др. у С. Довлатова, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью перейти на уровень глубинных структур, которые они обслуживают, то есть лингвокультурных и фольклорных концептов.

ПОВТОРЫ

С. Довлатов не просто использует, но и педалирует ряд поэтических приемов, присущих фольклорно-мифологическим текстам. В первую очередь это намеренные повторы на лексическом и синтаксическом уровнях по преимуществу анафорического типа, а также неоднократное варьирование ключевых мотивов. Вместе с тем С. Довлатов избегал буквенно-фонетических повторений в пределах предложения. Так, по словам А. Арьева, «у Довлатова нет ни одного предложения, где слова начинались бы с одинаковых букв»⁴. Близки этому и наблюдения И. Ефимова⁵.

Что касается языковых клише, то авторская рефлексия по их поводу выражается в форме варьироваемых повторяющихся мотивов, выступающих как реакции на эти клише. Несмотря на то что окончательный приговор С. Довлатова тем или иным истинам не эксплицируется в тексте, он без труда выводится читателем.

В его текстах мотивы, «обслуживающие» определенную паремию, располагаются по нарастающей или убывающей того или иного стержневого признака, то есть, если воспользоваться термином риторики, в виде градации (восходящей или нисходящей) или градационного повтора. Парадигматическое и синтагматическое развертывание указанных клише, сопровождающееся педалированием этого приема, – один из способов создания комического эффекта. Показательны в этом отношении упомянутые главы из сборника «Наши».

Фольклористический взгляд на повторы в литературном тексте наводит на мысль о таком виде повторов, как фольклорная кумуляция. В. Я. Пропп подчеркивал, что именно «многократное повторение одних и тех же действий или элементов» до тех пор, пока «созданная таким образом цепь не порывается или же не расплетается в обратном порядке», и является «основным художественным приемом» кумулятивных сказок [9: 243]. Исключительно важна мысль ученого о том, что сказки данного типа

«строятся не только по принципу цепи, но и по самым разнообразным формам присоединения, нагромождения или нарастания, которое кончается какой-нибудь веселой катастрофой» [9: 243].

Впрочем, судя по примерам, конец может быть и гибельным, но он всегда неожиданный. При анализе микросюжета из повести «Иностранка» мы во многом ориентировались на эти выводы. И, наконец, снимается с повестки вопрос об использовании С. Довлатовым фольклорной стилизации в любом из режимов – серьезном, комическом или смешанном.

Сюжет о жизни Аркадия Лернера до и после эмиграции состоит из компактного текста, отделенного пробелами от других историй (глава 1 «Сто восьмая улица»), и продолжения, расположенного через значительный текстовый интервал, в заключительной главе «Ловите попугая!». Часть его (микросюжет), на которой мы сосредоточим внимание, посвящена истории превращения героя из бывшего советского кинорежиссера в богатого торговца недвижимостью в Америке. Для наглядности представим сюжет об Аркаше Лернере в виде следующей схемы с краткими комментариями внутри групп мотивов и последующими подробными – вне их. Обозначим микросюжет об обогащении героя как **М**; труд / работу – **Т**; лень – **Л**; богатство / деньги – **Б/Д**; богатый – **б**; бедность – **Н**; бедный – **н**; судьба – **С** (благоклонная к человеку – **С+** и враждебная – **С-**).

Сюжет о жизни Аркадия Лернера в СССР и США

(глава 1 «Сто восьмая улица»)

Р (р – родина). Жизнь в СССР до эмиграции. «Крепкий профессионал» Аркадий Лернер – режиссер на белорусском телевидении. Его жена – диктор на телестудии. «Лернеры жили дружно и счастливо. У них была хорошая квартира, две зарплаты, сын Мишаня и автомобиль» (Довлатов: III, 17).

Составляющие счастливой жизни (С+) на родине (р), источник которой – труд, работа (Тр → Бр). Иронизирование над советским стереотипом жизненного благополучия, в особенности материальными его знаками (хорошая квартира, автомобиль).

Э (э – эмиграция). «В Америке Лернер около года пролежал на диване (Л1). Его жена работала продавицей в “Александрсе”. Сын посещал еврейскую школу» (Довлатов: III, 17).

«Лернер мечтал получить работу на телевидении». При этом он «не выдавал себя за бывшего лауреата государственных премий», не заявлял о себе как диссиденте, «не утверждал, что западное искусство переживает кризис» (Довлатов: III, 17–18).

Лернер проваливает встречу с продюсером, предлагающим ему «заняться экранизацией русской классики» (Довлатов: III, 18).

Лернер – «нетипичный эмигрант», отказывающийся от общепринятых моделей успешного поведения в эмиграции (парадоксальное поведение). Прототип – фольклорный лентяй и дурак / чудак.

Микросюжет о том, как разбогател Аркаша Лернер

М1. «Лернер еще три месяца пролежал без движения. При этом следует отметить, что его финансовые дела шли неплохо» (Довлатов: III, 18) (Л2 не мешает росту Бэ).

М2. «Видимо, Лернер обладал каким-то специфическим даром материального благополучия (Б как С+). Вообще, я уверен, что нищета и богатство – качества прирожденные. Такие же, например, как цвет волос или, допустим, музыкальный слух. Один рождается нищим, другой – богатым» (Довлатов: III, 18–19). (Н как С-, Б как С+).

Далее следуют примеры: «Бедняки при любых обстоятельствах терпят убытки», «а у богатых все наоборот» (Довлатов: III, 19) (н всегда н, б всегда б).

М3. «Видимо, Лернер родился заведомо состоятельным человеком (Б как С+). Так что деньги у него вскоре появились» (Довлатов: III, 19).

Серия финансовых удач

М3.1. «Сначала его укусил ньюфаундленд, принадлежащий местному дантисту (вредительство). Лернеру выплатили значительную компенсацию (приобретение Б1/Д1). **М3.2.** Потом Лернера разыскал старик, который накануне империалистической войны занял у его деда три червонца. За семьдесят лет червонцы превратились в несколько тысяч долларов (приобретение Б2/Д2). **М3.3.** После этого к Лернеру обратился знакомый:

– У меня есть какие-то деньги. Возьми их на хранение. И если можешь, не задавай лишних вопросов.

Деньги Лернер взял. **Вопросы задавать ленился (Л3).**

Через неделю знакомого пристрелили в Атлантик-Сити (приобретение Б3/Д3).

М3.4. В результате Лернер приобрел квартиру (приобретение Б4 с помощью Тэ). **М3.5.** За год она втрое подорожала (Б5/Д5). **М3.6.** Лернер продал ее и купил три других (Б6/Д6). **М3.7.** В общем, стал торговать недвижимостью... (Тэ → Б7/Д7, подразумевается дальнейшее приумножение Б/Д).

С дивана он поднимается все реже (Л4). Денег у него становится все больше (Б8/Д8 → приумножение; несмотря на увеличение Л, растет Б). Тратит их Лернер с размахом. В основном на питание.

За двенадцать лет жизни в Америке он приобрел единственную книгу. Заглавие у книги было выразительное. А именно – «Как потратить триста долларов на завтрак»...

После завтрака Лернер дремлет, отключив телефон. Даже курить ему лень...» (Л5) (Довлатов: III, 20).

Заключительная часть микросюжета об обогащении героя (глава 10 «Ловите попугая!»)

М4. Продолжение истории обогащения Аркадия Лернера входит в смеховую парадигму «новостей дня» – бурных и масштабных международных событий и спокойных местных эмигрантских: «Аркадий Лернер приобрел на гараж-сейле за три доллара железный вентилятор, оказавшийся утраченным шедевром модерниста Керико» (Довлатов: III, 105) (Б7/Д7; рост Б/Д, предположительно, до бесконечности).

КОНЦЕПТОСФЕРА СЮЖЕТА ОБ АРКАДИИ ЛЕРНЕРЕ

Ее ядро образуют пары оппозитивных концептов ‘богатство’ – ‘бедность’, ‘труд’ / ‘трудолюбие’ – ‘безделье’ / ‘лень’, ‘везение’ – ‘невезение’, ‘счастье’ – ‘несчастье’. В сюжете об Аркадии

Лернере особенно разнообразно вербализовано 'богатство', причем исключительно в своем материальном воплощении («деньги», «финансы», «значительная компенсация», «червонцы», «несколько тысяч долларов», «подорожала», «купить», «финансовые дела шли неплохо» и пр.). Гораздо скромнее вербализована 'бедность' («нищий», «бедняки», «терпят убытки» и т. д.). Сверхконцептом по отношению к 'богатству' и 'бедности' является 'судьба', представленная описательно (перифрастически), через высказывание о врожденности / предопределенности таких качеств, как богатство и бедность.

Отметим, что 'судьба' принадлежит к числу ключевых для С. Довлатова концептов, что вполне осознается исследователями его творчества. Так, лексема *судьба* неслучайно вынесена в заглавие ряда посвященных ему работ: см. монографию И. Сухих «Сергей Довлатов: время, место, судьба» [12] и название международной конференции: «Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба», начиная с 1999 года. 'Судьба' у С. Довлатова связана с другим ключевым для писателя концептом – 'жизнью', что согласуется с русской этнокультурной традицией.

Ю. Л. Форофонтова определяет 'судьбу' как «поликонцепт», поскольку он репрезентируется «на базовом уровне несколькими лексемами сходной семантики», уточняющими специфику каждой из репрезентаций 'судьбы'. В 'судьбе', как полагает исследователь, отражаются два мироощущения – «оптимистическое» и «пессимистическое». Лексические репрезентанты первого – *фортуна, счастье, успех, проведение, планида* (устар.), второго – *участь, удел, жребий, доля, рок, фатум, карма* (соврем.)⁶. В системе наших обозначений это С+ и С-.

Представление о 'судьбе' как о «высшей силе», как о чем-то, «данном Богом», «как неизбежности» [13: 243–244] закреплено в паремиях и сказках. В указателях сказочных сюжетов и мотивов называемые условно «сказки о судьбе» и «счастье по случаю» даже выделены в отдельные подтипы. 'Судьба' – определяющее начало в бытовой / новеллистической, включительно и русской, сказке, где «место волшебных сил занимают собственный ум героя и его счастливая судьба», а тип героя колеблется «между сообразительным хитрецом и удачливым простачком» [7: 28]. Эти характеристики наследует и вышедшая в том числе из бытовой сказки новелла [7: 42]. Тот же генезис имеет 'судьба' и сопутствующие ей концепты в прозе С. Довлатова.

'Богатство' и 'бедность' входят в концептуальное поле 'судьбы': первый концепт относится

к С+, второй – к С-. С этой точки зрения, которая может быть конкретизирована с помощью функций сказочного героя В. Я. Проппа, интерес представляет этимология слов *богатство* (от *бог*⁷) и *бедность* (очевидно, от *беда*⁸). Она указывает на связь богатства с дарением тех или иных благ Богом или предками, тотемическими покровителями, как в сказках (функция дарителя, помощника-дарителя), а бедности – с их лишением (функция вредительства [3: 110–112]), соответственно, с добром и злом, судьбой как счастьем и как горькой долей / участью. Это подтверждается данными не только русской, но и других славянских традиций⁹.

Богатство и счастье в русской наивной картине мира могут стать наградой за труд (*Чтоб богато жить, надо труд любить. Где есть труд, там и счастье будет*). Актуализация этих паремий – счастливая и дружная жизнь Лернера в СССР (Р). В то же время в русской этнокультуре, как уже говорилось, богатство может стать подарком судьбы и в целом не зависит от человека, хотя все же требует от него хотя бы минимальных усилий. Предполагаем, что выбор С. Довлатовым именно этого варианта продиктован тем, что модель жесткой рациональной зависимости между трудом и его результатом (что доминирует, например, в западноевропейских культурах, в частности в английской¹⁰) имеет скромный смеховой потенциал. Другое понимание судьбы, содержащее случай и чудо, как иррациональные, не зависящие от человека внешние факторы, в то же время дополняемые личностными творческими качествами человека (смекалка, ловкость и т. д.), напротив, в силу именно своей непредсказуемости и вариативности, обладает довольно богатыми смеховыми возможностями. В микросюжете об обогащении Лернера (М) эта модель актуализируется в форме парадокса, граничащего с абсурдом.

Один из репрезентантов 'богатства' и 'счастливой судьбы / жизни' – деньги, обладающие магнетическим свойством:

«Деньга деньгу наживает (или: родит, кует)». «Деньги – что гальё (галки): всё в стаю сбиваются». «Деньга на деньгу набегает». «Где вода была, там больше будет; где много денег – больше будет»¹¹.

На наш взгляд, исконное представление о магнетизме денег создает основу для кумулятивного развертывания повествования о финансовом успехе Аркадия Лернера (см. МЗ–М4).

ФОЛЬКЛОРИЗМ МИКРОСЮЖЕТА

Рассказ об обогащении Лернера построен по модели «ключевая языковая единица устойчивого и часто воспроизводимого типа (паремия,

афоризм, метафора) – ее нарративизация» и отсылает к басне, назидательной и бытовой сказке. Градационный принцип развертывания паремии восходит к кумулятивной сказке и близким ей прибаутке, небылице, докучным сказкам. Сцепление исходного суждения о бедности и богатстве с серией мотивов, его иллюстрирующих, осуществляется с помощью градационного повтора высказывания, что приводит к заострению его смысла. Повторение пары *лень – деньги* усиливает переход парадокса из области вероятного жизненного сценария в неизбежный, фактически абсурдный. По этому поводу вспоминаются многочисленные высказывания самого С. Довлатова относительно абсурдности мира, что иногда абсолютно серьезно истолковывается исключительно как проявление его увлечения экзистенциализмом. На наш взгляд, это скорее генетически унаследованная автором часть русского культурного кода, включающая и традиционный фольклор, в котором не только отдельные мотивы и сюжеты, но и целые жанры основаны на комической парадоксальности и абсурдности (небылицы, небывальщины, докучные сказки, скоморошины, пародии на былины и пр.).

МЗ.1. СЛУЧАЙНЫЙ УКУС НЬЮФАУНДЛЕНДА (ВРЕДИТЕЛЬСТВО) → ПРИОБРЕТЕНИЕ БЛАГ (ПОЛУЧЕНИЕ ДЕНЕГ Д1)

Случайность как компонент концепта ‘судьба’ актуализируется комически, как несоответствие причины и следствия: во-первых, в форме вредительства, то есть негатива, дарующего в конечном счете благо; во-вторых, как пустяк, влекущий за собой также неожиданные, но масштабные и позитивные последствия [9: 243]. Таким образом запускается механизм кумулятивного развертывания С+ и, соответственно, приумножения денег / богатства.

Обратимся к возможностям фольклорным мотивным и сюжетным параллелям. Наиболее близкая среди них – тип сказочного сюжета, где превращение ущерба в выгоду, которая с лихвой его компенсирует, возможно при условии, что случай, как агент судьбы, в какой-то момент может быть благосклонен к герою. В качестве примеров укажем на сказки-небылицы «Удалой батрак»¹² и «Дурак и береза»¹³. Уточним, что речь идет не о буквальном воспроизведении сказочно-небыличной мотивики, а о следовании одной из схем построения смехового фольклорного сюжета – несоизмеримости причин и следствий, доведенной до крайности с помощью кумуляции. Комичность мотива укуса собаки в полной мере осознается ретроспектив-

но, после того как читатель проходит по всей цепи мотивов чудесного обогащения героя, которой, как кажется, нет конца.

МЗ.2. СТАРЫЙ ДОЛГ, ВОЗВРАЩЕННЫЙ ГЕРОЮ КАК НАСЛЕДНИКУ ЕГО ДЕДА, ЗАЕМЩИКОМ (Д2)

С известной осторожностью можно говорить о реанимации архетипического мотива / сюжета о (благодарном) предке-дарителе. Как и в предыдущей паре мотивов, комический эффект возникает при включении данной группы мотивов в цепь счастливых (для героя) неожиданностей, за которыми стоит С+.

МЗ.3. ПОЛУЧЕНИЕ ДЕНЕГ ПОСЛЕ СМЕРТИ ИХ ВЛАДЕЛЬЦА

Финансовая удачливость предстает как невольное присвоение чужого богатства в результате смерти его первоначального обладателя, но без какого-либо участия субъекта-бенефициара. Благоприобретение (Д3) актуализируется в рамках криминального дискурса, где «помощником» при получении чужих денег по иронии судьбы оказывается криминалитет. Цепочка с семантикой приращения благ пополняется еще одной парой мотивов и, соответственно, усилением комического начала.

МЗ.4. ПРИУМНОЖЕНИЕ БОГАТСТВА

Пассивность героя-бенефициара временно нарушается: он покупает квартиру (Т3, Б4). Дальнейшее приращение богатства происходит уже при участии героя, проявляющего активность (продажа квартиры и покупка трех новых – Т3, Б6/Д6), но при исходной определяющей роли внешних сил (благоприятная для собственников ситуация на рынке недвижимости – Б5/Д5). Подорожание квартир мы бы описали с помощью экономической метафоры «невидимая рука рынка». Заметим, что эта антропометрическая метафора (согласно типологии Лакоффа и Джонсона) основана на представлении об определенной иррациональности рынка, его субъектности и внеположенности человеку, что роднит его с ‘судьбой’. Ближайшими аналогами этого блока мотивов являются, например, сказки типа «По шучьему велению» и «Счастье по случаю», где приобретение благ по восходящей (в том числе бездельником, дураком, то есть «героем, не подающим надежд») происходит с участием случайно появившегося дарителя, помощника, помощника-дарителя или волшебного средства, но при условии, что герой проявляет хотя бы минимальную активность и смекалку. На наш взгляд, не будет натяжкой рассматривать куплю-продажу квартиры как современную эко-

номическую актуализацию мотивов получения и использования чудесных предметов.

М4. АПОФЕОЗ ПРИУМНОЖЕНИЯ БОГАТСТВА

Мотив покупки на гаражной распродаже (ба-рахолке) «железного вентилятора», оказавшегося «утраченным шедевром модерниста Керико», замыкает цепь счастливых случайностей. С точки зрения фольклориста, железный вентилятор и квартира – современные рыночные актуализации фольклорных чудесных предметов, приносящих удачу и богатство. Учитывая фоновые знания о цене рыночно привлекательных произведений искусства, этот финал можно воспринимать как апогей финансового успеха героя. Очевидно также, что это и ироническая реплика автора в сторону рыночно ориентированной части современного искусства. Комический эффект возникает как ряд несоответствий между сущностью и видимостью. Как и в большинстве кумулятивных сказок, цепь обогащений замыкается веселым финалом.

ЯЗЫК РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК СПОСОБ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ ОБОГАЩЕНИЯ: 'СУДЬБА' И 'РЫНОК'

Анализ мотивов чудесного (то есть пришедшего извне) обогащения Аркадия показывает, что в каждом из них актуализируется определенная стандартная ситуация (фрейм) рыночной экономики. Речь уже шла об аналогии архетипической судьбы и рыночной экономики, или рынка. Добавим, что в экономическом научном (и особенно научно-популярном) дискурсе рыночная экономика определяется как система, в которой преобладает стихийность, что является дополнительным аргументом в пользу сравнения ее с 'судьбой', несмотря на то, что последняя – элемент иной, далекой от рыночной, фольклорной семиотической системы.

Указанные мотивы финансового успеха Аркадия Лернера можно описать в терминах экономического дискурса, включающих метафоры, паремии и профессиональный жаргон, что в известной степени вербализовано в тексте. Так,

М3.1. Лернеру «выплатили значительную денежную компенсацию» за укус ньюфаундленда – *возмещение ущерба, страхование, стартовый капитал*; М3.2. невероятно возросшая сумма возвращенного долга – *доходы по банковскому депозиту*; М3.3. данные на сохранение деньги остаются у Лернера – имплицитно: *криминальная (теневая) экономика, отмывание грязных денег*; просьба знакомого Лернера «не задавай лишних вопросов» – *деньги любят тишину*; М3.4.–5.3.7. купля-продажа квартир, их подорожание – *спрос на рынке недвижимости, рыночная конъюнктура, невидимая рука рынка; правильный выбор рыночной ниши; увеличение прибыли*.

В системе функций В. Я. Проппа рыночная экономика выполняет функцию дарителя – счастливой судьбы, фортуны. При пересечении концептуальных полей 'рынка' и 'судьбы' в ее положительном варианте выстраивается целая парадигма современных актуализаций финансового успеха. Этому рыночному сценарию безудержного накопления материальных благ (имущества, денег) вполне соответствует традиционная русская паремия *деньги идут к деньгам* и сюжетно-композиционная модель кумуляции. Таким образом, наложение элементов двух весьма удаленных во времени и разнотипных дискурсов – рыночного экономического и традиционного этнокультурного – создает предпосылки для создания комического эффекта. Его усиление, как уже упоминалось, сопровождается переходом от парадокса к абсурду.

'ЛЕНЬ', ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ И АССОЦИАТЫ

В связи с активностью – пассивностью Аркадия Лернера обратимся к концепту 'лень' – одному из важнейших в микросюжете. Речь уже шла о том, что пара 'лень' – 'деньги' / 'богатство' намеренно многократно повторяется в сюжете, при этом в минимальной синтагматической близости, что сигнализирует о их сильной смысловой взаимозависимости: лень сопровождает богатство в процессе его приумножения и подчиняется действующему механизму возрастающей градации. Репрезентанты 'лени' в микросюжете включают: однокоренной глагол («ленился»), предикатив от существительного *лень* («ему лень» – безличная конструкция, выражающая иррациональность и бессубъектность), глагол *лежать*, к которому этимологически восходит *лень* («лежал», «пролежал на диване», «пролежал без движения»), а также перифразы *лени* («С дивана он поднимается все реже», «дремлет, отключив телефон»). Семантика *лени* как *неподвижности* [2] комически дублируется в доходном занятии героя «торговлей *недвижимостью*», закрепляя парадоксальную зависимость достатка от лени. Наконец, обнуление мотива труда / работы Лернера – также косвенный знак лени.

Связь локализации персонажа («диван») с бездельем архетипична и сразу отсылает к Емеле-дураку, лежащему на печи. Одновременно возникают аллюзии на Илью Обломова, атрибутом которого является диван [14], [18: 67, 89]. Вполне канонической, как с точки зрения русского языка, так и фольклора, является ассоциативная связь *лени со сном* (Лернер «дремлет») и *едой*: рассказ о Лернере (в рамках главы «Сто восьмая улица»)

начинается с того, как он идет за «какой-нибудь диковинной приправой» «к завтраку» (Довлатов: III, 17), и заканчивается тем, что «за двенадцать лет жизни в Америке он приобрел единственную книгу» – «Как потратить триста долларов на завтрак» (Довлатов: III, 20). Подчеркнем, что связь лени с едой зафиксирована в сильных текстовых позициях (начале и конце сюжета) и служит акцентированию главных смыслов. Эротический момент, представленный метонимически у И. А. Гончарова [18: 90], но факультативный для русских сказок, у С. Довлатова обнулен. Другой ассоциат лингвоконцепта 'лень' – *мечтательность* – нюансирует *лень* в русской «наивной» картине мира [5: 344] и в русской классической литературе, где ее диапазон простирается от поэтической лени, предшествующей творчеству [18: 67–78], до реального бездействия [14], [18]. Что касается анализируемого микросюжета, то первоначальная мечта Лернера в Америке «получить работу на телевидении» не сбывается из-за несоблюдения им эмигрантского поведенческого канона (комический парадокс: желание получить искомое и упорный отказ от него с использованием «творческих» аргументов, не соответствующих рыночным понятиям успеха).

С ленью у С. Довлатова связан и *отказ от приобретения книг и их чтения*, вновь отсылающий к Обломову, изначальная утомляемость которого от чтения – сначала серьезного, а затем и газетного – переходит в окончательный отказ. Поскольку пара *лень – отказ от чтения* имеет чисто литературные корни, отметим лишь, что комическое в данном случае создается на базе трансформации духовного в телесное, причем в гиперболизированной форме (имплицитное наличие библиотеки → сведение ее к одному экземпляру-справочнику).

ИМЯ И ФАМИЛИЯ ГЕРОЯ – ТЕКСТ

Е. С. Новик отмечает, что имя сказочного персонажа, пожалуй, единственный его признак, почти не меняющийся на протяжении всего повествования [8: 220]. В своем выводе она опирается на сформулированный О. М. Фрейденберг закон, согласно которому фольклорно-мифологический «герой делает только то, что семантически сам означает». Анализ составного поэтического антропонима **Аркадий Лернер** иллюстрирует этот принцип, степень распространенности которого у С. Довлатова еще не ясна.

Начнем с имени героя. Антропоним **Аркадий** (беззаботный, счастливый) происходит от символа «счастливой страны, населенной беззаботными пастушками и пастушками», каковым

стал топоним Аркадия¹⁴. Здесь важно отметить, что заложенная в имени и символе семантика *беспечности, счастья, вольной жизни* пересекается с семантикой *лени*, сопутствующей истории финансового успеха героя в Америке.

Еврейская фамилия **Лернер** (на идиш *lerner*) означает ученика в еврейском религиозном училище, человека, читающего Тору. Сам же апеллятив *лернер* восходит к немецкому *lernen* – учение, учеба¹⁵. Фамилия Лернер, связанная с чтением и интеллектуальной деятельностью, вполне соответствует первой профессии героя – кинорежиссера, снимавшего «импрессионистские короткометражки» в СССР, то есть привязана к жизни героя на родине. Принимая во внимание жизнь (и работу) персонажа и ее приуроченность к «своему» (родина) и «чужому» (заграница) локусам, можно было бы ожидать противопоставления двух жизней – одной, полной творческого труда (имплицитно – чтения), счастья (в соответствии с его идеалом именно в СССР), другой – ленивой, прозаической, профанной (еда, сон, лежание, отказ от чтения и искусства) (США). Однако очевидная архетипичность такой оппозиции, воспроизводимой в советском идеолого-политическом дискурсе того времени, не подтверждается текстом, что и создает комический эффект, известный как неоправданное ожидание. Правда, следует признать, что осознание этой игры по разным причинам может прийти не сразу, а может и вовсе не появиться.

Обозначенная связь имени и фамилии героя с его локализацией в «чужом» и «своем» пространстве подводит нас к изучению одной из главных парадигм прозы С. Довлатова – *родина – заграница*, которая, в свою очередь, доминирует в русской зарубежной / эмигрантской культуре. Наши наблюдения подтверждают выводы И. Н. Сухих о том, что С. Довлатов далек от архетипического противопоставления «своего» «чужому» и отождествления их с «хорошим» и «плохим» или наоборот [12: 219–229]. Показательно, что довлатовское понимание «своего» и «чужого» в своей основе совпадает с тем, как эта пара представлена в русском языковом сознании, где крайние члены градуальной оппозиции (*свой – чужой*) – антонимы, а располагающиеся между ними (*иной, другой*) стремятся к «нейтрализации оппозиции» [11: 94]. Дополним, что при ближайшем рассмотрении актуализация своего и чужого пространства в фольклоре, в частности в сказке, тоже не столь однозначна, о чем еще писал В. Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» (1946).

Каким образом С. Довлатов работает с архетипической оппозитивной моделью и какие способы ее комической актуализации (включая и обращение к фольклору) он применяет – предмет отдельного исследования. В сюжете с Аркадием Лернером основой, на которой сглаживается и даже снимается противопоставление своего и чужого, труда и лени и т. д., является концепт ‘судьба’ в ее позитивном варианте (удача, богатство, счастье и пр.): она дарует герою богатство независимо от того, трудится он или нет, каков этот труд (высокое искусство или прозаическая торговля недвижимостью, над которыми, впрочем, иронизирует автор-рассказчик). Необходимо учитывать роль фоновых знаний (пресуппозиций) для адекватного восприятия юмора, иронии и других видов комического у С. Довлатова. В истории Аркадия Лернера таковыми являются: мифологемы иной, западной жизни и своей, советской, а также их соответствие реальной жизни; знание постулатов и законов государственной (командной) социалистической экономики и рыночной (капиталистической) и реальное представление о их функционировании; словарь эпохи (в широком его понимании) и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку предварительные наблюдения над фольклорными элементами комического у С. Довлатова даны в начале статьи, ограничимся выводами, относящимися к анализу сюжета (а в нем – микросюжета) об Аркадии Лернере («Иностранка»).

1. Фольклорное начало комического у С. Довлатова связано в первую очередь с фольклорными принципами построения текста и ключевыми этнокультурными концептами, в гораздо меньшей степени – с конкретными мотивами, сюжетами и типами сюжетов. Так, микросюжет об обогащении Аркадия Лернера построен по фольклорной схеме «паремия – ее развертывание в тексте». Функцию тезиса-паремии выполняет высказывание автора-рассказчика о врожденности богатства

и бедности, представляющее собой перифраз положительного варианта концепта ‘судьба’. Комическая актуализация концепта ‘судьба-даритель’, представленного в форме богатства, осуществляется путем педалирования семантики случайного обогащения и минимального участия в нем человека. Главным средством реализации этого выступает мотивно-композиционный повтор в виде восходящей градации, фольклорным аналогом которой является кумуляция как принцип организации ряда русских фольклорных жанров (кумулятивные сказки, байки, прибаутки и т. д.). На этой основе выстраивается индивидуально-авторская концептуализация отношений между ленью (трудом) и богатством, которую можно представить в виде парадокса, граничащего с абсурдом, – *чем больше лени, тем больше богатства*.

2. Цепь мотивов приумножения богатства Лернера можно описать на языке современного экономического рыночного дискурса. Комическое проявляется в том, что рынок (рыночная экономика) со всеми его правилами и законами предстает как современный вариант иррациональной и внеположенной человеку судьбы.

3. Фольклористический подход позволяет проникнуть в глубинный механизм создания комического у С. Довлатова, основанного на генетически наследуемой культурной памяти, включающей фольклорно-мифологическую и языковую традиции. Индивидуально-авторское освоение этой традиции носит трансформационный характер, но при этом протекает в «щадающих» режимах юмора и иронии.

«Деликатная» фольклористичность С. Довлатова активизирует в сознании читателя ключевые, заложенные в его этнокультурном сознании стереотипы и рефлексии по отношению к ним. Сближение кодов адресанта и адресата (будь то читатель или исследователь), как известно, открывает возможность для все более точного восприятия текста, в том числе и распознавания в нем комического.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лойтер С. М. К столетию со дня рождения И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 119.
- ² Орлова Н. А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 23 с.
- ³ Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах. Т. 2. СПб.: Азбука – Агтикус, 2017–2018. С. 182 (далее в круглых скобках указана фамилия, через двоеточие том и страница).
- ⁴ Арьев А. Наша маленькая жизнь // Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах. Т. 1. СПб.: Азбука, Азбука-Агтикус, 2018. С. 25.
- ⁵ Ефимов И. Неповторимость любой ценой // Довлатов С. Собрание прозы в четырех томах. Малоизвестный Довлатов (т. 4). СПб.: Азбука, Азбука-Агтикус, 2018. С. 456.
- ⁶ Форофонт Ю. Л. Концепт судьба и его языковая репрезентация в дискурсе (на материале русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009. С. 14–15.

- ⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Изд. 2-е, стереотип. Т. I. М.: Прогресс, 1986–1987. С. 182.
- ⁸ Там же. С. 142.
- ⁹ Толстой Н. И. Богатство // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллит Лак, 1995. С. 56–57.
- ¹⁰ Куций С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность» на материале русского и английского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 25 с.
- ¹¹ Даль В. Пословицы русского народа: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1989. С. 64–67.
- ¹² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1957. С. 429.
- ¹³ Там же. С. 402.
- ¹⁴ Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 376.
- ¹⁵ Что означает фамилия Лернер? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.toldot.come/life/Inames/Inames_6197.html (дата обращения 10.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выгон Н. С. Фольклорные истоки юмористического мироощущения в русской прозе XX века (Тэффи, М. Зощенко, С. Довлатов, Ф. Искандер) // Человек смеющийся: Сб. науч. статей. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2008. С. 291–299.
2. Еремينا М. А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского ун-та, 2014. 204 с.
3. Ижбаева Г. Р., Мырзагалиева А. С. Концепт «богатство» в паремиологических единицах русского языка // Вестник Волжского университета им. В. М. Татищева. 2018. Т. 2, № 2. С. 108–114.
4. Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Сергей Довлатов: творчество, личность, судьба / Сост. А. Ю. Арьев. СПб.: Звезда, 1999 [Электронный ресурс]. Режим доступа: sergeidovlatov.com/books/kurganov.html (дата обращения 10.12.2021).
5. Левонтина И. Б. Номо риге // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 336–344.
6. Лупанова И. П. «Смеховой мир» русской волшебной сказки // Вопросы теории фольклора. Русский фольклор. Т. XIX. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. С. 65–83.
7. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 275 с.
8. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 214–246.
9. Пропп В. Я. Кумулятивная сказка // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 241–257.
10. Сальмон Л. Механизмы юмора в творчестве Сергея Довлатова. М.: ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2008. 256 с.
11. Свинкина М. Ю. Градуальная оппозиция «свой – иной, другой, чужой» в русском и немецком языках // Научный диалог. 2016. Вып. 6/54. С. 94–105.
12. Сухих И. Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. М.; СПб.: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Пальмира», 2019. 286 с.
13. Форофонта Ю. Л. Концепт «судьба» в ментальном поле русской нации // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2007. Вып. 6 (50). С. 241–244.
14. Чавдарова Д. Семантика дивана в русской литературе XIX века // Интериорът във фольклора, литературата, изкуството / културата. Отговорен ред. доц. д-р Дечка Чавдарова. Шумен: Универс. издателство «Епископ Константин Преславски», 2007. С. 60–70.
15. Черняева Н. Актуализация фольклорно-мифологических архетипов в творчестве С. Довлатова // Епископ-Константинови четения. Т. 19. Памет и спомен. Шумен, 2013. С. 59–67.
16. Черняева Н. Концептуализация жизни в сборнике С. Довлатова «Наши» («Жизнь – книга», «Жизнь – путь») // Ракла с културни кодове. Короб културних кодов: Сб. в чест на 65-годишнината на проф. д. ф. н. Дечка Чавдарова. Шумен: Фабер, 2016. С. 289–300.
17. Черняева Н. Г. Философемы экзистенциализма в сборнике С. Довлатова «Наши» (Рассказ о двоюродном брате Борисе) // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Сб. научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 20. Т. II. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. С. 294–304.
18. Чавдарова Д. Rus(оист)кият идеал. Концепт *естественост* и автопортретът на руснака в руската литература на XIX век. Велико Търново: Фабер, 2009. 228 с.
19. Черняева Н. Типология и система на комическите персонажи в апокрифната руска проза от 1960–1980-те години // Диалог на литературите в текста на културата (Диалог литератур в тексте культуры). Шумен: Универс. изд-во «Константин Преславски», 2003. С. 163–169.
20. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. Paris: Ed. du Seuil, 1982. 448 p.

Поступила в редакцию 15.12.2021; принята к публикации 29.04.2022

Natalia G. Chernyaeva, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, University of Economics – Varna (Varna, Bulgaria)
 tortue@abv.bg

THE COMIC IN SERGEY DOVLATOV'S PROSE (a folklorist's view)

Abstract. The article addresses the folklore component of the comic in Sergey Dovlatov's prose, the results of its study by literary scholars, and the underrealized potential of the folkloristic approach to the problem. Researchers agree that the folklore origin of the comic in Dovlatov's works is manifested primarily through the writer's referring to a folk anecdote and "marginal" folklore characters (losers, tricksters, lazy people, etc.). The additions elaborated upon in the article include Dovlatov's use of paremias and aphorisms, and their narrativization in the laughing and half-serious-half-laughing modes; the analysis of the ethnocultural concepts behind the paremias playing the key role for Dovlatov ('fate', 'wealth – poverty', 'laziness', etc.); identifying the role of repetitions (in the form of an ascending or descending gradation) both on the verbal and motivational levels; establishing the principles of selecting poetonyms and their function in creating a laughing effect. These provisions are illustrated in the article by the microplot of a story "A Foreign Woman" ("Inostranka") (the story of Arkadiy Lerner's enrichment after emigrating to the USA).

Key words: Sergey Dovlatov, comic, folklorism, ethnocultural concepts, paremia, narrativization, poetonyms, laughter transformation

For citation: Chernyaeva, N. G. The comic in Sergey Dovlatov's prose (a folklorist's view). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):64–74. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.789

REFERENCES

1. Vygon, N. S. Folklore origins of a humorous attitude in Russian prose of the XX century (Teffi, M. Zoshchenko, S. Dovlatov, F. Iskander). *Homo ridens: Collection of articles*. Moscow, 2008. P. 291–299. (In Russ.)
2. Eremina, N. A. Laziness and diligence in the mirror of the Russian language tradition. Niznevartovsk, 2014. 204 p. (In Russ.)
3. Izhbaeva, G. R., Myrzagalieva, A. S. The concept of wealth in paramiological units of Russian language. *Vestnik of Volzhsky University*. 2018;2(2):108–114. (In Russ.)
4. Kurganov, E. Sergei Dovlatov and the line of anecdote in Russian prose. *Sergey Dovlatov: works, personality, fate*. (A. Yu. Aryev, Comp.). St. Petersburg, 1999. Available at: sergeidovlatov.com/books/kurganov.html (accessed 10.10.2021). (In Russ.)
5. Levontina, I. B. Homo piger. *Zaloznyak, A. A., Levontina, I. B., Shemelev, A. D. Principal ideas of the Russian linguistic picture of the world*. Moscow, 2005. P. 336–344. (In Russ.)
6. Lupanova, I. P. "The laughing world" of Russian fairy tales. *Issues of the theory of folklore. Russian Folklore*. Vol. XIX. Leningrad, 1979. P. 65–83. (In Russ.)
7. Meletinsky, E. M. The historical poetics of novella. Moscow, 1990. 275 p. (In Russ.)
8. Novik, E. S. The system of characters in Russian magic fairy tales. *Typological research into folklore. Collection of articles in memory of V. Ya. Propp (1895–1970)*. Moscow, 1975. P. 214–246. (In Russ.)
9. Propp, V. Ya. Cumulative fairy tales. *Propp, V. Ya. Folklore and reality. Selected articles*. Moscow, 1976. P. 241–257. (In Russ.)
10. Salmon, L. The mechanisms of humour in Sergey Dovlatov's works. Moscow, 2008. 256 p. (In Russ.)
11. Svinkina, M. Yu. Gradual opposition "own – different, another, alien" in Russian and German languages. *Scientific Dialogue*. 2016;6(54):94–105. (In Russ.)
12. Sukhih, I. N. Sergey Dovlatov: time, place, destiny. Moscow, 2019. 286 p. (In Russ.)
13. Forofontova, Yu. L. The concept "fate" in the mental sphere of the Russian nation. *Tamov University Review. Series: Humanities*. 2007;6(50):241–244. (In Russ.)
14. Chavdarova, D. The semantics of sofa in the Russian literature of the XIX century. *Interior in folklore, literature and art*. (D. Chavdarova, Ed.). Shumen, 2007. P. 60–70. (In Russ.)
15. Chernyaeva, N. Actualization of folklore and mythological archetypes in Dovlatov's works. *Bishop Constantine Readings*. Vol. 19. Memory and memoirs. Shumen, 2013. P. 59–67. (In Russ.)
16. Chernyaeva, N. The Conceptualization of life in Sergey Dovlatov's collection of short stories *Ours* ("life as a book", "life as a way"). *A box with cultural codes: Collection of articles commemorating the 65th anniversary of Prof. Dechka Chavdarova*. Shumen, 2016. P. 289–300. (In Russ.)
17. Chernyaeva, N. The philosophemes of existentialism in Sergey Dovlatov's collection of short stories *Ours* (Story about Cousin Boris). *Issues of translation theory, practice and didactics. Series "Language. Culture. Communication"*. Issue 20. Vol. II. Nizhny Novgorod, 2017. P. 294–304. (In Russ.)
18. Chavdarova, D. Russ(eau)istic ideal. The concept of *naturalness* and self-portrait of a Russian person in the Russian literature of the XIX century. Veliko Tarnovo, 2009. 228 p. (In Bulg.)
19. Chernyaeva, N. Typology and system of comic characters in apocryphal Russian prose from the 1960s to the 1980s. *Dialogue of literatures in the text of culture*. Shumen, 2003. P. 163–169. (In Bulg.)
20. Genette, G. *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris, 1982. 448 p.

Received: 15 December, 2021; accepted: 29 April, 2022

АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ МОРОЗ

доктор филологических наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Российская
Федерация)
ORCID 0000-0002-5164-8080; abmoroz@yandex.ru

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СБОРНИК ДУХОВНЫХ СТИХОВ И ВЫПИСОК ИЗ С. ТРОИЦА КАРГОПОЛЬСКОГО РАЙОНА: СОСТАВ, СТРУКТУРА, ИДЕОЛОГИЯ

А н н о т а ц и я . Статья вводит в научный оборот рукописный сборник, обнаруженный в с. Троица Каргопольского района Архангельской области в 1998 году. Сборник состоит из духовных стихов и выписок из разных церковных книг: учительных, полемических, четий, а также из книг по истории старообрядчества. Содержание стихов и выписок, особенности текстов стихов, характер источников выписок, место бытования сборника и ряд других признаков указывают на принадлежность его старообрядческой книжной традиции, конкретно – согласию бегунов, сторонники которого жили в северной части современного Каргопольского района до середины XX века. Стихи и выписки не просто носят полемический характер и отражают идеологию бегунского согласия, но и выстроены особым образом, чтобы отразить историю раскола и мотивировать позиции бегунов по отношению к внешнему миру. Выписки выстраиваются в линию: причина раскола – неприятие верующими реформ Петра – гонение на старообрядцев – мир пребывает в грехе – необходимо бежать от мира – спасение в покаянии, пустынножительстве и безбрачии – приближается Второе пришествие – спасен будет только тот, кто покается и отречется от мирских пристрастий, – спасенным даруется царствие небесное. Духовных стихов значительно меньше, чем выписок, и они, хотя в целом выстроены в той же логике, разрабатывают ее менее подробно.

К л ю ч е в ы е с л о в а : фольклор, духовные стихи, старообрядцы, бегуны, скрытники, Русский Север, книжность, церковный раскол, рукописная традиция, народная религиозность

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мороз А. Б. Старообрядческий сборник духовных стихов и выписок из с. Троица Каргопольского района: состав, структура, идеология // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 75–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.790

ВВЕДЕНИЕ

В 1998 году в ходе фольклорной экспедиции в с. Троица Каргопольского района Архангельской области нами был получен рукописный сборник, содержащий духовные стихи и выписки из церковных книг и книг по истории старообрядчества. Принадлежность сборника установить не удалось и получить какие бы то ни было комментарии по его поводу тоже.

Тетрадь в 1/8, сшитая вручную, в черном коленкоровом переплете, бумага без филигранны, на листе 12 в правом нижнем углу имеется едва различимый штамп. Отчетливо в штампе просматривается только рамка, подходящая под крайне расплывчатое определение «прямоуг. гнут.», используемое С. А. Клепиковым [2: 100–115]. Таким образом, установить точное место и время изготовления бумаги не представляется возможным. Тем не менее рукопись можно осторожно датировать приблизительно последней третью XIX века. Наиболее позднее издание,

выписки из которого включены в сборник, – это «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова, цитируемая по изданию 1862 года¹. Сборник не имеет титульного листа и заглавия; включает 43 листа, при этом пагинация начинается с 4-го (то есть на 4-м листе стоит номер 1, три первых не только не пронумерованы, но и не посчитаны), текст написан полууставом четырьмя разными почерками, на большинстве листов заголовки и буквицы выполнены красными чернилами. Сборник хранится в АЛФ.

СТРУКТУРА СБОРНИКА

Рукопись производит впечатление цельного сборника со вполне продуманной структурой и концепцией. В целом тематика сборника может быть описана так: избегание греха, в том числе путем отказа от мирских благ, общения с неверными и инославными, бегства от мира, покаяние и принятие правильного крещения, а также ожидание второго пришествия и па-

мать смертная. Открывает его молитвенный начал (*Начало поутру и вечере*) – л. [I] – [IV об.²]; молитвенный начал завершается *Архангельским поздравлением пресвятей Богородице* – оно размещено на отдельном – первом пронумерованном листе, на обороте которого помещен первый из духовных стихов. Хотя почерки в рукописи меняются, нет оснований считать, что она создавалась в несколько отдельных этапов, так как разные почерки представлены на отдельных листах и даже на отдельных страницах: в одном случае (л. [I об.]) почерк меняется в середине страницы, после первого слова Молитвы Господней. Пагинация, возможно, сделана позднее, одной рукой и вполне отчетливо, первые листы не производят впечатления подшитых, после того как остальные листы были пронумерованы. Таким образом, можно предположить, что пагинация дается подобно тому, как в XIX веке в типографских изданиях предисловия получали отдельную от основного текста нумерацию страниц (так, например, проставлены номера страниц в издании «История Выговской пустыни»³, которая цитируется в исследуемом сборнике). Здесь альтернативной пагинации нет, однако молитвенный начал выполняет скорее функцию вступления, нежели собственно молитвенного текста. Следом за молитвенным началом идет подборка духовных стихов. Третья часть представляет собой выписки из разного рода литературы: учительных, полемических сборников и книг по истории старообрядчества.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ

Мы уже публиковали эти стихи⁴, потому ограничимся здесь их краткой характеристикой. Стихи занимают листы 1 об.–22 об. Всего сборник содержит 13 стихов, они не пронумерованы, но каждый из них начинается с написанного красными чернилами названия или просто с заголовка «Стих», однако в действительности можно говорить об 11 стихах, так как два из них – фиктивные и возникли в результате ошибки переписчика. Так, третий по порядку стих составлен из конца второго (*Среди самых юных лет Вяну аки нежной цвет*) и начала четвертого (*Съ другомъ я вчера сидель, Зрю на смертный пределъ*), таким образом, финал одного и начало другого составляют якобы самостоятельный текст. Еще один стих (*Пойду страдать въ страну далеку*) – в сборнике это 6-й и 7-й тексты – разбит на две части, после строки *и где изволитъ – поселитъ* идет заголовок «Стих» и далее, со слов *Наставъ о вере*

несумненной начинается следующий текст, являющийся между тем продолжением предыдущего. Из такого членения текстов видно, что, по крайней мере, та часть, которая содержит духовные стихи, не составлена, а переписана с другого источника, причем переписчик не вполне компетентно обошелся с текстами. Приведем названия (где есть) и инципиты всех 11 стихов.

1. Л. 1 об.–3: Стихъ о страшномъ суде. *Господь грядетъ в полунощи, Женихъ идетъ со славою*⁵.

2. Л. 4–4 об.: *Среди самых юных лет Вяну, аки нежной цвет*⁶. Этот стих в сборнике заканчивается словами: *Здесь проводимъ дни в слезахъ, Намъ и радость в небесахъ, Господи помилуй!* Окончание выделено в отдельный стих с присоединенным к нему началом следующего.

3. Л. 5 содержит компилят: последние строки стиха 2, начиная со слов: *Сиры мы вси и убоги, Но Твои щедроты многи...* соединены с началом стиха 4: *С другомъ я вчера сидель, Зрю на смертный пределъ. О горе мне о горе мне Великое.*

4. Л. 5 об.–7 содержит стих, начало которого стало финалом предыдущего. Начало по другим спискам и изданиям: *Съ другомъ я вчера сидель*. В нашей рукописи стих начинается со слов: *Плоть мою во гробъ кладутъ, Душу же на судъ ведутъ*⁷.

5. Л. 7–9: Стихъ о матери со дщерию. *Умоляла мать родная Свое милое дитя*⁸.

6. Л. 9 об.: *Пойду страдать въ страну далеку, Куда мя добрый помысль поведетъ*. Стих разбит на две части, каждая из которых озаглавлена как самостоятельные тексты: «Стихъ». Эта первая часть заканчивается строками: *Богъ спутник, колесница, И где изволитъ поселитъ*.

7. Л. 10: Вторая часть стиха, начавшегося под № 6, начинается строками: *Наставъ о вере несумненной, Наставъ меня и утверди*⁹.

8. Л. 10–12 об.: Стихъ Иосифа (sic!) Царевича. *Что за чудная превратность И непредмену я зрю въ глазах*¹⁰.

9. Л. 12 об.–13 об.: Стихъ. *Время радости настало, Я [в] восторге себя зрю, Мое сердце трепетало*¹¹.

10. Л. 14–16: *Прошу выслушать мой слогъ, Кой въ темницы служитъ*¹² *могъ*¹³.

11. Л. 16–19: Стихъ. Похвала дественникомъ (sic!). *О дественницы, невесты Христа Бога нашего, Сына Божия Творца небеснаго, Внимайте и услышите, Како Он ублажаетъ васъ*¹⁴. Стих составлен киновиярхом Андреем Борисовым (ум. в 1791 году) и «относится к числу образцовых сочинений поморской литературной школы. “Похвала” воспринимается как живой отклик на бытовые проблемы выговцев, многие из которых жили со своими семьями, сохраняя по существу крестьянский уклад жизни в окружении стен, замысленных отцами-основателями пустыни как монастырские» [4: 221].

12. Л. 19–20 об.: Стихъ о памяти смертного часа. *Взираи съ прилежанием, Тленный человек, Како векъ твой проходитъ И смерть недалека*. Широко распространенный стих представляет собой основную часть, без вступления и финала, стиха, написанного митр. Стефаном Яворским на кончину свт. Димитрия Ростовского «О памяти смертного часа»¹⁵. В опущенной начальной части автор обращается к читателю, а в финальной вспоминает усопшего и призывает его *слезно вспоминати*. Вместо заключительного фрагмента в сборнике приводится другой текст¹⁶.

13. Л. 20 об.–22 об.: Стихъ о перемены веры о последнемъ времени. *Слезы ливше о Сионе И с сердечною тоской Пель Израиль в Вавилоне, Пленный сидя над рекою*¹⁷.

Подбор духовных стихов крайне характерен. Основная их тематика связана с покаянием, пустынножительством, твердостью в вере и ожиданием Второго пришествия. Все стихи поздние, в большинстве силлабо-тонические и рифмованные. Стих на л. 12 об.–13 об. (*Время радости настало, Я [в] восторзе себя зрю*) в финальной части ощутимо перекликается, местами совпадая почти дословно, с финалом известной сиротской песни *Там в лесу при долине громко пел соловей*. Песня получила крайне широкое распространение, в том числе, возможно, благодаря ее исполнению в фильме «Путевка в жизнь» (реж. Н. Экк, 1931 год), однако определенно существовала и раньше, по крайней мере в 1920-х годах¹⁸. В сборнике рассказов Вадима Сафонова (1904–2000) «Гранит и синь» помещен один текст, в котором автор рассказывает, как в 1923 году познакомился с молодым человеком, сиротой и бродягой, 1903 года рождения, который утверждал, что сочинил эту песню, скитаясь по югу России сразу после Гражданской войны. Автор приводит подробности своего с ним разговора, описывает манеру исполнения песни и дает текст, ощутимо отличающийся от известных нам версий¹⁹. Степень достоверности этого очерка и рассказа его героя остается под вопросом. В частности, эта песня опубликована в 1929 году А. П. Георгиевским²⁰. Огромное количество вариантов также свидетельствует о широком распространении песни, однако ее фиксации рубежа XIX–XX веков нам не известно. Можно предположить влияние стиха на песню или наличие некоего неизвестного нам общего источника, однако вопрос о времени происхождения стиха и песни остается открытым.

Еще один стих, заметно выбивающийся по форме из подборки, – *Похвала де[в]ственникомъ*, вдохновленный «Книгой о девстве» Иоанна Златоуста и, возможно, «Похвалой девственности» Григория Богослова и напоминающий по форме стихиры с анафорической структурой. Стих распространен в старообрядческой среде и устойчиво соотносится в рукописных сборниках с Евангелием от Луки (ср. упомянутый уже сборник духовных стихов (ОР РГБ. Ф. 212. № 72.2), а также «Книгу беседы евангельские от Луки, похвалы девственником» [7: № 34]).

Все помещенные в сборник стихи достаточно известны, половина из них (6 текстов) содержится в собрании Маркова²¹, 11 из 12 – в «Материалах...» под редакцией В. Бонч-Бруевича²². Важно отметить, что в обоих изданиях тексты приводятся по письменным источникам. В частности, в «Материалах...» под редакцией В. Бонч-Бруевича В. И. Срезневский публикует стихи из, как он сам его характеризует,

«бегунского сборника, относящегося к последней четверти истекшего столетия и приобретенного мною для библиотеки Академии наук в 1905 году в Заонежском крае непосредственно из рук лица, принадлежащего к числу бегунов или странников»²³.

На старообрядческое происхождение сборника указывает косвенным образом и включение в его состав стиха о царевице Иоасафе (в сборнике – Иосифе). По утверждению А. М. Петрова, этот текст, который обычно называется стихом о царевице Иоасафе, повествование в котором идет как бы от его лица, не содержит упоминания имени царевицы, «он сложился в XIX в. в старообрядческой среде. Стих носит характер подражания силлабо-тоническим стихотворениям русской классики» [8: 90].

Старообрядческое происхождение сборника подтверждает также содержание последнего стиха (*Слезы ливше о Сионе*) откровенной полемической направленности, обличающего лжепророков, порочность мира и его законов. Кроме того, в сборник включены два текста, которые, по утверждению С. В. Максимова, созданы Никитой Семеновым²⁴, одним из руководителей страннического согласия, стоявшим у его истоков.

Н. С. Мурашова, рассматривающая эволюцию внелитургического духовного пения, приводит интересную статистику. На основе корпуса из 1149 духовных стихов, составленного с использованием

«более чем 130 информационных ресурсов: описаний коллекций и собраний; сборников текстов; архивных фондов (Астраханского областного методического центра; Лаборатории археографических исследований Уральского государственного университета; личного архива автора); электронных ресурсов; дисков; периодических изданий; а также материалов, извлеченных из публикаций различных жанров, представляющих разновременной фонд: от зафиксированных в рукописях XVIII в. до экспедиционных записей нашего времени и стиховников из обихода современных старообрядцев» [6, т. 1: 28–29],

автор создает таблицу распространения отдельных текстов (сюжетов) по различным согласиям старообрядчества. Географического различия не делается, что, видимо, оправдано развитой коммуникацией, существовавшей между старообрядческими общинами на разных концах страны, но сам географический охват весьма значителен: Архангельский Север – 316 сюжетных единиц, Новосибирская область – 311, Вятка – 310, Прибалтика – 271, Урал – 252, алтайские поляки и каменщики – 152, липоване – 129, Коми – 124, Карелия – 92, Вологодчина – 83 сюжетные единицы [6, т. 1: 251]. Приведем выдержки из этой таблицы, касающиеся размещенных в сборнике из с. Троица стихов.

Репертуарный свод духовных стихов староверов поповских и беспоповских согласий:
субконфессиональный аспект [6, т. 2: 100–122]

Repertoire of spiritual verses of the Old Believers from priestly and priestless sects:
subconfessional aspect [6, vol. 2: 100–122]

Словесный инципит	РПСЦ	бегло- поповцы	поморцы	филипповцы	федосеевцы	стариковцы	часовенные	бегуны / странники / скрытники
Взираи с прилежанием, тленный человече (Стих кратковременно- сти / О памяти смертного часа)	2		2	2				3
Вчера с другом я сидел	1		1	2				1
Господь грядет в полунощи (О Страшном Суде)	1		1	1				2
Наставь о вере несомненной, наставь меня и утверди								2
О девственницы, невесты Христа, Бога нашего (Стих похвала дественником)								2
Плоть мою во гроб кладут (часть из стиха «С другом я вчера сидел»)								2
Пойду страдать в страну далеку								3
Прошу выслушать мой слог	1			2		2		3
Слезы ливше о Сионе (О святой церкви / Плач Израйля)	2	1	2	2		2		3
Среди самых юных лет (Стих о юности и молодости)	1			2		1		5
Умоляла мать родная (Об умолении матери своего чада. / Наказ дочери / Стих о матери со дщерью)	2	1	3	2		3		2
Что за чу(ю)дная превратность непреренно зрю в глазах (Иоасафа царевича стих)			1	2				2

Из таблицы видно, что все помещенные в сборник стихи имеют наибольшее или исключительное распространение именно в среде бегунов / странников / скрытников. Действительно, на территории Каргополья община скрытников была весьма многочисленной. По утверждению К. А. Докучаева-Баскова, бегуны начали появляться здесь в конце 1840-х годов²⁵. Согласно версии Д. Островского,

«в 50-х годах между филипповцами Каргопольского уезда начинает замечаться разьединение: одни из них остаются верными Филиппу, другие начинают вступать в новую секту “Христовых странников”, или попросту “бегунов”. Первыми проповедниками “бегунства” здесь были ярославские странники»²⁶.

Конфискованные письма в другие губернии у арестованного в 1864 году одного из бегунских наставников свидетельствуют, что Никита Семенов был одним из главных лидеров каргопольского скрытничества²⁷. Именно с его фигурой связано распространение странничества в Каргополье [3: 172].

ВЫПИСКИ

Третья часть сборника содержит выписки из различных книг, так или иначе отражающие

противостояние официальной церкви и идеологию странничества. Автор выбирает фрагменты, описывающие некоторые противоречия между старообрядчеством и официальной церковью, мотивирующие такие важные различия, как крещение и крестное знамение, а также уход от мира, нежелание иметь что бы то ни было общее с инославными и безбрачие, говорящие о памяти смертной, грехе и покаянии. Все выписки снабжены указанием на название источника, главу и номер страницы или листа.

Л. 22 об.–28. Выписка представляет собой два фрагмента из издания «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова²⁸, в которых перечисляются нововведения, предпринятые Никоном и – по его поручению – Арсением Греком («Никонъ же чего самъ умыслити невозможно, на то Арсения оного избра»²⁹): троеперстное крестное знамение, пятиперстное благословение, хождение крестным ходом против солнца, пятипросфирное богослужение и т. д. Второй фрагмент повествует о том, что описанные реформы привели к гонениям на несогласных, а это, в свою очередь, к притоку в *Олонецкие и Каргопольские пределы* множества тех, кто отстаивал правоту старой веры.

Л. 28–29 об. Набор небольших цитат из книги А. Щапова под заголовком «Книга Щаповъ расколъ»³⁰. Цитируется с большими сокращениями челобитная XVIII века, направленная против реформ Петра Первого, которую

приводит в своей книге А. Шапов³¹, а также рассуждения самого Шапова о глубине проникновения *раскольнического, старообрядческого* образа мыслей, который не могли искоренить ни казни в срубах, ни расстрелы, ни ссылка. Составитель сборника заменяет обозначения *раскольник, старообрядец на христиан православных*, оставляя остальной текст неизменным как свидетельство безвинных страданий, перенесенных ими.

Л. 29 об. Как явствует из заголовка, выписка сделана из Недельного Евангелия (Слово 3, лист 23), то есть из Евангелия апракос: «Къ невернымъ бо тогда ниедино слово его быть, понеже бо вси купно саосуждены будутъ...» Однако источником послужило старопечатное Учительное Евангелие 1652 года. Выписка содержит фрагмент поучения в неделю Мясопустную на зачало 106 (Мф. 25:31–46), в котором Христос наставляет учеников, говоря им, что, накормив и одев ближнего, они кормят и одевают Его Самого. Те же, кто не подает нуждающимся, не подает Самому Господу. Комментарий противопоставляет, таким образом, истинно верующих и неверных; в рамках цитаты это противопоставление тождественно оппозиции 'старовер – нестаровер'.

Л. 30 содержит три короткие выписки: *Евангелие недельное на Преображение, слово 78 листъ 519*. Выписка из того же Учительного Евангелия включает две фразы, относящиеся ко Второму пришествию: «Овыхъ же свяжутъ руце и нозе узами нерешим[ым]и³², и в кромешную тму ввержетъ, тогда праведнии просия[ю]тъ, яко солнце, грешнии же подземелна приемше страдати имуть».

Книга катихизисъ бол[ьшой], глава 13. По всей видимости, имеется в виду Катихизис Лаврентия Зизания, однако у него это глава 14: «Вопросъ: грешным душамъ что будетъ? Ответъ: слыши псаломъ глаголетъ смерть грешникомъ люта рекше мука вечная. Ныне же пребываютъ въ велице сетовании и скорби и нестерпимыхъ ухахъ ждуще оныхъ вечныхъ мукъ».

Книга Вера глава 11 листъ 86. Цитируется «Книга о вере единой истинной православной», полемический сборник XVII века, направленный против католиков, униатов и протестантов, но в данном ключе цитата приобретает антииконовскую направленность. Глава 11 озаглавлена «О душахъ святыхъ, о раи, и о небеси, и о царстве Божиимъ». Выписка переходит на оборот листа: «[Души]³³ грешныхъ убо во аде пребываютъ подъ землей и моремъ, якоже глаголетъ псаломникъ въ темныхъ и сени смертней и в рове преисподнемъ. И во Иове пишеть, въ земли тмы вечная, идеже несть света, ниже узрети жизни человеческия, а праведныхъ души по Христове пришествии [якоже] от разбойника иже на кресте навькн[у]емъ яко в раи суть, небо ради единыя души святого разбойника Христосъ Богъ нашъ рай отверзе но всехъ ради прочее святыхъ душъ. [Вопрос 20: Что убо, прияша ли праведнии благая и грешнии муку?] ни[како]³⁴ же обаче радость, юже имуть праведныхъ души, отчасти наслаждение имъ есть, такожде и грешныхъ отчасти въ скорби [суть]».

Л. 30 об. *Книга Кирилла Иерусалимскаго, глава 2 листъ 8* (издание 1644 года): «И пророкъ глаголетъ: изведе их и узы их растерза...» Цитируется «Беседа на 2 главу», собственно, комментарий к тексту. В цитате речь идет о Втором пришествии и необходимости готовиться к нему, ибо Господь изведет из ада только праведников, а грешников оставит там.

Л. 31. *Книга Вера глава 30 листъ 280 [и] ниже*. «Не зриши ли, яко греховъ ради Богъ потопа всю вселенную и всему роду нашему всегубительство содела...» Глава 30 называется «О антихристе, и о скончании мира, и о страшномъ суде, свидетельствана Писания». Выписка содержит описание кар, которые постигали в разные моменты народ Божий, призыв покаяться в грехах и презреть мирскую суету ради «славы небесной».

Л. 32. *О посте среды и пятка. Книга Вера глава 15 листъ 126 на обороте*. «Святити апостоли о посте среды и пятка тако предаша: аще кто въ среду и пятокъ не постится отлученъ да будетъ...»

Книга Уставъ со святыми и Номоканонъ правило 215. «Цареградский патриархъ Никифоръ въ 5-м правиле глаголетъ, яко от священникъ не постящихъ среду и пятокъ, недостойтъ причаститися». Цитируется Правило 214 Номоканона при Большом Потребнике.

Л. 32–32 об. *Книга четъя январь 21*. «Что сотвориши егда римляна соединятъ византияномъ...» Цитируется фрагмент из Жития Максима исповедника, выписка представляет собой слова Максима, отказывающегося быть с патриархом Константинопольским и царем, так как они еретики-монофелиты.

Л. 32 об. *Книга Вера глава 27 листъ 240*. «И три персты, имиже благословлялъ, отсеци и тело его в Тиверь реку вверещи. Чти о томъ въ Баронии». В соответствующей главе речь идет о том, как восточная церковь оберегает западную от ересей и как западные епископы при поставлении беседуют с патриархом. Цитата процитирована как описание действий, направленных против троеперстия, однако в оригинале речь идет о суде, который устроил папа Стефан VII над эксгумированным папой Формозом по обвинению в незаконной коронации императора Арнульфа. По приговору три перста, которыми он благословил императора, были отрублены и брошены в Тибр.

Книга Кирилла Иерусалимскаго глава 31 листъ 270. «Аще пойдетъ христианинъ мимо ихъ церковь, а у нихъ поють, то уши заткнуть и бежать, чтобы гласъ не слышать». Глава 31 «О посте арменскомъ» рассказывает о неправильном армянском причащении, но в контексте сборника приобретает несколько иной смысл.

Л. 33. *Книга Иоанна Дамаскина глава 28*. «Глаголетъ но человекъ родится изъ блуда и все сатанино действо восприметь. Толков[ание:] Девица есть вера сказуется Христовая или еретическая вера. Блудъ же ересь называется».

Потребникъ листъ 664. «Аще кто не крестится двема персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклят». Здесь приводится неточная цитата из главы 31 Стоглава «О крестном знамении, како подобаетъ архиереомъ и иереомъ благословляти и знаменоватися и прочимъ православнымъ христианомъ знаменоватися и поклонятися», в которой содержится подробное описание перстосложения.

Кирилл Иерусалимский глава 27 листъ 242 на об[ороте]. «И всехъ отъ различныхъ еретическ[их] веръ приходящихъ истиней христианъ вере закона совершенно крестити. Еретич[еское] крещение несть крещение, но осквернение». Глава Стоглава «Ереси римския, еже прияша от мелхисидикиянъ, и жидовъ, и арменъ». Цитируется не сам текст главы, но его толкование.

Книга Кормчая, глава 71 листъ 641. «И сия правила якоже предрекохомъ подобне, и градстии законы

сице глаголють, яко еретикъ есть еретическимъ подлежить закономъ». Цитируются «Преподобного Никона, игумена Черныя Горы, изглашения о освященныхъ правилехъ», которые относятся к нарушению постановлений VII Вселенского собора.

Л. 33 об. *Книга Вера глава 28 листъ 256*. «Аще и имя Святыя Троицы таковыи нарицають, аще истинныхъ на помощь призывают, аще и знамения честнаго креста Христова творять, бегати и отвращатися от нихъ подобаетъ». Глава «О разнствии между церковию и костеломъ» относится к католикам, которые *осуеишиася*. Цитата говорит о тех, *иже последуютъ поганыхъ обычаемъ*, такимъ как колядование и проч.

Книга Вера глава 21 листъ 192. «И сие было приложено, аще бы кто дерзнулъ инако учить или глаголати, анафема, сиречь вечному мучению». Глава «О отступлении римлянъ от грековъ и от святыя восточныя церкви». В источнике цитаты этот фрагмент относится к эпизоду, когда папа Лев приказал повесить в алтаре Собора св. Петра в Риме текст Символа веры без *filioque* на греческом и именно так повелел читать на литургии.

Апостола Иоанна послание 1, зачало 71, глава 2, стихъ 18.

[Книга] *Вера глава 2 в конце слова*. «И яко во время пришествия Христова избранныхъ Божиихъ малое стадо было, тако и въ пришествие антихриста уменьшатся правовернии, а зловернии умножатся». Глава «О церкви», которая во время Второго пришествия будет спасать верных.

Л. 34. [Книга] *Вера глава 16 листъ 142 ниже*. «Иже убо не молится Богу ниже божественныя беседы приимати не желаетъ, непрестанно мертвъ и окаянень». Глава «О пении церковномъ».

Книга Златоустъ, слово 25 ниже. «Аще кто книги почитаетъ или чтущаго слушает, той съ Богомъ беседуетъ». Цитируется «В понедельникъ третьей недели поста, поучение святаго Иоанна Златоустаго о уставе жития христианскаго, емуже начало: Иже кто милостив...». Перед этим говорится о необходимости творить милостыню, помогать убогим, о воздержании и т. д.

Златоуст, слово 47 ниже. «Аще кто молча книги почитаетъ и къ человекумо учително глаголетъ, день и ночь Бога молитъ». Цитируется «В среду пятой недели поста, поучение некоего черноризца к брату о молчании, емуже начало: елма же требуеши, брате мой присный...». Цитата оборвана на середине фразы, продолжение ее: «...надеюся, яко самъ Богъ Троицею духовне въ такове человеце живеть». В источнике основной акцент сделан не на необходимости поучать и слушать поучения, а о том, что *пространное глаголанье кроме книжныхъ словесъ* – великий грех.

Книга Ефремъ, слово 105 ниже. «Будутъ бо мнози обретаеми тогда угодни Богу, и могуще спастися въ горахъ бо, и холмехъ, и пустыхъ местехъ, и многихъ молитвахъ, и печалехъ безчисленныхъ. Святыи же Богъ, видя ихъ тако въ печали безчисленной и въ вере святей, помилуетъ ихъ яко Отецъ чадолюбивый сердцемъ, идеже будутъ скрылися». Цитируется «Слово 105 О антихристе. О второмъ пришествии».

Л. 34 об. *Евангелие от Матфея, зачало 79, гл. 19, стихъ 29*. «И всякъ, иже оставитъ домъ, или братию и сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села имене моего ради, сторицею прииметъ и животъ вечный наследитъ».

К коринфяномъ послание 2, зачало 182, гл. 6, стихъ 16. «Вы есте церкви Бога жива, якоже рече Богъ вселюся въ нихъ и похожу и буду имъ Богъ...»

Л. 35–35 об. *Прологъ, генваря месяца 17 день. Поучение о царствии небесномъ*. «Царство небесное вечно есть и безсмертно, егоже ждуть работающии Господеви...». Текст статьи посвящен аскетической жизни, отвержению земного, монашеству, развивает тему выписок на предыдущем листе, в том числе цитирует тот же стих Мф. 19:29. Цитата призывает отказаться от суетного и мирского ради царствия небесного.

Л. 35 об.–36. *Прологъ, июня 27 день. Слово, яко добро присещати болящихъ*. «Не ленитесь присещати болящихъ Господа ради. Равно бо есть милостыни еже присещати болящихъ. Слыши Господа глаголюща: боленъ бехъ и присетисте мене...». Приводится весь текст статьи без финальной фразы.

Л. 36–37. *Прологъ, июня 28 день. Слово о страннолюбии*. «Будите, братие, ревнители добрымъ деломъ, да до конца поживете мирно о Господе. Не укрои страна и пришелца, но приими я в дом твой...» Приводится полный текст статьи.

Л. 37–37 об. *Прологъ, месяць июль 1. Въ той день повесть святаго Нила*. «Веждь, чадо, яко маловременъ есть родъ человеческий, и сего ради должень есть смиренъ человекъ николиже забывать смертъ...» Приводится полный текст без финальной фразы. Основной мотив – кратковременность жизни, которую должно прожить без греха.

Л. 37 об.–38. *Къ солуняномъ послание 1, зачало 270, гл. 4, ст. 16*.

Л. 38. *Златоустъ. Слово 113 ниже*. «Рече Господь: две мелющихъ въ жерновахъ едину поемлется, а другая оставляется. То жерновы есть весь миръ, а мелющий же душа и тело. Душа убо поемлется, а тело оставляется». Составитель сборника помечает выписку «Слово 113», однако в сборнике «Златоуст» содержится всего 112 слов. Цитата начинается фразой из Евангелия от Матфея (Мф. 24:41), далее приводится толкование из «Беседы трехъ святителей»: «86. Вопрос: Что есть два мелющихъ жерновы: един подымлется, а другой оставляется? Ответ: Жерновы есть мир, мелющая – душа и тело: душа подымлется, а тело оставляется» [7: 164].

Л. 38–38 об. *Евангелие Благовествование от Матфея, зачало 102 ниже*. Под этим заголовком приводится фрагмент из Катехизиса, сам же заголовок относится к предыдущей выписке: именно в зачале 102 (Мф. 24:36–41) содержится (стих 41) упоминание о двухъ мелющихъ: «Вопросъ: Како убо приемлются праведнии, да поведаетъ Павелъ? Ответъ: живущии бо рече о Господе на облацехъ възмуться на воздухъ и всегда съ Господемъ будутъ. Вопрос: Како убо оставятся неправеднии? Ответ: соберутъ, рече, ангели избранныхъ отъ четырехъ ветрь, нечестивыхъ же пожегутъ огнемъ неугасимымъ. Ниже разумеи же и жены Лотовы окаменение, и удивися огнюмоу прещению, въ купе убо быше Лоть, жена его и две дщери, и Лоть не опалися со дщерма своимъ, ни жена его не убежа огненнаго прещения, но комуждо ихъ по правде воздаяние бысть. Тако убо и на суде праведнии бо прияти будутъ, якоже Лоть, неправеднии же оставятся, яко жена Лотова».

Л. 38 об.–39. *Книга Ефремъ, слово 8 листъ 140 на обороте*. «Темже боюся, егда напрасно наидеть на ны день

онъ и обретшеся страстни и нази, и не приготвлении во огнь послании будемъ, сиеца бо любляху и во дни ноевы ядыху и пияху, женияху и посягаху, и купли творяще дондеже прииде потопъ и погуби вся...» Выписка из Слова 8 О поучении и покаянии.

Л. 39–40. *Прологъ, мѣсяць июль 14. В той же день слово о покаянии, яко не токмо Богъ исповедавшихъ грехи своя приемлетъ, но и обратившихся от грехъ к покаянию.* «Поведаше некто от отецъ глаголя, яко в Селуни есть монастырь девическъ. Едина от нихъ от действия вражия поущена бысть отити от монастыря, и шедши впаде въ блудъ...». Приводится полный текст статьи без финальной фразы.

Л. 40–40 об. *Прологъ, мѣсяць июнь 5. В той же день слово от премудрости о наказании чадъ.* «Внемлите себе известно о глаголемыхъ, казните дети своя измлада, глаголетъ бо премудрость: любя сына своего, жезла на немъ не щади, казни его от юности, да на старость твою покоить тя...». Текст обрывается на половине фразы, вероятно, окончание утрачено.

ИДЕОЛОГИЯ СБОРНИКА

Сборник написан разными писцами – об этом свидетельствуют четыре разных почерка и разный характер ошибок. Орфографических ошибок или описок немного, в основном это пропуски слов в тексте, неразличение при составлении выписок собственно текста и его толкования, Евангелия апракос и Учительного, незавершенные фразы. Обращает на себя внимание ошибка в имени царевича Иоасафа, который в заглавии соответствующего стиха назван Иосифом. Вместе с тем в структуре сборника просматривается единая ярко выраженная задача, руководствуясь которой действовали все писцы (впрочем, нельзя отрицать, что сборник переписан с какого-то образца). Общий замысел, лежащий в основе сборника, связан непосредственно с тем согласием старообрядчества, которому очевидно принадлежал(и) его составитель(и), – бегунству / странничеству / скрытничеству. Е. В. Прокураторова в работе, посвященной содержанию и типологии ряда сборников, составленных старообрядцами-странниками, отмечает, что, с одной стороны, книжность странников (скрытников) наименее изучена [9: 339], с другой стороны,

«сам состав рукописного сборника – авторские сочинения или тематическая подборка текстов в компилятивных рукописных книгах – становится ярким свидетельством принадлежности книги сторонникам страннического вероисповедания. <...> Наиболее определенно странническим книжником можно атрибутировать рукописи полемического, уставного и регламентирующего характера <...> поскольку в состав данных рукописей нередко включаются сочинения страннических авторов» [9: 343].

В нашем случае сборник не содержит полемических сочинений страннических авторов,

однако общая идеология и принадлежность некоторых духовных стихов согласию странников (скрытников) указывает на то, что он составлен именно в этой среде.

Действительно, в тех местах, откуда происходит сборник, до середины XX века жили скрытники в значительном количестве, они оставили о себе весьма яркие воспоминания как в устной традиции³⁵, так и в материальных объектах. В частности, в радиусе 10 км от с. Троица известно две пещеры, в которых, вероятно, молились скрытники [5]. Один из духовных стихов, приведенных в сборнике, нам удалось зафиксировать и в устном бытовании на той же территории – в с. Архангело, в 10 км от Троицы. Стих был частично пересказан в контексте разговора о старообрядцах:

[О староверах что рассказывали?] Они, староверы, и ели из особой чашки. Вот было, это называлось, скрытые. Вот один плотник, и вот у него такое убежище в стену сделано. Только один человек войдѣ. <...> Ну дак што они жили у своих хозяев. Ну трудились, работали. А только они вот пели:

Пойду страдать в страну далѣку.
Когда добрый помысел ведѣт,
Не удержат меня моря и реки,
Я там найду себе жильѣ.
Мочить буду я слезами свою пищу и питьѣ.
Прощай весь мир и со страстями,
Я от тебя уже далѣк.

Они говорили не по-русски. Сами с собой. Так они в одной деревне прорыли ход по пещѣрам. И когда их начали обижать, так они это, смотались. Как-то по пещѣрам»³⁶.

Сборник имеет ярко выраженную полемическую направленность и одновременно ориентирован на то, чтобы обосновать основные принципы как старообрядчества в целом, так и связанные конкретно со скрытничеством: перекрещение вновь обращаемых, безбрачие, отказ от взаимодействия с властями, бегство от мира, скрытная жизнь.

Особо строго выстроенная последовательность духовных стихов не очень заметна – все они повествуют о необходимости очиститься от грехов перед Вторым пришествием и способах этого достичь. Тем не менее некоторая композиция все же просматривается: 1. Второе пришествие и ожидание кары за грехи. 2. Необходимость прожить жизнь в скорбях в ожидании награды в Царстве Небесном. 3. Этому препятствует грешное тело, но теперь следует покаяться ввиду скорой смерти и хранить себя от греха. 4. Сохранить себя от греха помогут девственность и посвящение себя Христу, а не браку. 5–6. Тому же может способствовать бегство от мира и пустынножительство. 7. Бегство от мира

и страдание способствуют перенесению души в другие, прекрасные края. 8. Тот, кто соблюдает себя в жизни, будет вознагражден после смерти. 9. Безбрачие – путь к Богу. 10. Следует все время помнить о смертном часе. 11. В последние времена будет много лжепророков и многие соблазняются – этого нужно беречься. Таким образом, сначала описываются опасности жизни в миру, затем способы спастись от греха, воздаяние в будущей жизни и предупреждение о последних временах.

Заметно более выраженная логика лежит в основе той части сборника, которая включает выписки из разных книг. Здесь мы сталкиваемся фактически с целостным трактатом, составленным из отдельных цитат большего (до нескольких страниц) или меньшего (одно предложение) размера. Составитель начинает с причин раскола и одного из главных его виновников – Арсения Грека. Далее приводится грамота старообрядцев, в которой они отказываются признавать Петра царем и вследствие того претерпевают мучения и казни за веру. Это интерпретируется как гонения на самого Христа и тут же говорится о том, что гонителям воздастся во время Второго пришествия. В этот момент праведникам будут открыты врата рая, грешников же ждет преисподняя. Потому ради будущей жизни следует покаяться и очиститься от греха. Те, кто пребывает во Христе, должны соблюдать Устав, в том числе посты, не только длинные, но и еженедельные по средам и пятницам, а тот, кто не соблюдает, достоин проклятия, ибо он распинает Христа. С грешниками не стоит иметь ничего общего, их следует избегать. Грех креститься тремя перстами, грех молиться с неверными, а тех, кто при-

ходит к истинной вере, нужно заново крестить. Еретики – это и те, кто признает Троицу, но следует одновременно обычаям неверных (колядует и т. п.). Учителей, которые учат не тому, много, их следует предать анафеме. Сейчас настают последние времена, потому – как предсказано – количество верных уменьшается. Спастись можно через чтение или слушание книг и через молитву. Господь помилует тех, кто будет бежать от мира, скрываться и молиться. Бог наградит тех, кто помогает болящим и странствующим. Грех оскорбляет ангела-хранителя, следует жить без греха и помнить о быстротечности земной жизни. Господь внезапно придет судить, это случится так же, как во дни Ноя, когда никто не ждал потопа. Но надо помнить, что Бог принимает не только праведников, но и кающихся грешников, так что следует стремиться к покаянию.

Из всей этой последовательности несколько выбивается последняя выписка, в которой идет речь о необходимости наказывать детей, чтобы они росли с памятью смертной, почитали родителей и избегали греха. Впрочем, как уже было сказано, есть основания считать, что сборник утратил последнюю часть, так что описанная последовательность мотивов может быть не завершена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сборник из с. Троица Каргопольского района представляет собой один из документов подобного рода, служащих свидетельством богатой духовной жизни, развитой книжной традиции и активной религиозной жизни старообрядцев-скрытников в Каргополье.

СОКРАЩЕНИЯ

АЛФ – Архив лаборатории фольклористики Российского государственного гуманитарного университета
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. С соблюдением его правописания, одиннадцатью портретами знаменитых старообрядцев и двумя видами Выговских мужского и женского общежительных монастырей / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1862. С. 20–22.
- ² Римскими цифрами обозначены первые четыре листа, не включенные в пагинацию.
- ³ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни... С. I–XIV.
- ⁴ Каргополье. Фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. С. 370–395.
- ⁵ Ср.: Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 725–726, № 294; Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. Выпуск первый. СПб., 1908. С. 270–271, № 33.
- ⁶ Ср. Беломорские старины... С. 754 (в разделе «Стихи у грамотной девушки» приводится инципит под № 7); Материалы к истории... С. 239–240, № 11; Духовные стихи в рукописных сборниках старообрядцев филипповского согласия (по материалам Кемеровского территориального собрания ГПНТБ СО РАН) / Сост., вступ. ст., коммент. и описание рукописей Т. Г. Казанцевой. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2014. С. 245–248, № 88.

- ⁷ Ср. Материалы к истории... С. 270–271, № 32; Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 264–268, № 92.
- ⁸ Ср. Материалы к истории... С. 244–245, № 16; Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 233–236, № 89 а, б.
- ⁹ Ср. Материалы к истории... С. 239, № 10.
- ¹⁰ Ср. Материалы к истории... С. 235–236, № 6; Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 274–277, № 95.
- ¹¹ Ср. Материалы к истории... С. 240, № 12.
- ¹² Вероятно, ошибка переписчика: ср. [Бонч-Бруевич: С. 248, № 18]: сложить.
- ¹³ Ср. Материалы к истории... С. 248–249, № 18; Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 259–263, № 91.
- ¹⁴ Ср. стих под названием *Евангелие от Луки. Похвала девственником* в сборнике РГБ Ф.212 № 72.2 из Олонекской губ. Третья четв. XIX в. (<https://lib-fond.ru/lib-rgb/212/f-212-72-2/#image-17>); Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 105–108, № 39.
- ¹⁵ Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Ч. 1. Разные небольшие сего святителя творения с присовокуплением жития его и келейных записок. М.: Синодальная типография, 1805. С. 31–32.
- ¹⁶ Ср. Материалы к истории... С. 267–268, № 30; Беломорские старины... С. 727, № 296; Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 213–214, № 77.
- ¹⁷ Ср. Материалы к истории... С. 254–255, № 24; Беломорские старины... С. 754 (в разделе «Стихи у грамотной девушки» приводится инципит под № 1); Духовные стихи в рукописных сборниках... С. 271–273, № 94.
- ¹⁸ Большая подборка вариантов песни опубликована Р. Фахретдиновым на сайте «Песенник анархиста-подпольщика»: <http://a-pesni.org/dvor/pozabyt.php>.
- ¹⁹ Сафонов В. В саду при долине. Как родилась одна песня... // Сафонов В. Гранит и синь. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 256–263.
- ²⁰ Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Вып. IV. Фольклор Приморья. Владивосток: Тип. Дальневост. гос. ун-та, 1929. С. 82. (Труды Дальневосточного государственного университета. Серия III. № 9.)
- ²¹ Беломорские старины...
- ²² Материалы к истории...
- ²³ Материалы к истории... С. 228.
- ²⁴ Максимов С. В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1877. С. 442–443.
- ²⁵ Докучаев-Басков К. А. Из жизни Каргопольских странников-бегунов // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей России при Московском университете. 1913. Кн. 3, отд. 4. С. 14.
- ²⁶ Островский Д. Каргопольские «бегуны»: краткий исторический очерк // Олонекский сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонекского края / Сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губ. тип., 1902. Вып. 4. С. 23.
- ²⁷ Там же. С. 31.
- ²⁸ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни... С. 20–22, 24–27.
- ²⁹ Там же. С. 20.
- ³⁰ Шапов А. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской Церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина. 1859. С. 108–110.
- ³¹ Там же. С. 106–108.
- ³² Здесь и далее исправления даются по источнику цитирования.
- ³³ В оригинале слово оторвано от цитируемого фрагмента, потому и не включено в цитату.
- ³⁴ Составитель сборника из ответов на два вопроса делает связный текст, опуская вопрос 20 и заменяя ответное *никакоже* на союз *ниже*, который должен соединить начало ответа на вопрос 20 в единую фразу с концом ответа на вопрос 19.
- ³⁵ Каргополье... С. 293–369.
- ³⁶ АЛФ, Архангельская обл. Каргопольский р-н, Архангело, 1995. Зап. от А. В. Петуховой, 1931 г. р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалык М. Г., Пигин А. В. Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей» в кижской рукописи из коллекции крестьян Корниловых // Кижский вестник. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 148–165.
2. Клепиков С. А. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М.: Изд-во Всесоюз. книжн. палаты, 1959. 306 с.
3. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 266 с.
4. Маркелов Г. В. Писания выговцев. Каталог-инципитарий. Тексты. По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 422 с.
5. Мороз А. Б. Молитвенные пещеры в Каргополье. История и нарративы. Каргополье с древнейших времен: история и культура: Материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. (18–20 августа 2020, г. Каргополь). Б. и., 2020. С. 137–148.
6. Мурашова Н. С. Старообрядческий духовный стих в контексте культурно-исторической эволюции внебогослужебного духовного пения: Дис. ... д-ра культурологии. Т. 1–2. Новосибирск, 2000.
7. Нестеров И. В. Каталог рукописных книг Фундаментальной библиотеки Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Ч. 1. XV–XVII вв. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. 102 с.

8. Петров А. М. Духовные стихи о царевице Иоасафе: состав сюжетов и метрические модели // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 88–131.
9. Прокуратова Е. В. Рукописные сборники старообрядцев-странников XVIII–XX веков в севернорусских рукописных собраниях: проблема выявления и атрибуции // Язык, книга и традиционная культура позднего русского Средневековья в науке, музейной и библиотечной работе. Труды IV Междунар. науч. конф. (Мир старообрядчества. Вып. 10.) / Сост. Ю. С. Белянкин, Е. В. Воронцова, Н. В. Литвина. М.: Изд-во МГУ, 2019. С. 337–347.

Поступила в редакцию 21.04.2022; принята к публикации 31.05.2022

Original article

Andrey B. Moroz, Dr. Sc. (Philology), Professor, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5164-8080; abmoroz@yandex.ru

OLD BELIEVERS' COLLECTION OF SPIRITUAL SONGS AND CHURCH BOOKS EXTRACTS FROM THE VILLAGE OF TROITSA, KARGOPOL DISTRICT: COMPOSITION, STRUCTURE, IDEOLOGY

Abstract. The article introduces a manuscript collection discovered in the village of Troitsa (Kargopol District, Arkhangelsk Region) in 1998. The collection consists of spiritual songs and extracts from various church books: teaching, polemical, and lectionary ones – as well as from books on the history of the Old Belief. The content of the verses and extracts, some peculiarities of the verses' texts, the character of the extracts' sources, the place where the book was found, and a number of other features indicate that it belongs to the Old Believers' literary tradition, specifically to the beguny (runaways) denomination, whose supporters lived in the northern part of the modern Kargopol District until the mid-twentieth century. The poems and extracts are not just polemical and reflect the ideology of the beguny (runaways) denomination, but are also structured in a special way to reflect the history of the schism and substantiate the positions of the beguny (runaways) towards the world outside their communities. The excerpts create a sequence: the reason for the schism – the rejection of Peter the Great's reforms by the Old Believers – persecution of the Old Believers – the world's sinking into sin – escape from the world – salvation in repentance, hermitage, and celibacy – arrival of the Second Advent – salvation only of those who repent and renounce worldly predilections – the saved entering the Kingdom of Heaven. The number of the spiritual songs is considerably less than that of the extracts, and while they generally follow the same logic, the songs elaborate it in less detail.

Keywords: folklore, spiritual poetry, Old Believers, runaways (beguny), wanderers (skrytniki), Russian North, literary tradition, schism, manuscript tradition, folk religiosity

For citation: Moroz, A. B. Old Believers' collection of spiritual songs and church books extracts from the village of Troitsa, Kargopol District: composition, structure, ideology. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):75–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.790

REFERENCES

1. Babalyk, M. G., Pigin, A. V. Ancient Russian apocrypha “The Conversation of Three Holy Hierarchs” in a Kizhi manuscript from the collection of the Kornilov peasant family. *Kizhi Vestnik*. Petrozavodsk, 2007. Vol. 11. P. 148–165. (In Russ.)
2. Klepikov, S. A. Filigree and stamps on paper of Russian and foreign production of the XVII–XX centuries. Moscow, 1959. 306 p. (In Russ.)
3. Mal'tsev, A. I. The wandering Old Believers in the XVIII and the first half of the XIX centuries. Novosibirsk, 1996. 266 p. (In Russ.)
4. Markelov, G. V. Writings of the Old Believers from the Vyg Hermitage. Alphabetical catalogue. Texts. Based on the materials from the Repository of the Pushkin House. St. Petersburg, 2004. 422 p. (In Russ.)
5. Moroz, A. B. Prayer caves in the Kargopol region. History and narratives. *The Kargopol region from the ancient times: history and culture: Proceedings of the XVI all-Russian research and practice conference (August 18–20, 2020, Kargopol)*. B. i., 2020. P. 137–148. (In Russ.)
6. Murashova, N. S. Spiritual verses of the Old Believers in the context of cultural and historical evolution of extra-liturgical spiritual singing: Diss. Cand. Sc. (Cultural Studies). Vols. 1–2. Novosibirsk, 2000. (In Russ.)
7. Nesterov, I. V. Catalogue of handwritten books from the Fundamental Library of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University. Part 1. XV–XVII centuries. Novgorod, 1999. 102 p. (In Russ.)
8. Petrov, A. M. Spiritual verses about Tsarevich Joasaph: plots and metrical models. *Forum for Anthropology and Culture*. 2021;49:88–131. (In Russ.)
9. Prokuratova, E. V. Handwritten collections of the Old Believers of the XVIII–XX centuries in northern Russian collections of manuscripts: problems of identification and attribution. *Language, book and traditional culture of the late Russian Middle Ages in science, museum and library work. Proceedings of the IV international research conference. (The World of Old Believers. Issue 10)*. (Yu. S. Belyankin, E. V. Vorontsova, N. V. Litvina, Comps.). Moscow, 2019. P. 337–347. (In Russ.)

Received: 21 April, 2022; accepted: 31 May, 2022

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА РЫЖОВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики Института гуманитарных наук
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Российская Федерация)
RyzhovaElena2015@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОЙ ИНТЕРАКЦИИ: СЕВЕРНОРУССКИЕ АГИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ О ЯВЛЕННЫХ ИКОНАХ И СВЯТЫХ

А н н о т а ц и я . На севернорусском материале сказаний о явленных чудотворных иконах и агиографических памятниках о явленных святынях («жития праведников») XVI–XIX веков рассматривается проблема жанровой интеракции данных произведений. Делается вывод о диффузии этих жанровых форм, о чем свидетельствует широкий круг сходных мотивов. К основным мотивам относятся явление чудотворной святыни – иконы или мощей, связанное с символами воды и земли, обладающими как библейской, так и фольклорно-мифологической семантикой, чудесные знамения при обретении святыни, мотив храмоздательства и видения, в которых святыня сама способствует становлению и развитию своего почитания. Жанровая интеракция произведений основана на типологическом сходстве в русском религиозном сознании восприятия икон и мощей как явленных святынь. Тем не менее в церковной традиции почитание новоявленных святынь имело существенные отличия, что отражается и в отдельных мотивах произведений. В сказаниях о явленных иконах иконописный тип обретенной святыни, как правило, опознается и чудотворения от иконы не подвергаются сомнению. В житиях праведников, напротив, атрибуция явленных мощей определенному лицу либо невозможна («безымянные святыне»), что противоречит христианской поминальной практике и агиографической норме, либо не укладывается в рамки церковного канона. Почитание явленных мощей во многих случаях происходило в рамках народной религиозности и традиционной народной культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а : мотив, жанровая интеракция, агиографические памятники, сказания о явленных иконах, сказания о явленных святынях, жития праведников, Русский Север, почитание святынь, традиционная народная культура, «безымянные святыне»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Рыжова Е. А. К проблеме жанровой интеракции: севернорусские агиографические памятники о явленных иконах и святынях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 85–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.791

ВВЕДЕНИЕ

Сказания о чудотворных иконах и жития святынь появляются в русской письменности уже в первые века ее существования, а затем в течение нескольких столетий складывается корпус оригинальной агиографической литературы. Настоящего расцвета эти агиографические жанры достигли в XVI–XVII веках, в «эпоху процветания святости» [16: 278], что было связано с развитием местных литератур, поскольку каждая земля стремилась прославить свои святыни и показать их общерусское значение. Для данного периода характерны случаи «конкуренции жанров» [6: 9]. В подобное соотношение в области агиографической интеракции «вступили жития святынь и сказания о чудотворных иконах Богоматери», поскольку в это время культ почитания чудотворных икон «перенимает на себя извест-

ные традиционные функции культа святынь», так как и тем, и другим «создаются благословенные места (монастыри, церкви), в которых верующие ожидают исцеления» [6: 9]. В некоторых сочинениях, относящихся к XVII–XVIII векам, наблюдается своеобразный жанровый сплав сказаний об иконах и агиографических сочинений о монастырях¹ [1: 89].

Жанровая интеракция может объясняться тем обстоятельством, что в литературном отношении сказания об иконах были более свободны от строгого канона, чем другие жанры древнерусской литературы: повествование в них должно было включать лишь три обязательных элемента (несчастье – обращение к иконе – избавление), внутри которых не существовало ограничений [17: 138]. Кроме того, обозначение жанра письменных памятников о чудотворных иконах как сказаний

весьма условно, поскольку они, «будучи едины по своей предметной адресности <...> весьма разнообразны в жанровом отношении <...>» и, по сути, отражают названия произведений, данные книжниками [7: 61].

Существующую на сегодняшний день характеристику художественного своеобразия сказаний об иконах, включающую описание мотивов данных произведений, нельзя назвать исчерпывающей для всего многообразия сказаний о чудотворных иконах, в том числе для сказаний о явленных иконах как особой жанровой разновидностью. Отметим, что различение двух типов икон – чудотворных, то есть отмеченных чудесами, и явленных, сложилось в русской христианской живописи. Очевидно, что понятие «чудотворная икона» шире понятия «явленная икона», поскольку последняя также отмечена даром чудотворения. Под явленными иконами понимаются «чудесно обретенные, по особенному усмотрению промысла Божия, который нередко сам являл верующим иконы, неизвестной рукой написанные» [23: 33–34]. Агиографические произведения, посвященные описанию обретений чудотворных икон, несомненно, обладают рядом характерных художественных особенностей. Тем не менее жанровую разновидность сказаний, посвященных явленным иконам, исследователи, как правило, отдельно не рассматривают, хотя и называют некоторые мотивы, присущие им.

С произведениями о явленных чудотворных иконах с точки зрения жанровой специфики сходна выделяемая нами особая группа агиографических произведений о явленных святынях, чья сюжетно-композиционная структура существенным образом отличается от агиографического канона. В связи с развитием почитания местных святынь подобные произведения появлялись и в других регионах. Однако только на Русском Севере на протяжении XVI–XIX веков сформировался определенный корпус агиографических памятников о явленных святынях, что позволяет говорить о тенденции, присущей севернорусской агиографии в целом, и выделить характерный для подобных произведений набор мотивов.

При обозначении жанровых особенностей севернорусской агиографии исследователи использовали различную терминологию. Л. А. Дмитриев применял термин «народные» жития, отмечая, что «героем их становится не государственный или церковный деятель, не подвижник во славу веры, а простой человек со сложной судьбой» [4: 11–12]. Обращая внимание на жанровую фор-

му произведений, исследователь назвал подобные жития также «легендарно-биографическими сказаниями» [4: 270]. Занимающийся рассмотрением «религиозности мирян» А. С. Лавров писал о том, что «наиболее интересными» в этой связи «являются персонажи, балансирующие на грани между “разрешенной” и альтернативной религиозностью», рассматривая синодальные документы, в том числе и о севернорусских святынях Артемии Веркольском, Параскеве Пиринемской и Иове Ущельском [9: 7]. Ив Левин, изучавшая почитание «непризнанных святынь», среди которых севернорусские святыне Иаков и Иоанн Менюжские, Иоанн и Логгин Яренгские, Артемий Веркольский, Прокопий Устьянский, Иаков Боровичский, Евфимий Архангелогородский, Вассиан и Иона Пертоминские, назвала их «безымянными чудотворцами» [10: 162–190]. С. А. Штырков именует Иакова Боровичского и Евфимия Архангелогородского «святыми без житий» [25: 130–131]. «Необычными святыми» считает праведных отроков Иоанна и Иакова Менюжских А. А. Панченко, рассматривая их почитание в контексте такого явления русской религиозности, как «безымянные святыне» [13]. Е. К. Ромодановская, изучая некоторые памятники севернорусской агиографии, пришла к выводу «об особой их жанровой разновидности», которую она назвала «святой из гробницы» [18: 151].

Наши разыскания показали, что подобные тексты не ограничиваются только сюжетом «святой из гробницы», круг таких произведений достаточно широк. Мы назвали эту жанровую разновидность агиографических текстов «жития праведников». Под праведными как ликом святости понимаются

«канонизированные и почитаемые в качестве святынь благочестивые миряне и представители белого духовенства, скончавшиеся своей смертью (не монашествующие, не мученики, не страстотерпцы, которые также преимущественно являлись мирянами, за исключением преподобномучеников или священномучеников, и не юродивые)»².

В данном лике, таким образом, помимо святынь мирян-правителей, которые почитаются с эпитетами «благоверный», «благочестивый», есть и праведные миряне «из числа простых людей»³. Исследователи отмечают, что в русской церковной традиции в лике праведных «представлено большее число подвижников, чем в Византии, хотя этот лик также остается самым малочисленным по количеству представителей»⁴. В русской литературе известен тип жития праведника, в котором показан путь спасения

в миру, он, как правило, связывается с именем праведной Иулиании Лазаревской.

К группе севернорусских житий праведников относятся произведения с разными самоназваниями, свидетельствующими, как и в случае с агиографическими памятниками о чудотворных иконах, о жанровой диффузии повествований о явлении мощей: здесь не только жития («Житие святого и праведного богомудрого отрока новоявленного Артемия Веркольского чудотворца»)⁵, но и явления («Явление мощей святого и праведного Прокопия Устьянского чудотворца и чудеса его»)⁶, сказания («Сказание въкратце о праведном Кириле чудотворце и о его чудесах»)⁷, повести («Повесть словеси явления честных и многоцелебных мощей преподобного телеси святого Иакова»)⁸, слова («Слово о явлении честных и многоцелебных мощей святого и праведного Иакова Боровицкого чудотворца и о чудесах его»)⁹ и др. Кроме того, героями подобных произведений выступают явленные святые, причисленные в дальнейшем церковной традицией не только к лику праведных, хотя таких святых в данной группе большинство, но и юродивых, преподобных, преподобномучеников, святителей, блаженных [19: 391–392]. Следует отметить также вариативность именования подобных святых в рукописно-книжной традиции. Это видно и в приведенных выше самоназваниях памятников об Иакове Боровицком, в которых он именуется и праведным, и преподобным. При всей очевидной условности терминологического определения данной группы агиографических памятников как «жития праведников» она необходима нам для обозначения особой жанрово-тематической группы произведений, имеющих специфическую композицию и определенный набор мотивов. На чем основана интеракция сказаний о явленных чудотворных иконах и житий праведников, каково сходство и различие этих жанровых разновидностей, рассмотрим в следующих разделах.

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ О ЯВЛЕННЫХ ИКОНАХ

Исследователями выделяются присущие сказаниям о чудотворных иконах определенные мотивы или круг мотивов, при этом их наблюдения не связываются с разными видами икон и произведений о них. Обязательными для данных памятников можно считать мотивы, встречающиеся еще в византийской агиографии: перемещение

иконы из одной точки в другую; явление иконы на новом месте с целью его прославления; преодоление водной преграды, выбор места пребывания; храмоздательная «деятельность» иконы на новом месте, заступничество от врагов; целительство иконы или способность к наказанию [11: 107]. Для древнерусских сказаний о чудотворных иконах помимо традиционных выделяются дополнительные мотивы: явление иконы (явление иконы в видении как традиционный сюжетный ход); «укрывательство» героем своего видения; «наказание» за молчание; «обретение» иконы; «неверие»; «запрет» на прикосновение; «узнавание»; чудо от иконы на новом месте; герой-обретатель; чудотворения (заступничество от врагов) [11: 107–110], [26]. В. М. Кириллин также отмечает определенный ряд общих сюжетно-повествовательных особенностей произведений, часть из которых можно отнести и к сказаниям о явленных иконах: иконы могут являться «на воздухе», на дереве, на горе, у реки в чудесном сиянии, переносясь с места на место; впоследствии именно на этих местах возводятся часовни, церкви, монастыри; приводятся описания иконописных изображений; упоминаются сопутствующие явлению иконы чудеса; есть особый персонаж – тайнозритель чудесного видения; святыня чудесным образом сохраняется в пожаре; присутствует рассказ о первоначальном неверии людей в случившееся чудо, предопределявшее необходимость новых чудесных знамений [7: 63–64]. М. В. Антонова указывает на ряд устойчивых мотивов, характерных и для сказаний, и для устных преданий об иконах, которые могут быть применимы и к сказаниям о явленных иконах: общерусский мотив «живой» иконы (икона сама выбирает место своего пребывания, где затем основывается монастырь или строится часовня); мотив движения и чудесной остановки в пути; мотив водной стихии (икона обнаруживается на берегу реки, у озера; на месте остановки иконы начинает бить чудодейственный источник); мотив древа, горы, столпа (возвышения), мотив исцеления [1: 89–91]. О разном сюжетном наполнении произведений, связанных с двумя типами икон – писанных и явленных, говорит А. В. Пигин:

«<...> В некоторых сказаниях небожитель, которому посвящена икона, сам повелевает написать ее или приобрести в каком-то месте. Икона может чудесным образом явиться в лесу, на дереве, в дупле, на пне, на камне, на снегу, у источника, может приплыть по воде – в этих случаях она воспринимается как нерукотворная (“явленная”）」¹⁰.

Л. И. Журова пишет о двух типах икон и, следовательно, повествований о них. Среди чудотворных икон она выделяет перенесенные, которые «представляли собой списки с образов, писанных евангелистами, апостолами, митрополитами; их “биографии” обычно связаны с именами известных легендарных личностей», а сопряженные с ними события «приобретали исторический характер», и явленные [5: 184]. Явленные иконы «имели хождение в народной среде, были связаны с бытовыми проблемами жизни человека, болезнями, душевными недугами, несчастиями», а основу «биографии» данных икон составляли исцеления [5: 184]. В качестве основного топоса сказаний о явленных иконах Л. И. Журова называет евангельское «чудо целительства Христа (Мф. 11:5; Лк. 7:22; Ин. 5:3–8)», а также один из самых распространенных в подобных произведениях топос «положение иконы на древе» [5: 184].

Ряд константных черт, позволяющих говорить об особом жанровом образовании – легендах о явленных иконах, описывается исследователями при изучении жанра устных легенд о чудотворных иконах. Типологическим мотивом в подобных текстах считается «чудоявление иконы», при этом мотив божественного обретения иконы определяет другие мотивы, среди которых обретение иконы у воды безгрешными людьми, специфический хронотоп (икона является, как правило, ясным весенним утром у водоема, чистой открытой воды или подземного целебного ключа, пробивающегося сквозь толщу земли, – все это связано с представлениями об источниках как священных и целебных); чудотворение; трагедийные судьбы икон на земле (икона может исчезнуть навсегда, покидая греховный мир); мотив сакрализации места явления икон (на этом месте возводятся часовни и храмы); культурологическая значимость явления святынь (место обретения становится центром общественной, производственной, творческой, хозяйственной жизни региона); организующая функция икон (они сплачивают людей в самых драматических ситуациях, таких как крестный ход – моление о дожде, помощи в преодолении болезней и т. п.); мотив вторичного обретения святынь как своеобразный залог их бессмертия [24: 163–167]. Данный перечень мотивов в значительной степени пересекается и с письменными памятниками о явленных иконах. Это обусловлено несомненной связью жанра сказаний о чудотворных иконах в целом с устной традицией¹¹ [1: 89–91].

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ О ЯВЛЕННЫХ СВЯТЫХ

С произведениями о явленных чудотворных иконах с точки зрения жанровой специфики сходна выделяемая нами особая группа житий – жития праведников, которые обладают особенностями с точки зрения сюжетно-композиционной структуры и отличаются от предписанной агиографической традицией модели. Схема агиографического сочинения, определенный жанровый канон были выработаны еще в византийской агиографии. В связи с русской традицией отмечаются следующие структурно-композиционные части, присущие любому житию: предисловие (в риторическом вступлении, как правило, встречаются уничижение автором своих литературных способностей и возвеличивание подвигов святых); собственно житийная часть (в центральной композиционной части находится сообщение о родителях и месте рождения святого, рассказ об учении святого и его пути к святости, описание его подвижнической деятельности, описание смерти святого, причем оно сходно во многих житиях); заключение (в нем содержится похвала святому, наполненная, подобно вступлению, рассуждениями на церковно-философские темы); похвальное слово святому (могло существовать и отдельно, как композиционный эпизод); рассказ о посмертных чудесах [4: 4].

По сравнению с канонической агиографической схемой в житиях праведников Русского Севера отсутствуют такие важные композиционные элементы, как биография святого и описание его пути к святости. При этом в текстах ничего не сообщается и о мирском благочестии праведника, что необходимо для подобного рода произведений: особенностью житий праведных считается мотив подражания праведному Иову (*imitatio Iobi*), суть которого – «долготерпение, смиренное и благодарное принятие жизненных невзгод»¹². Состоят жития праведников в основном из описания обретения и освидетельствования их мощей, которое подтверждает их нетленность, рассказа о переносе мощей в более подобающее для них место и описаний происходящих от мощей чудес. Как правило, это агиографические произведения, связанные с необычной смертью святого [19: 394]. Следует отметить, что в церковной традиции могут прославляться праведные «в момент случайного обретения их нетленных останков, от которых происходят мироточения и чудотворение»¹³.

Выделим следующие основные мотивы, присущие житиям севернорусских праведников: обстоятельства смерти праведника либо остаются неизвестными, либо не укладываются в рамки церковного канона (вода или земля «издаде» нетленные мощи праведника, или их обнаруживают непогребенными, лежащими прямо на земле); обретение мощей праведника сопровождается чудесными знамениями и исцелениями местных жителей; имя праведника и его биография неизвестны или могут проявляться во время его явлений местным жителям; биографические сведения о святом могут сообщаться в житиях в форме преданий о нем, бытующих в устной традиции края; нетленные мощи праведника с почестями погребают, устанавливая над ними часовню или храм, переносят в уже существующий храм; на месте погребения праведника со временем основывают монастырь; праведник «понуждает» местных жителей к своему почитанию, являясь им в ночных видениях с просьбой перенести мощи на другое место, поставить над ними часовню, написать свою икону и т. п.; сомневающиеся в святости праведника или не оказывающие должного почитания его мощам наказываются, однако прощаются после молитвенного обращения к нему за помощью¹⁴ [19: 410].

СОВПАДАЮЩИЕ МОТИВЫ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ О ЯВЛЕННЫХ СЯТЫНЯХ

В жанровом отношении сближение прослеживается в первую очередь на композиционно-типологическом уровне. Структурно подобные произведения состоят из двух частей: первая посвящена рассказу об обретении мощей / чудотворных икон, вторая часть представляет собой повествования о чудесах от явленных святынь. Отметим, что практически все мотивы, из которых состоят жития праведников, соотносятся с мотивами сказаний о явлении чудотворных икон. Значительное сходство наблюдается в данных текстах в мотиве «явление чудотворной иконы / мощей».

Эпизод непосредственного обретения иконы занимает важное место и в сказаниях о явленных святынях [11: 108]. Распространенными сюжетами агиографических сказаний о явленных иконах служат описания явлений иконы на дереве или в дереве, на воздухе, появление святыни из земли или около водного источника, приплывающей по воде и др. Так, например, в севернорусских сказаниях и повестях о явленных иконах нередко повествуется об их обретении *в лесной*

куще («мнозем рыболовом у того Соезера в мале куше на стене на сребряне дске мале изваян образ тоя Пресвятыя Троицы явися» – Сказание о явлении и чудесах иконы Святой Троицы Соезерской)¹⁵, *в большой березе* («И тогда немедленно посекоша е и обретоша в нем икону в трех лицах, изображенную предивным начертанием» – Повесть о явлении чудотворной иконы Николая Чудотворца, Параскевы Пятницы и мученицы Варвары в Каргополе)¹⁶, *около реки на «сухих сучьях»* («...вдруг увидел вблизи реки на сухих сучьях образ Божией Матери, ничем не поддерживаемый» – Сказание о Дуниловской чудотворной иконе Божией Матери)¹⁷ и др.

Мотивы письменных памятников об обретении святынь имеют соответствия с мотивами устных преданий о явленных иконах. В северной фольклорной традиции частотны рассказы об иконах, приплывающих по воде или являющихся около водного источника (икона великомученицы Екатерины), в лесу на елке (икона Спаса), на огромной сосне (икона Николая Чудотворца), на «кряже»-горе (икона великомученицы Варвары), на пне (икона Ильи-пророка, икона Богородицы) и др. [8: 39–40, 43–44, 87].

Для севернорусских сказаний о явленных иконах характерен сюжетный топос «*икона является на горелом пне*». Так, согласно тексту Повести о явлении и чудесах Тихвинской иконы Божией Матери в Устюжском уезде, икону обнаружили в лесной чаще на сосновом горелом пне

(«...и поиде к тому реченному месту в лес пусты, и внидох в них, и поидихом к Волчьему ручью, и наидех сосновой пень горелой. И на том *горелом пне* явися святой образ Пресвятыя Богородицы Честнаго и Славнаго Ея Знамения»)¹⁸.

Образ горелого соснового пня, как отмечает А. Н. Власов, характерен для народного мифологического сознания, являясь «признаком особой маргинальной зоны между “этим” и “иным” мирами, своеобразным центром, соединяющим “верхний” и “нижний” миры» [2: 238].

Мотив «*сакральный предмет является на горелом месте*» встречается и в житиях праведников Русского Севера. На горелом месте около храма Николая Чудотворца в Устюжском крае «выходит» из земли, как говорится в Сказании о явлении мощей Петра Черевковского, гроб с нетленными мощами чудотворца («И после того великого пожара явися той гроб, от огня цел»)¹⁹. В данном случае примечательны два момента: гроб «сам» выходит на поверхность, гроб является «на погорелом месте» и «близ церкви» [18: 144]. Отметим, что обнаружение мощей пра-

ведников под церковным алтарем или вблизи от него было связано с церковной традицией возведения церквей на мошах святых, принятой V Карфагенским собором (правило 10) и утвержденной VII Вселенским собором²⁰.

Согласно преданию, отраженному во всех известных письменных памятниках о праведном Иакове Боровичском, его мощи приплыли во время весеннего половодья на «огорелой колоде», находящейся на большой льдине. В агиографических памятниках о святом особо отмечается, что чудесное плавание происходило против течения:

«Леду же части, зовомо кра, *косящуся противу воды силы волн и быстрости велия. И противу быстрости болма быстрость* показывает правлением сильным премудрости Божия неизреченных судеб глубины и имеюще на себе *колоду без верху кровли, и та горела*, в нейже многоцелебное и бесценное сокровище лежаше тело святого Иакова, по месту того Боровитцкий» («Повесть словеси» о явлении мощей Иакова Боровичского)²¹; «...купное с честными его мощи на части леда по реце Мсте реченной, *противу водотечию быстру богородвижне плавствующи*, в светлый светлая недели вторник *манием Божиимъ*» (Слово о явлении мощей Иакова Боровичского)²².

В данном случае, полагает А. А. Панченко, необходимо говорить о ритуально-мифологической символике приплывания и уплывания, которая «состоит в подчеркивании “потустороннего” (и в т. ч. сакрального) статуса приплывающего (уплывающего) предмета или существа», что опирается на восприятие воды как «области перехода», на представление о воде как границе обыденного и «иного» миров, имеющее широкое распространение в фольклоре и основывающееся на одном из древнейших ритуально-мифологических архетипов [12: 135].

В описании явления мощей Иакова Боровичского мы встречаемся с «избыточной» сакрализацией, которая, на наш взгляд, показывает основания для формирования почитания святого, о жизненном пути которого ничего не известно, в рамках народной религиозности: это явление мощей на воде, плавание против течения, явление мощей в горелой колоде. Необходимо также отметить особое отношение в традиционной народной культуре к убитым громом, так как в более позднее время мощи на «огорелой колоде» в народном сознании стали объясняться тем, что святой был убит громом²³.

В письменных памятниках рассказ о явлении святынь сопровождается *чудесными знаменами*. Спектр чудесных знамений в письменных и устных нарративах, связанных с обретением

икон, достаточно широк: явление иконы на воде сопровождается плаванием против течения; обретение святыни на горе, на воздухе, в лесу, на дереве, на пне – указанием на чудесные звоны на этом месте («Исперва же слышахуся тем рыболовом звоны почасту и дивяшеся, в недоумении бываху» – Сказание о явлении и чудесах иконы Святой Троицы Соезерской)²⁴, на огненные столпы или лучи, «самовозженные» и «теплящиеся» свечи [8: 39–40, 87] и др.

В севернорусской агиографической традиции явление мощей происходит на воде или из воды, в лесу, из земли, что в значительной степени совпадает со сказаниями об иконах. Явление мощей святых могло быть на воде, как в Сказании о новгородских отроках Иоанне и Иакове Менюжских («пришед к малому оному озерку, уведеша на нем два гроба плавающие») ²⁵, а в случае «водного» явления мощи могут плыть против течения, как об этом говорится в письменных памятниках об Иакове Боровичском. В других текстах сакральными символами, указывающими на место нетленных мощей, также служат различные традиционные для агиографической литературы проявления Божественного света: свечение и свет («и возсия свет от места того» – Житие Артемия Веркольского)²⁶, огненный столп («явился над гробом столп огненный и пребывая на много час» – Сказание о явлении мощей Петра Черевковского)²⁷, «самовозженная» свеча («и абие виде по вся нощи, и вечер, и утро свеча горяща, идеже мощи святых лежаху» – Слово о явлении мощей Григория и Кассиана Авнежских)²⁸ и др.

Одним из значимых мотивов и в сказаниях о явленных иконах, и в житиях праведников следует считать *мотив храмоздательства*: на месте обретения чудотворной иконы или мощей впоследствии возводили часовню, храм, со временем здесь основывали монастырь или переносили обретенную святыню в уже существующую обитель, куда стекались окрестные жители для поклонения святыне и где от мощей происходили многочисленные чудотворения²⁹.

Для письменных памятников о явленных иконах частотным можно считать мотив «*икона сама, порой неоднократно, показывает место возведения часовни / храма / монастыря*». Основу таких произведений составляют предания об иконах, до сих пор бытующие в устной традиции Северного края [8: 43–44].

В агиографических памятниках Русского Севера этот мотив встречается довольно редко и также основан на устных преданиях, связанных с почитанием святых. Один из эпизодов «Повести

словеси» о Иакове Боровичском посвящен рассказу о том, как мощи безымянного святого жители Боровичей трижды отталкивают от берега, обвязав колоду веревками, однако те всякий раз возвращаются (приплывают) на это место: «<...> третье гроб на место приведе, идеже первые устави»³⁰. Здесь впоследствии возвели часовню, куда перенесли мощи святого Иакова.

Мотив неоднократного явления мощей на прежнем месте отражен и в Сказании о явлении мощей новгородских святых Иоанна и Иакова Менюжских: мощи отроков трижды «уходят» с Медведского погоста, являясь плывущими по озеру, для того чтобы их тела «положили» «в пусе оном месте на Менюши, где в мимошедшия времена бысть монастырь»³¹.

В письменных памятниках о чудотворных иконах и мощах после описания обретения святыни помещаются рассказы о чудесных исцелениях от различных недугов, происходивших от явленных святынь. Зачастую при этом рассказы о чудесах составляли значительную часть произведения, превосходя по своему объему довольно краткие сообщения об обретении святыни. Записи чудес велись, причем иногда на протяжении нескольких столетий, как правило, в той самой часовне, храме или монастыре, где находились святыни.

РАЗЛИЧАЮЩИЕСЯ МОТИВЫ В АГИОГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ О ЯВЛЕННЫХ СЯТЫНЯХ

Следует отметить несколько мотивов, показывающих существенные различия этих памятников. В первую очередь это присущий житиям праведников мотив *«обстоятельства смерти праведника остаются неизвестными или не укладываются в рамки церковного канона»*. Уход святого из жизни вместе с тем является важным моментом жития, поскольку иногда не столько жизнь, сколько смерть проявляла святость подвижника. Способ погребения тел праведников, точнее, их непогребения, выдает в подобных святых умерших не своей смертью, или, как говорится в произведениях, «напрасной», то есть внезапной, случайной, поскольку героями праведнических житий становятся утонувшие, убитые громом, убитые «лихими» людьми, умершие дети и отроки, самоубийцы и т. п. В церковном обиходе – это не успевшие причаститься и исповедаться перед смертью. Первоначально их тела, как правило, не погребают, оставляют лежать «в пусе месте» – в лесу (Житие Артемия Веркольского, История

об Афанасии Наволоцком), на берегу (Сказание о Вассиане и Ионе Пертоминских), в деревянном обрубе или срубе (Сказание об Иоанне и Логгине Яренгских), обложенными камнями и ветками – «аки хоромина» (Повесть о пришествии Исаяи Ручьевского) и т. п. [19: 394, 410–417, 442]. Неслучайны поэтому в житиях праведников *мотивы сомнения в святости подвижника и в нетлении его мощей* [19: 408–410]. Обусловленным элементом в таких произведениях является *мотив освидетельствования явленных мощей, подтверждающий их нетленность*. Эти мотивы, как правило, отсутствуют в сказаниях о явленных иконах, поскольку божественная и чудотворная природа иконы не подвергается сомнению. Кроме того, в житиях праведников практически ничего не сообщается о самих святых: ни биография, ни даже их имена. Так, например, согласно Сказанию о Кирилле Вельском, никто не знал о том, чьи мощи вымыло во время весеннего половодья рекой из земли: «Нами неведом тот человек, и про него не слыхали, и имени его не ведаем». Имя праведного Кирилла Вельского вспоминает только старица Акилина, пересказывая предание о нем местным жителям и священникам Вельского погоста: «Аз слыхала от старых людей о том человеце...»³². Знание имени и биографии святого традиционно и для агиографической традиции, поскольку еще в жизнеописаниях византийских подвижников был выработан ряд специальных топосов: рождение святого от благочестивых родителей, сакральные знаки и знамения, с младенчества символизирующие богоизбранность святого, наречение определенного имени с разъяснением его этимологического смысла и соотнесение этого имени с небесным патроном. Тем не менее отсутствию имени и биографии святого находится объяснение в житиях праведников: это обстоятельство трактуется как божественное произволение – «не человек, но Бог весть раба своего» [19: 403–405], [20]. В житиях праведников произошла трансформация традиционного для агиографии топоса происхождения святого и превращение его в символично-библейское объяснение «небесного» происхождения подвижника, суть которого заключается в используемой книжниками формуле «праведник – житель Горнего Иерусалима» [21]. Она впервые прозвучала в агиографо-гимнографических текстах XVI–XVII веков о праведном Иакове Боровичском, а затем применялась и по отношению к другим русским святым, биография которых была неизвестна. Объяснение «сокрытия» биографии святого Бо-

жественным промыслом было использовано впоследствии, по нашим наблюдениям, в Сказании и Службе о явлении мощей праведного Прокопия Устьянского и во Второй редакции Жития преподобномученика Иова Ущельского [21: 33].

Отсутствие мирской биографии и описания пути к святости в житиях праведников создавало проблему отнесения явленных святых к определенному лику святости: в письменных агиографических памятниках одни и те же святые могут называться и праведными, и преподобными, как в случае с Кириллом Вельским, Прокопием Устьянским, Иаковом Боровичским, Афанасием Наволоцким и др. [19: 391–392].

Что касается сказаний о явленных иконах, то здесь иконописный канон всегда опознается: для них характерен *мотив узнавания*, вариантом данного мотива является *копирование иконы*. Это связано, как отмечают исследователи, с преемственностью культа иконы [11: 113]. Пожалуй, только в Сказании о Мезенской иконе св. Троицы рассказывается о том, как крестьянин Симеон, обнаружив случайно иконку на снегу, положил ее в свой возок и при этом не знал, что было на ней изображено («Чие же воображение на нем – не зряше, простоты ради своея, неучен бо бе писанию, паче же и поселянин»)³³.

История почитания безымянных явленных святых сложна, противоречива и порой драматична. Эти святые почитались как местночтимые, за исключением праведного Артемия Веркольского, получившего в начале XVII века общерусскую канонизацию, и праведного Иакова Боровичского, чье жизнеописание попало в общерусский печатный Пролог 1659–1660 годов [21: 32]. Многочисленные попытки канонизации праведников со стороны местных церковных властей и епархиального начальства не были результативны, зачастую запрещалось даже местное почитание святого, как это было в случае с мощами и иконами Кирилла Вельского по Указу Священного Синода в 1783 году [22: 357–362]. Такое неприятие новоявленных святых со стороны церковной власти основывалось на Постановлении Московского церковного собора 1667 года о «мнимых святых», на «Духовном регламенте» 1721 года о «сумнительных мощах», а также на Указе 1737 года Священного Синода, предписывавшем епархиальным иереям сообщать

о почитании всех «мертвых не свидетельствованных телес» [10: 165–166]. При этом народное почитание явленных святынь, как правило, не прекращалось, а трансформировалось в устную традицию, на каком-то этапе вновь отражаясь в письменных текстах. Подобная судьба была и у некоторых явленных икон. В свое время в Сольвычегодско-Устюжском крае необычайной популярностью пользовалось Сказание об иконе Спаса на Красном Бору, имевшее хождение в различных списках, редакциях и вариантах. Однако в 1724–1725 годах Священным Синодом было возбуждено судебное дело «О разглашении Пименом Волковым мнимых чудес от образа Спасителя в церкви села Красного Бора Устюжского уезда»³⁴ [9: 227–243].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жанровая интеракция сказаний о явленных святых и житий праведников основана, таким образом, на тематическом сходстве, поскольку эти тексты посвящены рассказу о новоявленных святынях, в качестве которых выступают иконы и мощи. Особенности композиции данных произведений связаны со спецификой образа главного героя и традицией местного почитания святынь. Жанровое сближение проявляется в схожей сюжетно-композиционной организации произведений (повествование в них начинается с описания обретения святыни, а следующую часть произведений составляют записи чудес от нее), а также практически в полном совпадении основных мотивов произведений. В наблюдающейся в агиографических произведениях связи чудотворных святынь с основными хтоническими символами – водой, землей, деревом проявляется отражение народной религиозности и осмысления новоявленных святынь как символов преобразования пространства: на местах их обретения основывались населенные пункты, а также часовни, храмы и монастыри, в которых записывались происходившие от святынь чудеса.

Отличия в мотивах произведений отражают существенную разницу в формировании и развитии почитания явленных святынь: чудодейственная и божественная природа явленной иконы не подлежала сомнению в отличие от явленных мощей «безымянных святых».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. также: Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края: Учебное пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. С. 135.

² Афиногенова О. Н. Праведные // Православная энциклопедия. Т. 57. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2020. С. 679.

- ³ Там же. С. 679–680.
- ⁴ Там же. С. 679.
- ⁵ Житие Артемия Веркольского // Российская национальная библиотека, Соловецкое собрание, № 994/1103, середина XVII века, л. 181 об.
- ⁶ Явление мощей Прокопия Устьянского // Государственный архив Вологодской области, ф. 883, оп. 1, д. 162, середина 1850-х годов, л. 430.
- ⁷ Сказание о Кирилле Вельском // Синодальная редакция. Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 64, д. 483, 1783 год, л. 3.
- ⁸ «Повесть словеси» о явлении мощей Иакова Боровичского // Российская государственная библиотека, собрание Троице-Сергиевой лавры, ф. 304/1, № 668 (Четья Миня на октябрь Германа Тулупова), 1629 год, л. 231.
- ⁹ Слово о явлении мощей Иакова Боровичского // Рай мысленный. Издание Иверского Валдайского монастыря. 1658–59 годы. Российская национальная библиотека. III. 9. 66. Л. 2 второго счета.
- ¹⁰ Пигин А. В. Памятники рукописной книжности Олонецкого края... С. 128.
- ¹¹ Там же. С. 129.
- ¹² Афиногенова О. Н. Праведные... С. 679.
- ¹³ Там же. С. 680.
- ¹⁴ Е. К. Ромодановская, описав особую жанровую разновидность некоторых сибирских и севернорусских житий, которую она назвала «святой из гробницы», выделила ряд содержательных и структурных особенностей данной группы памятников, отчасти совпадающих и с нашими наблюдениями над житиями праведников: завязка (все события связаны с появлением гробницы, в которой лежат останки неизвестного святого); безымянность святого (имя вновь явленного святого какое-то время обязательно остается неизвестным); биографии (их детали выясняются только в многочисленных явлениях и чудесах; все они достаточно фантастичны и опираются чаще всего на досмотр мощей); структура и заглавие (в данных произведениях нет связной, цельной биографии святого; все приведенные биографические сведения выясняются в явлениях и чудесах; заглавия сочинений отражают отмеченную структуру); связь с документом [18: 151].
- ¹⁵ Сказание о явлении и чудесах иконы Святой Троицы Соезерской // Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Северодвинское собрание, № 329, XVIII век, л. 9–9 об. XVIII в. Текст опубликован: [2: 310–359].
- ¹⁶ Повесть о явлении чудотворной иконы Николая Чудотворца, Параскевы Пятницы и мученицы Варвары в Каргополе // Библиотека Академии наук. Основное собрание. 45.8.127, первая половина XVIII века, л. 3. В данном произведении отражены многие из традиционных мотивов для сказаний о чудотворных иконах: «обретение иконы на дереве (или в дупле), “самощественные” переходы иконы с места на место, внимание к иконе со стороны властей, чудесное спасение иконы во время пожара, чудеса исцеления» [14: 608].
- ¹⁷ Сказание о Дуниловской чудотворной иконе Божией Матери. Текст XIX века опубликован: [2: 568–619].
- ¹⁸ Повесть о явлении и чудесах Тихвинской иконы Божией Матери в Устюжском уезде // Государственный литературный музей (Москва). Рукописный отдел. Фонды. 8569 (№ 35), л. 337–344 об. Сборник-конволют XVII–XVIII веков. Опубликовано: [2: 240–255].
- ¹⁹ Сказание о явлении мощей Петра Черевковского // Российская национальная библиотека. Новое собрание рукописей (НСРК), Q.61, начало XVIII в., л. 220.
- ²⁰ Живов В. М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М.: Издательский дом «ЯСК», 1994. С. 51.
- ²¹ «Повесть словеси» о явлении мощей Иакова Боровичского // Российская государственная библиотека, собрание Троице-Сергиевой лавры, ф. 304/1, № 668 (Четья Миня на октябрь Германа Тулупова), 1629 год, л. 233–233 об.
- ²² Слово о явлении мощей Иакова Боровичского // Рай мысленный. Издание Иверского Валдайского монастыря. 1658–59 годы. Российская национальная библиотека. III. 9. 66. Л. 13–13 об. второго счета.
- ²³ Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. 2-е изд. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1903. С. 88.
- ²⁴ Сказание о явлении и чудесах иконы Святой Троицы Соезерской // Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Северодвинское собрание, № 329, XVIII в., л. 9–9 об. Текст опубликован: [2: 310–359].
- ²⁵ Сказание об Иоанне и Иакове Менюжских // Сборник житий новгородских святых. Научная библиотека Новгородского государственного музея-заповедника (отдел рукописных книг, КП 30056-212/ КР 237), первая половина XIX века, л. 222 об. Опубликовано: [13: 319–322].
- ²⁶ Житие Артемия Веркольского // Российская национальная библиотека, Соловецкое собрание, № 994/1103, середина XVII века, л. 181 об.
- ²⁷ Сказание о явлении мощей Петра Черевковского // Российская национальная библиотека. НСРК, Q.61, начало XVIII века, л. 220–220 об.
- ²⁸ Слово о явлении мощей Григория и Кассиана Авнежских // Российская национальная библиотека. ОСРК, Q.I., № 1211, XVIII в., л. 20 об.
- ²⁹ Более подробно о создании храмов и монастырей на месте явленных икон см.: [15].
- ³⁰ «Повесть словеси» о явлении мощей Иакова Боровичского // Государственный исторический музей, Синодальное собрание, № 798. Четья Миня на октябрь Иоанна Милютина, середина XVII века, л. 1282.

- ³¹ Сказание об Иоанне и Иакове Менюжских // Сборник житий новгородских святых. Научная библиотека Новгородского государственного музея-заповедника (отдел рукописных книг, КП 30056-212/ КР 237), первая половина XIX века, л. 223. Опубликовано: [13: 319–322].
- ³² Сказание о чудесах Кирилла Вельского // Российская государственная библиотека, собрание Никифорова, ф. 199, № 661, л. 8 об. Опубликовано: [22: 393–405].
- ³³ Повесть о явлении чудотворного образа Троицы на Мезени в Лампожне // ИРЛИ, Пинежское собр., № 300. XVII в. (посл. четверть). Л. 4 об. Опубликовано в статье: [3: 136–143].
- ³⁴ Следственное дело «О разглашении Пименом Волковым мнимых чудес от образа Спасителя в церкви села Красного Бора Устюжского уезда» // Российский государственный исторический архив, ф. 796, оп. 5, д. 375 (1724–1725 годы). А. С. Лавров отмечает еще два запрета почитания явленных икон, оба связаны с Москвой и началом XVIII века [9: 227–243].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова М. В. Сказания об основании монастырей в региональной устной и письменной традиции: система мотивов // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 89–91.
2. Власов А. Н. Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII веков: Тексты и исследования. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. 784 с.
3. Волкова Т. Ф. Вновь найденная повесть XVII в. о мезенской иконе Троицы // Рукописное наследие Древней Руси: по материалам Пушкинского Дома. Л.: Наука, 1972. С. 136–143.
4. Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 303 с.
5. Журова Л. И. Сказания о чудотворных иконах в структуре Лицевого летописного свода // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 179–199.
6. Зеeman К.-Д. Жанр, деловая функция и манера письма в древнерусской литературе / Авторизованный перевод с нем.: Klaus-Dieter Seeman. Gattung, Gebrauchsfunktion und Schreibart in der altrussischen Literatur // Olesch R., Rothe H. Slavistische Forschungen zum X Internationalen Slavisten Kongress in Sofia (Slavistische Forschungen, Band 54). Köln, 1988. 24 с.
7. Кириллин В. М. Жанрово-тематические особенности древнерусских сказаний об иконах // Вестник славянских культур. 2009. № 2 (12). С. 60–68.
8. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 326 с.
9. Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740. М.: Древлехранилище, 2000. 574 с.
10. Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России / Пер. с англ. А. Л. Топоркова и З. Н. Исидоровой. М.: Индрик, 2004. 216 с.
11. Нечаева Т. В. Наблюдения над жанровыми особенностями сказаний о чудотворных иконах // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 102–123.
12. Панченко А. А. Исследования в области народного православия: деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998. 305 с.
13. Панченко А. А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.
14. Пигин А. В. Сказание о иконе Николая Чудотворца, Варвары великомученицы и Параскевы Пятницы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 606–608.
15. Романова А. А. Сказания об основании церквей и монастырей на месте явления икон. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2016. 192 с.
16. Романова А. А. Заметки о почитании русских святых в XVII в. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2017. Вып. 7. С. 272–280.
17. Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск: Наука, 1973. 172 с.
18. Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»: О некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 143–159.
19. Рыжова Е. А. Жития праведников в агиографической традиции Русского Севера // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. СПб.: Наука, 2007. Т. 58. С. 390–442.
20. Рыжова Е. А. Безымянные святые в агиографической традиции Русского Севера // Рябининские чтения – 2011: Материалы конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера (Петрозаводск, 12–17 сентября 2011 г.). Петрозаводск: Карельский научный центр Российской Академии наук, 2011. С. 455–457.
21. Рыжова Е. А. Поэтика русской агиографии: топос происхождения святого в житиях праведников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5 (71). Ч. 1. С. 30–34.

22. Рыжова Е. А. Сказание о явлении мощей и чудесах праведного Кирилла Вельского: история текста памятника и почитание святого // *Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации*. СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Т. 3. С. 345–405.
23. Снегирев И. М. Чудотворные, явленные, небожественные... // *Православная икона. Канон и стиль: к Богословскому рассмотрению образа* / Сост. А. Стрижев. М.: Паломник, 1998. С. 33–36.
24. Федорова В. П. Жанровая специфика зауральских легенд о явленных иконах // *Вестник Челябинского университета*. 2018. № 4 (414). Филологические науки. Вып. 112. С. 163–167.
25. Штырков С. А. «Святые без житий» и *забудущие родители*: церковная канонизация и народная традиция // *Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: Сборник статей*. М.: Институт славяноведения Российской Академии наук: Центр «Сэфер», 2001. Вып. 7. С. 130–155.
26. Ebbinghaus A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. 290 s.

Поступила в редакцию 06.05.2022; принята к публикации 31.05.2022

Original article

Elena A. Ryzhova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian
Federation)
RyzhovaElena2015@yandex.ru

THE ISSUE OF GENRE INTERACTION: NORTHERN RUSSIAN HAGIOGRAPHIC MONUMENTS ABOUT MIRACULOUSLY REVEALED ICONS AND SAINTS

Abstract. The article deals with the issue of genre interaction using the northern Russian legends about miraculously revealed icons and hagiographic monuments about the revealed saints (“the lives of righteous people”) dating from the XVI–XIX centuries. The conclusion is made about the diffusion of these genre forms, as evidenced by a wide range of similar motifs in these works. The key motifs include the phenomenon of a miraculous revelation of a sacred object – an icon or relics – associated with symbols of water and earth, which have both biblical and mythological folklore semantics, miraculous signs accompanying the revelation of such objects, the motif of church-building, and visions in which the miraculously revealed sacred object itself contributes to the formation and development of its veneration. The genre interaction of the studied works is based on the typological similarity of the perception of icons and relics as miraculously revealed sacred objects in the Russian religious consciousness. Nevertheless, in the church tradition, the veneration of newly-revealed sacred objects had significant differences, which is reflected in the individual motifs of the works. In the legends about the revealed icons, the iconographic type of the found icon is usually recognized, and the miracles from the icon are not questioned. In the lives of righteous people, on the contrary, the attribution of the revealed relics to a certain person is either impossible (“nameless saints”), which contradicts Christian memorial practice and hagiographic norm, or does not fit into the framework of the church canon. The veneration of the revealed relics in many cases took place within the framework of folk religiosity and traditional folk culture.

Key words: motif, genre interaction, hagiographic monuments, legends about revealed icons, legends about revealed saints, lives of righteous people, Russian North, sanctities veneration, traditional folk culture, “nameless saints”

For citation: Ryzhova, E. A. The issue of genre interaction: northern Russian hagiographic monuments about miraculously revealed icons and saints. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):85–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.791

REFERENCES

1. Antonova, M. V. Stories about the founding of monasteries in regional oral and written traditions: the system of motives. *Scientific Notes of Orel State University*. 2015;6(69):89–91. (In Russ.)
2. Vlasov, A. N. Tales and stories about locally venerated saints and miraculous icons of the Vychegod-Severodvinsk region of the XVI–XVIII centuries: Texts and studies. St. Petersburg, 2011. 784 p. (In Russ.)
3. Volkova, T. F. The newly found seventeenth-century story about the Mezen Icon of the Trinity. *Handwritten heritage of Old Russia: based on the materials of the Pushkin House*. Leningrad, 1972. P. 136–143. (In Russ.)
4. Dmitriev, L. A. The life stories of the Russian North as literary monuments of the XIII–XVII centuries: The evolution of the genre of legendary and biographical tales. Leningrad, 1973. 303 p. (In Russ.)
5. Zhurova, L. I. Stories about miracle-working icons in the structure of Licevoj letopisny’j svod. *Quaestio Rossica*. 2015;3:179–199. (In Russ.)
6. Zeeman, K. -D. Genre, business function and manner of writing in Old Russian literature / Authorized translation from German: Klaus-Dieter Seeman. Gattung, Gebrauchsfunktion und Schreibart in der altrussischen Literatur. (R. Olesch, H. Rothe, Eds.). *Slavic Studies Research of the X International Congress of Slavists in Sofia*. Köln, 1988. 24 p. (In Russ.)

7. Kirillin, V. M. Genre and theme features of Old Russian stories about icons. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2009;2(12):60–68. (In Russ.)
8. Krinichnaya, N. A. The legends of the Russian North. St. Petersburg, 1991. 326 p. (In Russ.)
9. Lavrov, A. S. Sorcery and religion in Russia. 1700–1740. Moscow, 2000. 574 p. (In Russ.)
10. Levin, E. Double belief and folk religion in the history of Russia. (A. L. Toporkov, Z. N. Isidorova, Transl.) Moscow, 2004. 216 p. (In Russ.)
11. Nechaeva, T. V. Observations on the genre features of legends about miraculous icons. *Hermeneutics of ancient Russian literature*. Moscow, 1995. Vol. 8. P. 102–123. (In Russ.)
12. Panchenko, A. A. Research in the field of folk Orthodoxy: village shrines of the northwest of Russia. St. Petersburg, 1998. 305 p. (In Russ.)
13. Panchenko, A. A. Ivan and Yakov – unusual saints from a marshy area: “Peasant hagiology” and religious practices in modern Russia. Moscow, 2012. 448 p. (In Russ.)
14. Pigin, A. V. The Legend of the Icon of St. Nicholas the Wonderworker, Varvara the Great Martyr and Paraskeva Friday. *Dictionary of scribes and booklore of ancient Russia. Issue 3 (XVII century)*. Part 4. T–Ya. Additions. St. Petersburg, 2004. P. 606–608. (In Russ.)
15. Romanova, A. A. Legends about the foundation of churches and monasteries at the sites of icon revelations. Moscow, St. Petersburg, 2016. 192 p. (In Russ.)
16. Romanova, A. A. Notes on the veneration of Russian saints in the XVII century. *Paleorussia. Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas*. St. Petersburg, 2017. Issue 7. P. 272–280. (In Russ.)
17. Romodanovskaya, E. K. Russian literature in Siberia of the first half of the XVII century: (The origins of Russian Siberian literature). Novosibirsk, 1973. 172 p. (In Russ.)
18. Romodanovskaya, E. K. “The saint from the tomb”: Some features of Siberian and northern Russian hagiography. *Russian hagiography: Studies. Publications. Debates*. St. Petersburg, 2005. P. 143–159. (In Russ.)
19. Ryzhova, E. A. The lives of righteous people in the hagiographic tradition of the Russian North. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature of the Pushkin House of the Russian Academy of Sciences*. St. Petersburg, 2007. Vol. 58. P. 390–442. (In Russ.)
20. Ryzhova, E. A. Nameless Saints in the hagiographic tradition of the Russian North. *Ryabinin Readings–2011: Proceedings of the VI Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2011. P. 455–457. (In Russ.)
21. Ryzhova, E. A. Poetics of the Russian hagiography: the topos of holies’ origin in the lives of saints. *Philological Sciences. Theory and Practice*. 2017; 5(71):30–34. (In Russ.)
22. Ryzhova, E. A. The Legend of the Revelation of the Relics and Miracles of Righteous St. Cyril Velsky: the history of the text of the monument and the veneration of the saint. *Russian Hagiography: Studies. Materials. Publications*. St. Petersburg, 2017. Vol. 3. P. 345–405. (In Russ.)
23. Snegirev, I. M. Miraculous, revealed, non-divine... *An Orthodox icon. Canon and style: theological perspective*. Moscow, 1998. P. 33–36. (In Russ.)
24. Fedorova, V. P. Genre specifics of the Trans-Ural legends about the shown icons. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences*. 2018;4(414):163–167. (In Russ.)
25. Shtyrkov, S. A. “Saints without hagiography” and forgetful parents: church canonization and folk tradition. *The concept of miracle in Slavic and Jewish cultural traditions: Collection of articles*. Moscow, 2001. Issue 7. P. 130–155. (In Russ.)
26. Ebbinghaus, A. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin, 1990. 290 s.

Received: 6 May, 2022; accepted: 31 May, 2022

АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВНА СОБОЛЕВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
доцент кафедры филологии
Московская духовная академия (Сергиев Посад, Российская Федерация)
ведущий научный сотрудник
Российская государственная библиотека (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9983-2602; aleksandra_soboleva@list.ru

«СИЯ ВИРШИ ИЗЛОЖЕННЫЯ ДО ЧИТАТЕЛЯ» В ЖИТИИ ПРП. АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО XVIII ВЕКА

А н н о т а ц и я . В статье рассмотрено Житие Александра Свирского, ярким признаком Украшенной редакции которого является виршевое переложение одной из житийных глав – послесловия игумена Иродиона, автора ранней, Минейной, редакции текста. Это уникальный случай в житийной литературе XVIII века. Иногда эта редакция Жития сопровождается еще двумя стихотворными элементами: предисловием, открывающим житийные тексты, и акростихом, венчающим текст «Сказания на преставление». Именно такой состав находится в самой ранней рукописи этой редакции, 1715 года, из собрания Русского музея. Цель статьи – предположить возможных авторов, время и место создания текстов и закономерность включения виршей в состав списков. Вирши могли быть написаны как тремя разными людьми в разное время, так и одновременно. Первым кандидатом на авторство является известный писец Иоасаф, подвизавшийся в искусной переписке и оформлении рукописей для монастыря в 1713–1715 годах и подписавший рукопись Жития. Второе имя появляется благодаря сохранившейся в трех рукописях с акростихом киновари – архимандрит Исайя, возглавлявший монастырь Александра Свирского в 1705–1708 годах. Таким образом, он, очевидно, является создателем «Сказания на преставление». Украшенная редакция Жития отличается от предшествующей прежде всего стилистической обработкой: она явно вдохновлена барочной культурой. В библиотеке монастыря практически сразу после выхода из печати появляется «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в обработке Симеона Полоцкого, с которой новая редакция Жития обнаруживает сходства в композиции, стихотворном сопровождении текста, оформлении и названии стихотворных глав («Стихи краткогласные» и «стихи красогласные»). Именно поэтому она с большой вероятностью могла стать литературным образцом для новой редакции Жития, а ее автором в таком случае также является архимандрит Исайя, значит, и время появления текста сдвигается к началу XVIII века.

Ключевые слова: вирши, Житие Александра Свирского, агиография, XVIII век, Симеон Полоцкий, акростих, Повесть о Варлааме и Иоасафе

Б л а г о д а р н о с т и . За время исследования рукописной традиции Жития прп. Александра Свирского я многократно обращалась к работам доктора филологических наук, профессора Александра Валерьевича Пигина, посвященным агиографии и, в частности, источникам и писцам рукописей Жития. Выражаю признательность и благодарность Александру Валерьевичу за творческое и научное вдохновение. Благодарю заведующую Отделом древнерусского искусства Государственного Русского музея И. Д. Соловьеву за указание на место хранения рукописи 1715 года, за предоставленные ею научные материалы и обсуждения и сотрудников Отдела за возможность работы с рукописью. Также благодарю заведующую Отделом редких и рукописных книг Псковского государственного музея-заповедника С. А. Волкову и сотрудников Отдела за содействие в работе с рукописями в октябре 2016 года.

Для цитирования: Соболева А. Е. «Сия вирши изложенныя до читателя» в Житии прп. Александра Свирского XVIII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792

ВВЕДЕНИЕ

Вслед за стихотворным новаторством Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, свт. Иоанна Максимовича по переложению псалмов

и молитв на вирши, в XVII–XVIII веках появляется несколько виршевых переложений житий севернорусских святых (Антония Сийского, Никодима Кожеозерского и Логгина Коряжемского)

[5: 229]. В данной работе Е. А. Рыжова упоминает и Житие Александра Свирского (далее – ЖАС) по тексту рукописи Тих. 468, говоря, что в Житие включены вирши «Стихи краткогласные», замещающие послесловие автора. Исследователь характеризует источник и некоторые риторические приемы организации текста включенных в него виршей. Мне бы хотелось подробнее остановиться на этом тексте.

* * *

«Стихи краткогласные» сопровождают только текст новой редакции Жития прп. Александра – Украшенной. Время ее появления, возможно, удастся точно установить по итогам данной статьи. Особенность «Стихов краткогласных», выделяющая ЖАС среди прочих, в том, что это не стихотворная обработка всего житийного текста, а переложение только одной из житийных глав – послесловия игумена Иродиона, написавшего первоначальную редакцию жития в 1545 году для Макарьевских миней. Иных житий с включенной в состав виршевой главой мне неизвестно.

Самая ранняя рукопись Украшенной редакции хранится в Отделе древнерусского искусства Государственного Русского музея (далее – ГРМ 26). Это одна из редких лицевых рукописей Жития Александра Свирского (см. подробно [8: 83–90]). Она

«украшена заставкой с изображением основателя монастыря (л. 7), большими и пышными инициалами “поморского стиля”, двумя миниатюрами – “Явление Святой Троицы преподобному Александру Свирскому” (л. 6 об.) и “Преставление преподобного Александра” (л. 245)» [9: 211].

Принадлежала она библиотеке Александровского монастыря (прежний номер – 36)¹, для которого и была написана в 1715 году монахом обители Иоасафом. В издании ЖАС 1905 года именно она упоминается в качестве антиграфа².

«А писавый сие житие Александрова мнѣстра по обѣщанию своему в домъ Прѣтые Троѣцы и чудотворца Александра нѣкто от убогихъ крылошанинъ канонархъ монахъ Иоасафъ постриженникъ тоя честныя обители родомъ московскій своею рукою недостойною лѣта 1715 Сентября дня 20-го» (ГРМ 26, л. 314 об.)³.

Дата записи хорошо подтверждается филигранями: основной знак рукописи – герб города Амстердама, Дианова⁴ № 396, 1715 г.

Двумя годами ранее, в 1713 году, Иоасаф заканчивает еще одну рукопись для монастыря прп. Александра, «Страсти Христовы» (БАН, собр. Ал.-Св. монастыря, № 14). Благодаря разысканиям А. В. Пигина об этом писце известно намного больше. В Палеостровском монастыре в 1717 году он работал над «Палеостровской

азбукой» и «Страстями Христовыми»: «Писах Александрова монастыря Свирского крылошанин монах Иоасаф в бытии Палеостровскаго монастыря по своему обещанию» [4: 139–142].

Рукопись ГРМ 26 содержит полный комплект текстов о преподобном на начало XVIII века. Кроме «Стихов краткогласных» в ней обнаружены еще два стихотворных текста. После «Сказания главам» (оглавления) на отдельном листе написано «Краегранесие» – собственно виршевое предисловие, напутствующее читателя перед прочтением Жития. И акростих, венчающий «Сказание на преставление прп. отца нашего Александра Свирского вкратце от жития его с приклады сложенная» (далее – «Сказание»).

Если виршевое послесловие почти всегда сопровождает Житие, то другие два текста – нет. Три стихотворных элемента могут быть написаны как одним автором, так и тремя в разное время. Ни виршевые предисловия, ни главы не характерны для списков ЖАС предшествующего периода. Все они являются новшеством. Сейчас Украшенная редакция Жития Александра Свирского (кратко см.: [6: 55–72]) известна мне в 22 списках XVIII–XIX веков⁵.

ГРМ 26 часто копировалась. Выходную запись вместе с текстом всей рукописи переписал в 1770 году «ладоженинъ посацкой члѣвъкъ Симеонъ Марковъ сынъ Тихфинцовъ», писец рукописи Ст. Вознес. 118 (л. 100 об.–101). Тем же почерком и чернилами написана рукопись НСРК F.623. Оформление рукописей практически одинаковое. Думаю, ее также изготовил Симеон Марков. В рукописи есть владельческая запись: «Сия книга города Красного Холму мещанина Гаврила Трофимова сына Кобылы». Красочная входная заставка к Житию ГРМ 26, в медальоне которой изображен преподобный, почти дословно скопирована в рукописи Вязем. F. 88, л. 1. Сама заставка восходит к старопечатным. К старопечатным же концовкам восходит небрежная воронкообразная решетка в конце «Сказания на преставление» (ГРМ 26, л. 276). Расположенную ниже на листе концовку акростиха в виде спиралеобразного росчерка пера копируют писцы (Тит. 1968, с. 327, Мих. F. 225, л. 167 об.). Оформление «Краегранесия» в этих трех рукописях практически идентичное: слово посередине разделяется крестом (также еще в НСРК Q.485). В конце стихов курсивный, размашисто написанный «аминь» первого списка превращается в «процветший» (Тит. 1968) и в росчерк (Мих. F.225). Киноварный крест напоминает наборное украшение в виде креста в старопечатных книгах, помещаемое обычно в центре верхней рамки.

В таблице приведено распределение рукописей по составу стихотворных элементов.

	Сказание главам	Краегранесие	Стихи краткогласные	Сказание на преставление	Акростих
ГРМ 26	да	да	да	да	да
Ст. Вознес. 118	да	да	да	да	да
Тит. 1968	да	да	да	да	да
НСРК Q.485	да	да	да	да	да
НСРК F.623	да	да	да	да	да
Мих. F.225	да	да	да	да	да
ОКМ К 7056	да	да	да	да	нет
РГАДА 1209	утрачено	да	да	да	нет
VAL. XII.212	д	да	да	да	нет
Музейск. 344	да	да	нет	да	нет
Музейск. 2717	нет	нет	нет	да	нет
Епарх. 468	нет	нет	да	да	да
Муз. 4657	да	да	да	нет	нет
Вязем. F.88	нет	нет	нет	нет	нет
Вахр. 56	да	нет	да	нет	нет
Тит. 526	да	нет	да	нет	нет
Печатное Житие 1818 года	да	нет	да	нет	нет
Тих. 596	да	нет	да	нет	нет
ОИДР 406	нет	нет	да	нет	нет
Тих. 468	нет	нет	да	нет	нет
ОСРК F.I.741	нет	нет	да	да	да
ОСРК F.I.862	нет	нет	да	да	да

Итак, рукописей, в которых записаны все три виршевые элемента, не так много – 6. Они идентичны по составу, имеют общие черты в оформлении.

В Вязем. F. 88 отсутствует как «Сказание главам», так и «Сказание на преставление», писец игнорирует все три виршевых элемента. Про преемственность заставок Вязем. F. 88 ГРМ 26 было сказано выше. Нет виршей и в Музейск. 2717. Почерки рукописей Музейск. 2717 и Епарх. 468 похожи, рукописи примерно одного времени (40-е годы XVIII века по водяным знакам).

Отдельно нужно сказать про рукопись из Петровского собрания БАН (П.І, А.45). До листа 101 об. она содержит текст Украшенной редакции (последние слова «и не возмогаху достигнути»), далее другим почерком продолжается повествование из предшествующей, Минейной, редакции («скорости ради шествия его»), то есть текст не разрывается. Далее следуют поздний набор чудес (7 прижизненных – 15 посмертных) и полный комплект сопровождающих Минейную редакцию текстов. Именно поэтому «Стихов краткогласных» и акростиха в ней нет, как нет и оглавления с «Краегранесием». Датировка автора статьи отличается от предлагаемой в описании

собрания третьей четверти XVII века, поскольку уточнены водяные знаки. Первую и вторую части можно датировать концом XVII – началом XVIII века: 1) л. 1–100, герб «Семь провинций» с литерами АІ, контрамаркой РТ, идентичный знак не найден, наиболее близкий к нему – Дианова, Костюхина⁶ № 881, контрамарка CDC, до 1696 года, 1697 год; 2) л. 102–106, герб города Амстердама, подоб. Дианова⁷ № 297, 1702 год; 3) на остальных листах – «голова шута», тип Дианова⁸ № 688, 1703 год.

Именно Украшенная редакция легла в основу первого печатного издания Жития 1818 года и всех последующих, и «Стихи краткогласные» включены в книгу, что позволяет достаточно уверенно считать, что переписчики воспринимали их как обычную главу текста. На то, что текст воспринимался органично, как часть работы Иродиона (пусть это и ошибочное представление), указывает заголовок стихов в печатных изданиях и в рукописи Тих. 596: «стихи того же игумена Иродиона, иже списа житие преподобнаго Александра». Печатное издание расширено описанием истории монастыря, это описание находится в том же сборнике житий Тих. 596. Рукописи Вахр. 56 и Тит. 526 содержат оглавление

ние и комплекс текстов, кроме нового «Сказания на преставление», и этим ближе всего находятся к печатному изданию из всех списков.

Это позволяет заключить, что переложение было сделано целенаправленно одновременно с обновленной редакцией как часть единого замысла. Как правило, «Стихи краткогласные» располагаются перед «Сказанием об обретении мощей преподобного Александра», замещая прозаическое послесловие Иродиона, и только в ОИДР 406 они записаны после всех сопровождающих текстов – после комплекта чудес по обретении мощей и являются завершением житийного текста.

1. «Стихи краткогласные» есть в 18 из 22 списков. Кроме трех упомянутых рукописей, отсутствуют они в Музейск. 344, имеющей общие текстовые пропуски с Музейск. 2717, скорее всего, стихи были пропущены в общем для них протографе. Ниже приводится полный текст; различия по спискам носят преимущественно графико-орфографический характер или связаны с писцовыми погрешностями, потому не указываются. Как правило, заголовок и первая буква первой строки каждого двоестрочия или каждой строки выделены в рукописях киноварью.

«Стихи краткогласнии, о сокращении душеполезныя повести сея, еже о житии и о подвижѣхъ, и преславныхъ чудесѣхъ сего великославнаго отца александра и о списавшемъ житие его

Сея душеполезныя повести, якоже пучину великаго моря, с великимъ трудомъ едва преплыти возмогохъ:

Недостаточества бо ради ума своего и от многаго мало едва и сие предложить достигнухъ.

Аще бо и от премудрыхъ кто едва порядку возможехъ изрядное житие сего плотнаго аггъла изъяснити:

Азъ же грубый⁹ словомъ и невежда разумомъ, то како возмогу по достоянию противу трудовъ того похвалити:

Ревностно же победихся, да не покрывается сие великое светило яко во облаце мрачне забвениемъ:

Иже просия в нынѣшняя времена в них же мало спасаемыхъ и яко не бѣше ни от кого предано писаниемъ.

И еже от него видѣхъ и слышахъ, и научихся от прежде мене сожителствовавшихъ сему преподобному отцу:

Сие и писанию предахъ не во ухищренныхъ словесахъ надеяся сотворити пользу благоразумному четцу.

Надеяние же таково обретохъ о Христе не писменемъ удовольствовати веру прочитающимъ повесть сию:

И яко той доволство подати в пользу душъ ихъ, и умножити имать имъ веру духа святаго благодатию.

Азъ же грешный Иродионъ меншии от ученикъ сего преподобнаго бысть много отрицахся восприняти сего труда:

Познахъ бо недостатки своя, но убояхся словесе, еже будетъ ленивому рабу во время будущаго суда.

Ибо прияхъ и азъ отягченныи ми талантъ от учителя яко и онъ делати сребро господина своего:

И сего ради поспешихся яко младенецъ грубоязычествуя благодарити и прославляти отца своего.

От многихъ бо его преславныхъ трудовъ и чюдесъ множайшую часть оставихъ, малейшую же вамъ читателемъ предлагаю:

Разумехъ бо яко доволна будутъ и сия краткая словеса в пользу прочитающимъ, и тако скратихъ повесть сию.

Вы же разумнии читатели любезно душеполезную повесть жития сего великославнаго отца читайте:

Мене же недостойнаго потрудившагося в погрешенияхъ, прощения молитвами вашими в день оный сподобляйте.

Прочее же моллю подвигоположника всемъ Христа, да подастъ ми в конецъ повести сея блгое слово восприняти:

Яко же сей предивный оцъ в конецъ маловременныя жизни сея, сподобися вечныя жизни начало прияти.

Еже буди всемъ намъ получитьи, о Христе Исусе Господе нашемъ, емуже подобаетъ всякая слава честь и поклонение

со безначальнымъ его оцемъ и с пресвятымъ и благимъ и животворящимъ духомъ. Ныне и присно, и во веки вѣковъ. Аминь» (ГРМ 26, л. 197–199 об.).

Перед нами поэтическое переложение послесловия Иродиона, чаще всего заимствования преимущественно смысловые, некоторые стихи, однако, наследуют и целые фрагменты. Восхождение стихотворных строк к послесловию Иродиона проиллюстрировано ниже. Послесловие цитируется по списку 1549 года.

Q.I.317	ГРМ 26
Аще бо и покушюся того достойно противу исправленію его похвалити, но никакоже возмогу, груб же есмь сый и неразумь (л. 472 об.)	Азъ же, грубый словомъ и невежда разумомъ, то како возмогу по достоянію противу трудовъ того похвалити (л. 197 об.)
Слышахъ ѿ первы<х> мене ѿцъ, бывшихъ с нимъ в то время, та же и вписа<х>, еже слышахъ ѿ нихъ (л. 472 об.)	И еже от него видѣхъ, и слышахъ, и научихся от прежде мене сожител<ь>ствовавшихъ сему преподобному оцу (л. 135)

О том, что вирши являются сокращением предшествующего житийного текста, говорит сам редактор, называя их «краткими словесами»:

«От многихъ бо его преславныхъ трудовъ и чюдесъ множайшую часть оставихъ, малейшую же вамъ читателемъ предлагаю. Разумехъ бо яко доволна будутъ и сия краткая словеса в ползу прочитающимъ, и тако скратихъ повесть сию» (ГРМ 26, л. 198 об.).

Действительно, «Стихи краткогласные» краткие: их объем всего 22 строки. В списках ГРМ 26, Ст. Вознес. 118, ОСПК F.I.862, Тит. 1769, НСПК Q. 485, Муз. 4657, Вахр. 56, ОСПК F.I.741, ОИДР 406 заголовок стихов сопровождается пометой «изложено на виршу». Ритм создается благодаря парной рифмовке (кроме последнего двоестрочия). Число слогов варьируется от 33 до 38. Для сравнения, по данным Е. А. Рыжовой, виршевая редакция Жития Никодима Кожеозерского, известная по спискам XVIII века, состоит

из 50 строк, число слогов варьируется от 9 до 15; виршевое сочинение «История о святом игумене Логгине» – из 53 разносложных строк, от 12 до 20 слогов [5: 212, 219]. Хотя название «краткогласный» не встретилось в словарях рассматриваемого периода, однако известны подобные образования: *краткоглаголание* ‘немногословие’, *краткословный* ‘немногословный’¹⁰. Название стихов может быть обусловлено влиянием слов *краегласие*, *краесогласие* (ср. подобное употребление «Стихи краегласныи в похвалу преподобной мученицы Евдокии» 80-х годов XVII века [3: 212] или «Стихи краесогласныи», написанные Симеоном Полоцким для «Повести о Варлааме и Иоасафе»).

При переложении не обошлось и без новшеств. Е. А. Рыжова выявляет дополнение, введенное в текст по сравнению с предисловием Иродиона: появляется евангельский тоpos – притча о нерадивом рабе и таланте [5: 196].

2. Следующий рассматриваемый стихотворный элемент – акrostих, венчающий текст «Сказания на преставление прп. отца нашего Александра Свирскаго вкратце от жития его с приклады сложенная». Его необходимо рассматривать как стихотворную подпись. Это обращение к читателю, своего рода элемент интеллектуальной игры: загадывается имя написавшего Житие и дается подсказка «сами меня хорошо знаете, так как вместе со мной живете». На связь акrostиха и «Сказания» указывает и заголовок: «с приклады сложенная», то есть ‘с загадкой’¹¹. «Сказание» может сопровождать только Украшенную редакцию Жития и вместе с акrostихом читается в девяти списках.

В комплексе лицевых рукописей, созданном в середине XVIII века [7] (Музейск. 344, РГАДА 1209, ОКМ К 7056, VAL. XII.212), акrostих отсутствует, несмотря на наличие текста и указания в заглавии «Сказания». Очевидно, он отсутствовал в протографе текста к этим лицевым рукописям. Художественное оформление инициалов Тит. 1968, выполненное в 1789 году кондопожским священником Стефаном Саколиным (так в ркп.), частично отсылает к лицевым рукописям ГРМ 26 и ОКМ К 7056: есть явные сходства в использовании поморского орнамента (л. 5 об.) и украшении инициалов (например, инициал С, открывающий на л. 9 главу о родителях преподобного, напоминает инициал в ОКМ К 7056, л. 1 той же главы). В рукописи, однако, нет миниатюр.

Ниже приводится текст акrostиха. Поскольку киноарное выделение букв важно, оно сохранено и передано полужирным шрифтом.

«И аще любимицы мои хотите знати,
И кто есмь дерзнухъ сия написати
Сами бо вы мене извѣстно знаете,
Понеже въкупѣ со мною обитаете.
Азъ же послѣдний посреѣдъ васъ являюся,
Дондеже въ животѣ семь обрѣтаюся.
и о семь убо вы не дивитесь,
яко по нужди дерзнухъ похвалитися.
А егда дерзновение сие обрѣтохъ,
Тогда совѣстию моею къ ногамъ вашимъ припадохъ.
Здѣ недостойный имя свое объявилъ,
А у васъ блгоговѣйныхъ читатели прощения
просиль» (ГРМ 26, л. 276).

Чтение акrostиха не требует усилий: автором является некий Исая, однако точное соотношение с конкретной личностью возможно только благодаря киноарным выделениям букв, сохранившимся точно в ГРМ 26 полностью и частично – в ОСПК F.I.741, F.I.862.

Киноарь проясняет недосказанное: *архимандрит недостойный*. И эта киноарная подсказка приводит к прояснению личности автора: в 1705–1708 годах настоятелем Александровой обители был архимандрит Исая, который, как становится ясно, обладая литературным талантом, составил новый текст для прославления преподобного – «Сказание» и украсил его стихами. Значит, верхняя граница появления Украшенной редакции и виршевого переложения послесловия – 1705–1708 годы.

3. Последний стихотворный элемент Жития – виршевое предисловие «Краегранесие». Оно предваряет житийный текст по восьми рукописям, помещается сразу после «Сказания главамъ», а в трех списках лицевого комплекса (кроме Музейск. 344) – после предисловия к Житию.

Двоестрочий всего шесть, каждое записано в одну строку, начало парной строки отступом не отмечается. Вирши сопровождаются киноарной записью на правом поле «Сия вирши изложенныя до читателя» (в Ст. Вознес. 118, НСПК F. 623 приписка отсутствует, в остальных сохраняется, располагаясь или на боковых полях, или внизу):

«Бѣ всесилнаго вѣ Троїцѣ славимаго вѣ силахъ его
прославляю,
даровавшему мнѣ немощнѣйшему силу таковую!
Угодника его препѣднаго Александра
память почитати,
и здѣ житие его вѣ ползу себѣ часто прочитати.
Хотящымъ же сие читати блгоговѣйно главу свою
приклоняю,
отъ нихъ же прощения себѣ всеусердно желаю.
Здѣ православнии житие прѣпѣднаго Александра
читайте,
а мнѣ недостойному въ погрѣшениихъ прощение
подавайте.
Погрѣшениа же мною разумно собою исправляйте,

а погрѣшившаго мя въ мѣтвахъ своихъ
 часто поминайте.
 Да дасть убо вамъ Гсѣдъ милость въ днѣ судный,
 еяже прѣсно хошу получитьи и азъ недостойный
 Аминь» (ГРМ 26, л. 6).

Перед нами обращение к читателю, своеобразное предисловие к Житию. Первая строка очень напоминает начало стихотворного произведения писателя эпохи Смутного времени Евстратия «Единому Богу в Троицы славимому в единицы» [1: 37–38]. Созвучное начало «Богу в Троицы славимому мол<ъ>ба тричисленна» в сборнике XVIII века «Свет духовный» (РГБ. Ф. 304/1. № 198). Вишневые предисловия к житийным текстам не часты, мне известно из работы Т. Б. Карбасовой предисловие к Житию Кирилла Новоезерского по списку середины XVIII века (РГБ. Ф. 178. № 4660). Оно состоит из 12 неравносложных стихов с парной рифмовкой, по содержанию это моление к святому и пояснение его имени [2: 168].

Заголовок «Краегранесие» побуждает, конечно, и здесь разыскивать скрытый шифр, как в акrostихе. Однако безуспешно, по крайней мере, надежных версий нет. Отмечу, что эти два текста объединяет стилистическое и функциональное сходство, а также киноварное выделение первых литер в строке. Оба построены как акrostих. Вместе они словно создают рамочное украшение рукописи с текстами, именно поэтому автором «Краегранесия» мог быть архимандрит Исайя. В ГРМ 26 «Краегранесие» написано, как и оглавление, теми же чернилами и почерком, близким к скорописному, что и писцовая запись Иоасафа, то есть уже после завершения основного текста, выполненного образцовым полууставом. Именно поэтому нельзя исключить, что «Краегранесие» – творчество писца Иоасафа.

«Краегранесие» рассматривалось как самостоятельный украшающий элемент, занимающий, как правило, отдельный лист после оглавления. В роскошно оформленной лицевой рукописи Музейск. 344 эти вирши сопровождают миниатюру с изображением игумена Иродиона, от лица которого написаны стихотворные строки. Упомянутая помета «Сия вирши изложены до читателя» вписана в рамку, обрамляющую изображение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Появление новой редакции, украшенной виршами, неизменно ставит вопрос об авторстве, времени и месте создания текста. Самая ранняя известная рукопись, содержащая все вирши, написана в 1715 году. Однако Исайя был архимандритом монастыря в 1705–1708 годах. Эти даты соотносятся с датировкой рукописи П. I 45. По со-

ставу Украшенная редакция отличается комплексом чудес по обретении мощей преподобного (последнее чудо 1674 года), что определяет нижнюю границу появления текста. Новый блок чудес располагался после текстов об обретении и перенесении мощей и не пополнялся на протяжении всей рукописной традиции этой редакции.

Последняя треть XVII века ознаменована в монастыре прп. Александра деятельностью архимандрита Гермогена: под его руководством обитель активно восстанавливается и расцветает. Происходит обновление иконостасов, строительство новых храмов монастыря, приглашение талантливых мастеров из Костромы [9]. Очевидно, в это время собираются новые свидетельства о чудотворной помощи преподобного. Рискну предположить, что и создание новой редакции Жития преподобного было следствием обновленческой деятельности игумена. Прежде всего был отредактирован язык Жития, его стилистическая обработка вдохновлена барочной культурой. Благодаря исследованию И. Д. Соловьевой известно, что в библиотеке монастыря была «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Псалтырь в стихах» Симеона Полоцкого. «Первая из этих книг была приобретена для библиотеки в год своего выхода в свет, что свидетельствует о том, насколько пристально следили в монастыре за появлением книжных новинок: “Черной же диакон Стефан купил на Москве книгу Иоасафа царевича житие новопечатную дано денег рубль”» [9: 91, 93, 97]. Полагаю, что первая книга, весьма вероятно, послужила образцом для нового Жития и стихотворных украшений.

Сходства отмечаются прежде всего в композиции. «Повесть о Варлааме и Иоасафе» начинается со стихотворного предисловия к читателю о пользе чтения. Далее следует «Оглавление вѣщей обретающихся в сеи книзѣ». «Стиси краесогласнии, в похвалу преподобнаго отца нашего Иоасафа, царя Индийскаго» завершают текст службы. Далее – фигурное письмо «Иоасафе с Варлаамом, молита спастися нам...» и сама повесть. В конце книги – стихотворная молитва «св. Иоасафа». Также есть общие черты в оформлении текстов. Украшение «Краегранесия» киноварным крестом и завершение акrostиха в виде решетчатого треугольника отсылают к наборным украшениям старопечатных книг, так же как оформление заголовков и заставки. Понятно, что эти декоративные элементы можно было увидеть в любой из книг, однако схожесть в оформлении вместе со схожестью в композиции видится неслучайной. И, наконец, названия: «Стихи краткогласные» и «Стихи краесогласные» близки по звучанию и написанию, фактически отличаются только двумя графемами.

Первоначально мною было высказано предположение, что все три текста создавались разными авторами постепенно, сейчас же я пришла к выводу, что созданы они в одно время, скорее всего, под влиянием этой книги, вместе с новой редакцией Жития, к которой архимандрит Исаяя сочинил свой текст. В таком слу-

чае архимандрит Исаяя и является автором всей Украшенной редакции. Различный состав по рукописям тоже можно объяснить именно тем, что в некоторых списках не было «Сказания главам», без которого не бывает «Краегранесия»; а в тех рукописях, где нет нового текста «Сказания на преставление», нет и акростиха.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рукопись есть в описи монастырской библиотеки: Викторов А. Е. Описи рукописных собраний въ книгохранилищахъ сѣверной России. СПб., 1890. С. 183–184.
- ² Житие и чудеса преподобного Александра Свирского. СПб., 1995 [репринт издания 1905 г.]. С. 6.
- ³ Здесь и далее цитируются в упрощенной орфографии.
- ⁴ Дианова Т. В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М.: ГИМ, 1998.
- ⁵ Список рукописей. Архив Ново-Валаамского монастыря: VAL.XII.212, ЖАС, первая четверть XIX в.; Библиотека академии наук: П I А 45 – Петровское собрание, П I А, 45, ЖАС, к. XVII – н. XVIII в.; Государственный исторический музей: Вахр. 56 – собрание И. А. Вахромеева, № 56, ЖАС, нач. XIX в.; Епарх. 468 – Епархиальное собрание, № 468, ЖАС, 40–50 гг. XVIII в.; Музейск. 344 – Музейское собрание, № 344, ЖАС, 50–60 XVIII вв.; Музейск. 2717 – Там же, № 2717, ЖАС, вт. четв. XVIII в.; Государственный Русский музей: ГРМ 26 – Отдел древнерусского искусства, № 26, ЖАС, 1715 г.; Православный церковный музей Финляндии РИЗА, г. Куопио: ОКМ К 7056, ЖАС, сер. XVIII в.; Псковский государственный музей-заповедник: Ст. Вознес. 118 – фонд Старовознесенского монастыря, № 118 (123), ЖАС, 1770 г.; Российская государственная библиотека: Муз. 4657 – ф. 178 (Музейное собрание), № 4657, ЖАС, нач. XIX в.; ОИДР 406 – ф. 205 (Общество истории и древностей российских), № 406, ЖАС, посл. четверть XVIII в.; Российский государственный архив древних актов: РГАДА 1209 – ф. 188, № 1209, ЖАС, 60–70 XVIII в.; Российская национальная библиотека: Вязем. F. 88 – собрание П. П. Вяземского, F. 88, ЖАС, XIX в.; Мих. F. 225 – собрание Н. М. Михайловского, F. 225, сборник, 1785 г.; НСРК Q. 485 – Новое собрание рукописной книги, Q. 485, сборник, XVIII в.; НСРК F.623 – Там же, F.623, ЖАС, XVIII в.; ОСРК F.I.741 – Основное собрание рукописной книги, F.I.741, ЖАС, нач. XIX в.; ОСРК F.I.862 – Там же, F.I.862, ЖАС, нач. XIX в.; Тит. 526 – собрание А. А. Титова, № 526, ЖАС, XVIII в.; Тит. 1968 – Там же, сборник, 1769 г.; Тих. 468 – собрание П. Н. Тиханова, № 468, ЖАС, нач. XIX в.; Тих. 596 – Там же, № 596, ЖАС, нач. XIX в.
- ⁶ Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Водяные знаки рукописей России XVII в. М.: ГИМ, 1980.
- ⁷ Дианова Т. В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М.: ГИМ, 1998.
- ⁸ Дианова Т. В. Филиграния XVII–XVIII вв. «Голова шута»: каталог. М.: ГИМ, 1997.
- ⁹ В ОИДР 406 *трубный* вместо *грубый*, *грубный*; возможно, под влиянием сочетания «глас трубный».
- ¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 25–26.
- ¹¹ Там же. 1994. Вып. 19. С. 175.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Былинин В. К. Стихотворные «Предисловия многообразна» в рукописях первой половины XVII в. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 5–38.
2. Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский: история почитания: исследование и тексты. М.; СПб.: Архео, 2011. 560 с.
3. Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л.: Наука, 1973. 280 с.
4. Пигин А. В. Книжные собрания и литературные памятники монастырей на Онежском озере // Кижский вестник. Петрозаводск, 2019. Вып. 18. С. 130–146.
5. Рыжова Е. А. «Виршевые редакции севернорусских житий» // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 195–235.
6. Соболева А. Е. Житие Александра Свирского: от Великих Миней Четых до первого печатного издания // Свято-Троицкий Александра Свирского монастырь в российской истории и культуре: к 510-летию со дня основания обители: Сб. науч. тр. СПб., 2016. Вып. 3. С. 55–72.
7. Соболева А. Е., Соболева М. Е. Лицевые рукописи Жития Александра Свирского середины XVIII в. как единый комплекс: проблемы текстологии и происхождения // Рябининские чтения–2019: Материалы VIII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / КарНЦ РАН; Музей-заповедник «Киж». Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 536–538.
8. Соловьева И. Д. Житийные иконы преподобного Александра Свирского: агиографические источники и анализ иконографии // Свято-Троицкий Александра Свирского монастырь в российской истории и культуре: к 510-летию со дня основания обители: Сб. науч. тр. СПб., 2016. С. 83–90.
9. Соловьева И. Д. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь: художественное наследие и историческая летопись. СПб., 2008. 511 с.

Поступила в редакцию 21.04.2022; принята к публикации 31.05.2022

Original article

Alexandra E. Soboleva, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Associate Professor, Moscow Theological Academy (Sergiyev Posad, Russian Federation), Leading Researcher, Russian State Library (Moscow, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-9983-2602; aleksandra_soboleva@list.ru

“VERSES PRESENTED TO READERS” IN THE LIFE OF ST. ALEXANDER SVIRSKY DATING FROM THE XVIII CENTURY

Abstract. The article examines The Life of St. Alexander Svirsky, whose Embellished Edition has a verse adaptation of one of the hagiographic chapters, an afterword by Hegumen Herodion, the author of an earlier Menaion version of the text, as one of its distinctive features. This case is known to be unique in the eighteenth-century hagiography. Sometimes this edition of The Life is accompanied by two other poetic elements: the opening foreword and the acrostic that concludes the text of “The Message of Decease”. These elements are found in the earliest manuscript of this edition dating from 1715 and kept in the State Russian Museum. The purpose of this article is to suggest possible authors, the time when and the place where the texts were created, and the logic behind including the verses in the copies. It turns out that the studied verses were probably created by three authors at different times or simultaneously. The first possible author could be a well-known highly skilled scribe Joasaph. He specialized in conducting correspondence, as well as copying and decorating manuscripts for the Alexander Svirsky Monastery in 1713-1715 and was the one who signed the manuscript of The Life. The second name emerges thanks to the cinnabar preserved in three manuscripts with the acrostic – it could be Archimandrite Isaiah who was in charge of the monastery in 1705-1708. Therefore, he is obviously the author of “The Message of Decease”. The Embellished Edition of The Life differs from the previous one mainly by its stylistic features obviously inspired by the baroque culture. The monastery library received “The Tale of Barlaam and Josaphat” edited by Simeon of Polotsk almost immediately after it was published, and it seems to be similar to the new edition of The Life in composition, accompanying verses, design, and titles of verse chapters. Thus, it could very likely become a literary model for the new edition of The Life, and in this case it was also written by Archimandrite Isaiah, which shifts the time of its creation to the early XVIII century.

Key words: verses, The Life of St. Alexander Svirsky, hagiography, eighteenth century, Simeon of Polotsk, acrostic, The Tale of Barlaam and Josaphat

Acknowledgements. During her research into the manuscript tradition of The Life of St. Alexander Svirsky the author has repeatedly referred to the works of Prof. Alexander V. Pigin on hagiography, in particular the sources and scribes of The Life. The author would like to express her deepest gratitude to dear Professor for his creative and scholarly inspiration. The author also expresses her deep gratitude to I. D. Solovyova, the Head of the Old Russian Art Department of the State Russian Museum, for her guidance with finding the place of storage of the 1715 manuscript and for all the scholarly materials and discussions she provided, as well as to the staff of the Department for the opportunity to work with the manuscript. The author extends her warm thanks to S. A. Volkova, the Head of the Department of Rare and Handwritten Books of the Pskov State Museum-Reserve, and the staff of the Department for their assistance in working with the manuscripts in October 2016.

For citation: Soboleva, A. E. “Verses presented to readers” in The Life of St. Alexander Svirsky dating from the XVIII century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):97–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.792

REFERENCES

- Bylinin, V. K. Poetical “Multifaceted forewords” in manuscripts of the first half of the XVII century. *Proceedings of the Manuscript Department of the State Russian Library*. Moscow, 1983. Issue 44. P. 5–38. (In Russ.)
- Karbasova, T. B. Cyril of Novozero: history of veneration. Moscow, St. Petersburg, 2011. 560 p. (In Russ.)
- Panchenko, A. M. Russian verse culture of the XVII century. Leningrad, 1973. 276 p. (In Russ.)
- Pigin, A. V. Book collections and literary monuments of monasteries on Onega Lake. *Kizhi Vestnik*. Petrozavodsk, 2019. Issue 18. P. 130–146. (In Russ.)
- Ryzhova, E. A. “Verse editions of northern Russian hagiographies”. *Russian hagiography: Research. Publications. Debates*. St. Petersburg, 2005. P. 195–235. (In Russ.)
- Soboleva, A. E. The Lives of St. Alexander Svirsky: from the Great Menaion Reader to the first printed edition. *The Holy Trinity Alexander Svirsky Monastery in Russian history and culture: celebrating the 510th anniversary of the monastery: Collection of research papers*. St. Petersburg, 2016. Vol. 3. P. 55–72. (In Russ.)
- Soboleva, A. E., Soboleva, M. E. Illustrated manuscripts of The Life of St. Alexander Svirsky dating from the mid-eighteenth century as a single complex: problems of textology and origin. *Ryabinin Readings–2019: proceedings of the VIII conference on studying and actualization of cultural heritage of the Russian North*. Petrozavodsk, 2019. P. 536–538. (In Russ.)
- Solovyova, I. D. Hagiographic icons of the Venerable Alexander Svirsky: hagiographic sources and analysis of iconography. *The Holy Trinity Alexander Svirsky Monastery in Russian history and culture: celebrating the 510th anniversary of the monastery: Collection of research papers*. St. Petersburg, 2016. P. 83–90. (In Russ.)
- Solovyova, I. D. The Holy Trinity Alexander Svirsky Monastery: artistic heritage and historical chronicle. St. Petersburg, 2008. 511 p. (In Russ.)

Received: 21 April, 2022; accepted: 31 May, 2022

6 июня 2022 года исполнилось 60 лет доктору филологических наук, профессору, заместителю главного редактора журнала «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» *Александру Валерьевичу Пигину*.

Celebrating the 60th birthday anniversary of *Alexander V. Piggin*.

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ПИГИН

К 60-летию со дня рождения

В 50–60-е годы прошлого века на кафедре русского языка Петрозаводского университета работал удивительный человек – преподаватель древнерусского языка, доцент, заведующий кафедрой Матвей Иванович Пигин, которому в этом году исполнилось бы 130 лет. Мне довелось быть тогда студенткой и в полной мере ощутить его безмерную любовь к древнерусской письменности. Несколько отрешенный от будничной повседневности, доверчивый и простодушный, он не представлял себе другого отношения к языку и был убежден, что и его ученики тоже так думают. Его запомнили студенты всех поколений, осознававшие его чистоту и благородство и даже злоупотреблявшие этим. Пламенную страсть к древнерусской книжности унаследовал внук Матвея Ивановича Александр Валерьевич Пигин – сегодня один из ведущих российских ученых-медиевистов.

В 1984 году Александр Валерьевич окончил историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета; его дипломная работа, написанная под руководством В. Н. Захарова, была посвящена творчеству Ф. М. Достоевского. В 1984–1986 годах он работал учителем русского языка и литературы в одной из школ Петрозаводска, в 1986–1989 годах обучался в аспирантуре при кафедре русской литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена. Под руководством А. М. Панченко написал и защитил в 1990 году кандидатскую диссертацию на тему «Демократическая повесть XVII века. Повесть о Соломонии». В 1999 году защитил докторскую диссертацию на тему «Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV–XX вв.» (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН).

1989–2015 годы – период работы Александра Валерьевича в высших учебных заведениях Петрозаводска, где он прошел путь от ассистента до профессора, заслуженного деятеля науки Республики Карелия. В это время он читал лекционные курсы «Русское устное народное творчество», «История древнерусской литературы», «История русской литературы XVIII века». Мне не раз доводилось слушать отличающиеся блестящим анализом и библио-

графической насыщенностью лекции А. В. Пигина, быть оппонентом на защитах дипломных и аспирантских работ, которыми он руководил. Высокий уровень, профессионализм и тщательность исполнения всех предъявленных работ, равно как и работ его коллег в руководимых им изданиях, дают основание говорить о серьезной археографической школе, через которую прошли его ученики и соавторы (В. М. Быкова, М. Г. Бабалык, Е. Д. Гришкевич и др.).

По собственному признанию юбиляра, научная работа была для него все же важнее преподавательской, поэтому в 2015 году, когда представилась возможность, он перешел на работу в академический институт. В настоящее время А. В. Пигин – ведущий научный сотрудник и руководитель сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и по совместительству – ведущий научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Неутомимый исследователь, А. В. Пигин – автор более 300 публикаций по вопросам славяно-русского рукописного наследия XV–XX веков, русского фольклора, истории русской литературы XVIII–XX веков, истории русской церкви, старообрядчества. Основные его статьи опубликованы в ведущих российских и зарубежных изданиях – в «Трудах Отдела древнерусской литературы», сборнике «Русская агиография», «Словаре книжников и книжности Древней Руси», «Православной энциклопедии», в журналах «Русская литература», «Живая старина», «Проблемы исторической поэтики», «Словесность и история», «Древняя Русь: вопросы медиевистики», «Scrinium», «Slavia Orientalis», «Север» (изд. в Японии) и др. Целый ряд древнерусских сочинений подготовлен им к изданию в многотомной академической серии «Библиотека литературы Древней Руси». Особое место в научном багаже А. В. Пигина занимают монографии, посвященные различным памятникам древнерусской письменности.

Как ученый-медиевист А. В. Пигин принадлежит петербургской текстологической школе. С 1986 года он стал посещать научные заседания Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома, слушал доклады выдающихся ученых – «древников» Д. С. Лихачева, А. М. Панченко, Г. М. Прохорова, Я. С. Лурье, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова, Н. В. Понырко, изучал их труды.

Важнейшие принципы петербургской школы заключаются в привлечении к исследованию максимального числа списков рукописного памятника, изучении литературной истории текста на всех этапах его существования, стремлении увидеть и понять в редакторских поновлениях личность книжника. Эти принципы, разработанные Д. С. Лихачевым¹ и учеными его школы, воплощены А. В. Пигиным в его текстологических исследованиях древнерусских повестей о Соломонии бесноватой, о «некоем брате» Никодима типикариси Соловецкого, о видении Антония Галичанина и др.

В свое время мне довелось написать рецензии на монографию А. В. Пигина о первой из названных повестей², которая является одним из наиболее ярких и самобытных произведений русской литературы переходного периода (XVII век). В своих откликах я подчеркивала, как детально А. В. Пигин рассматривает специфический характер этого единственного в своем роде произведения, где мотивы сожительства женщины с бесами осложняются мотивом бесноватости, а исцеление Соломонии совершают святые, «праведные угодники Божии» Прокопий и Иоанн Устюжские³. В повести произошло объединение, обобщение и беллетризация двух древнерусских демонологических представлений – о любовной связи с бесами и об одержимости нечистой силой. Важно, что А. В. Пигин не ограничился изучением рукописной традиции повести, но осветил вопросы ее жанровой природы, установил связи произведения с литературными источниками, рассмотрел ее в широком культурологическом контексте. Интерпретируя бесноватость как средневековое представление о разновидности смерти или ее подобии, он сделал вывод о том, что лежащий в основе Повести о Соломонии древний мифологический архетип смерти и возрождения ставит этот памятник в обширный контекст мировой литературы.

Вторая монография А. В. Пигина – самое цитируемое и востребованное в научной среде его сочинение – была посвящена не менее интересной системе древнерусских представлений о потустороннем мире, устройстве ада и рая, о скитаниях души по тому свету⁴. Этот комплекс представлений, который исследователи часто называют «малой эсхатологией», изучен А. В. Пигиным на материале одного жанра – видений. Основу издания составило исследование рукописной традиции более 20 русских визионерских текстов XV–XX веков, наибо-

лее ранними из которых являются «Видение некоей инокини во время мора 1427 года» и «Повесть о видении Антония Галичанина». Большое внимание уделено старообрядческим сочинениям, в которых нашли отражение религиозные полемики XVII–XVIII веков. Основная задача книги – изучение рукописной традиции и исторической основы визионерских памятников и их публикация. Но, как и в первой монографии, автор вышел за пределы сугубо текстологического и источниковедческого исследования: его интересуют поэтика жанра и сама «картина мира» человека Древней Руси в той ее части, которая может быть реконструирована на этом материале.

Еще одна тема, верность которой А. В. Пигин демонстрирует на протяжении многих лет, – древнерусская агиография. Подъем научного интереса к агиографии начался несколько десятилетий назад, после отмены советских идеологических запретов на изучение религиозных жанров. За это время появилось несколько крупных монографий о древнерусских святых и жанре жития, в Пушкинском Доме успешно реализуется научный проект «Свод древнерусских житий», выходят специальные тематические сборники статей о житийной литературе. Свой вклад в разработку этой темы внес и А. В. Пигин: им изучена рукописная традиция житий Александра Ошевенского, Кирилла Челмогорского, Пахомия Кенского. Отдельные статьи посвящены житиям Павла Обнорского, Лазаря Муромского, Александра Свирского, Корнилия Палеостровского, Исидора Юрьевского, Иова Ущельского; ряд статей о святых опубликован в «Православной энциклопедии». По поручению Петрозаводской и Карельской епархии им (при участии коллег) был составлен «Новый Олонецкий патерик» – сборник древнерусских сочинений, научных статей и материалов о подвижниках, входящих в Собор Карельских святых⁵. В этом же ряду следует назвать и коллективную монографию о святом Диодоре Юрьегорском, одним из авторов которой, а также научным редактором был А. В. Пигин⁶.

Велика заслуга юбиляра в изучении книжности и литературы Олонецкого края и Карелии. А. В. Пигин был инициатором подготовки и издания сводного каталога рукописей, хранящихся в государственных хранилищах Карелии⁷. К этой работе он привлек коллег, специалистов-медиевистов из других научных центров и горо-

дов России: Е. М. Юхименко (Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея), Ф. В. Панченко, Е. В. Плетневу (Санкт-Петербургская консерватория), Н. В. Савельеву (Отдел древнерусской литературы ИРЛИ), Л. С. Харебову (музей-заповедник «Киж») и др. В издании излагается хронологическая история формирования рукописных коллекций, отмечены их специфические особенности. Описание рукописей выполнено по всем правилам современной археографии, состав сборников расписан постатейно, большинство статей атрибутировано, в приложениях опубликованы выявленные в ходе описания редкие рукописные тексты. Без преувеличения эту книгу можно назвать не просто обычным каталогом или сводом описаний рукописей в архивохранилищах Карелии, а самостоятельным научным исследованием книжной культуры края.

Под руководством А. В. Пигина был осуществлен также научный проект, поддержанный грантом РГНФ, по изучению истории и состава Карельского собрания рукописей в Древлехранилище Пушкинского Дома. А. В. Пигин, кроме того, и сам занимался разысканием старинных книг на территории Карелии и Каргополья. Собранные им рукописи хранятся в Древлехранилище Пушкинского Дома в его именной коллекции⁸.

А. В. Пигиным изучены и опубликованы неизвестные ранее стихотворные сатиры второй половины XVIII века из Заонежья, различные тексты из рукописей заонежских крестьян Корниловых, заонежские помянники, сказания о монастырях и чудотворных иконах Олонецкого края, памятники местной старообрядческой, в частности выговской, литературы. Совместно с профессором А. М. Пашковым и при участии других ученых А. В. Пигин издал собрание сочинений первого петрозаводского писателя-краеведа Т. В. Баландина (ок. 1748–1830)⁹. Все эти находки и публикации должны быть использованы в будущем при подготовке нового издания «Истории литературы Карелии», если, конечно, оно когда-нибудь будет реализовано.

А. В. Пигин не только литературовед и археограф, но и фольклорист. При этом работ, посвященных собственно фольклорным текстам, у него немного. В большей степени его привлекают некие «переходные» явления, находящиеся на стыке устной и письменной культуры. Таковы его работы о заговорах, о старообрядческих преданиях, о мифологии в севернорусских жита-

ях, о легенде «Христов крестник» в фольклоре и книжности и мн. др.

Тема, которая находится, пожалуй, на периферии научных интересов юбиляра, но тем не менее периодически привлекает его внимание, – традиции древнерусской литературы в творчестве писателей XIX–XX веков. А. В. Пигиным установлен вероятный древнерусский источник одного эпизода в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского, исследованы некоторые пересказы древнерусских повестей, принадлежащие перу А. М. Ремизова; поэма Арсения Несмелова «Прощеный бес» рассмотрена как поздняя художественная версия средневековых легенд о покаянии и прощении дьявола.

Остается добавить, что А. В. Пигин является редактором ряда научных монографий, входит в состав редколлегий «Трудов Отдела древ-

нерусской литературы», журналов «Проблемы исторической поэтики», «Ученые записки Петрозаводского государственного университета», «Словесность и история». Он неоднократно становился победителем исследовательских и издательских конкурсов грантов российских и западных научных фондов (РГНФ, РФФИ и ACLS), был экспертом РГНФ, РФФИ и РНФ по филологии, членом диссертационного совета в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Сделанное А. В. Пигиным в науке не просто впечатляет, но поражает и количеством, и качеством. Я называю это святой одержимостью истинного ученого, который уже внес значительный вклад в филологическую науку и, несомненно, продолжит служить ей в дальнейшем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Изд. второе, перераб. и доп. / Отв. ред. академик Г. В. Степанов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 640 с.
- ² Пигин А. В. Из истории русской демонологии XVII века: Повесть о бесноватой жене Соломонии: Исследование и тексты / Отв. ред. Н. В. Понырко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 266 с.
- ³ Лойтер С. М. Исследование по истории русской демонологии // Живая старина. 1999. № 2. С. 52–53; Loiter S. M. <Рец. на: Пигин А. В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии: Исследование и тексты / Отв. ред. Н. В. Понырко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 266 с.> // The Slavic and East European Folklore Association Journal. Spring 1999. Vol. IV, № 1. P. 73–75.
- ⁴ Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности / Науч. ред. Е. М. Юхименко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 432 с.
- ⁵ Новый Олонецкий патерик / Сост., отв. ред. и автор предисловия А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 584 с.
- ⁶ Святой преподобный Диодор Юрьегорский и созданный им монастырь / Науч. ред. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 528 с.
- ⁷ Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисловия А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 608 с.
- ⁸ Пигин А. В. Новая коллекция Древлехранилища Пушкинского Дома // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 668–683; Пушкинский Дом. Материалы к истории: 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 600 с.
- ⁹ Тихон Васильевич Баландин. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 384 с.

С. М. Лойтер,
доктор филологических наук, профессор
sofia5@sampo.ru

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

доктор филологических наук, профессор, независимый
исследователь
(Дербент, Российская Федерация)
savtar@sampo.ru

ПРОФЕССОР Л. В. САВЕЛЬЕВА: ШТРИХИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (К 85-летию со дня рождения)

А н н о т а ц и я . Впервые обобщаются важнейшие научные результаты известного историка русского языка профессора Лидии Владимировны Савельевой и тем самым возрождается одна из важных сторон отечественного языкознания, связанная с периодическими обзорами специальной литературы и анализом научного творчества отдельных ученых, призванными стимулировать научное развитие (работы Н. К. Грунского, С. К. Булича, В. В. Виноградова и др.). Систематизация конкретных персональных научных результатов проводится на широком фоне отечественной и европейской науки, тем самым убедительно выявляется личный вклад исследователя в отечественную русистику и славистику. Этим прежде всего определяется актуальность рассматриваемой темы. К числу оригинальных научных достижений ученого отнесены: глубокое осмысление им сущности древних паратаксистических сочетаний; впервые выполненное подробное и разностороннее их описание на материале древнерусского языка, формулирование закономерностей в их истории и трансформации в гипотаксистические конструкции; впервые выполненное фундаментальное описание процессов становления в русском синтаксисе монологических и полилогических конструкций на материале оригинальных и переводных памятников древнерусской письменности в последовательно хронологическом сопоставлении соответствующих языковых данных с показаниями древнегреческих текстов; описание процессов развития в русском синтаксисе отрицательных безличных предложений; слов, выражающих отрицание, в севернорусских говорах и в лексике русского языка в целом; дешифровка славянского азбучного именника как текста и его разностороннее исследование; раскрытие роли византийско-древнерусской культурной коммуникации в процессе созидания древневосточнославянской православной культуры; формулирование впервые смысла и задач экологии языка как новой научной дисциплины и образцовое решение этих задач на обширном материале современного русского языка и др. В статье прослежены также сферы общефилологической деятельности ученого, включая и работу по анализу художественной и поэтической речи. Представлены и некоторые характеристики личности профессора, свидетельствующие о высоких этических, социокультурных, педагогических, гражданских и других требованиях к себе. Устанавливается, что по основательности научных исследований, полученным убедительным результатам в изучении истории русского языка и русской словесно-художественной культуры профессор Л. В. Савельева по праву занимает свое отдельное место в русской науке о русском языке и в славистике в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Л. В. Савельева, история языка, паратаксист, синтаксист, межкультурная коммуникация, экология языка, история отрицательных предложений, дешифровка, азбучный именник, анализ художественной речи

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тарланов З. К. Профессор Л. В. Савельева: штрихи научной деятельности (К 85-летию со дня рождения) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 109–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.784

Седьмого июня 2022 года исполнилось бы семьдесят пять лет известному исторiku русского языка, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации и Республики Карелия, отличнику народного просвещения Российской Федерации, кавалеру ордена Дружбы Лидии Владимировне Савельевой – прапраправнучке Александра

Сергеевича Пушкина. Судьба распорядилась, однако, так, что этот юбилей приходится, к сожалению, на первую годовщину со времени ухода Лидии Владимировны из жизни. И первая, и вторая даты, равно как и потребности поддержания непрерывности научной культуры, напоминают коллегам о профессиональном долге обозначить хотя бы некоторые штрихи творческой лично-

сти ученого, посвятившего жизнь исследованию и пропаганде тысячелетней русской словесной культуры и подготовке специалистов по истории этой культуры.

Предлагаемые заметки представляют собой робкую попытку человека, близко знавшего Лидию Владимировну, максимально объективно прочертить некоторые существенные штрихи ее личности в исследовательском, научно-педагогическом, историко-культурном, нравственно-этическом, социально-поведенческом, семейном и просто в человеческом измерении в надежде, что читатель обнаружит в них нечто близкое себе и заслуживающее его внимания.

В научно-исследовательской деятельности, как и в обычной жизни, достаточно отчетливо можно выделить разные категории людей по их отношению к окружающему миру и к себе. К первой категории относятся люди, во-первых, требовательные к среде, не принимающие ее по традиции, как принято; во-вторых, столь же взыскательные и к себе, постоянно находящиеся в поисках вразумительных ответов на вопросы, волнующие научную мысль.

Лидия Владимировна была ярким представителем именно этой категории исследователей в русской филологической науке, начиная еще со студенческих лет в Ленинградском государственном университете. Неслучайно при всей безусловной любви к своему научному руководителю по курсовым и дипломной работам, по аспирантуре, по благородным жизненным позициям, замечательному профессору Марии Александровне Соколовой абсолютным научным авторитетом для нее был Александр Афанасьевич Потебня, непревзой-

денный, тончайший и вместе с тем масштабный историк русского и других славянских языков. Поэтому нет ничего удивительного в том, что начинающего лингвиста, охваченного идеями Потебни, изначально увлекала малоисследованная проблематика истории русского языка. Именно такой была проблема приложения в древнерусском языке, которая стала темой ее преддипломного курсового сочинения, принципиальные идеи и результаты которого позже были опубликованы в одной из ее научных статей начала шестидесятых годов. Идя в ее разработке вслед за именитым ученым и пытаясь найти свое решение проблемы приложения в русском синтаксисе, молодой исследователь приходит к самостоятельному формулированию уже и другой совершенно не разработанной темы – темы паратаксических словосочетаний в древнерусском языке, по которой впоследствии (1964) в Ленинградском университете была блестяще защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Заметим, кстати, что защита ее должна была состояться в 1963 году [3], но буквально накануне защиты первый оппонент профессор И. А. Василенко (Москва) заболел, и диссертационному совету пришлось заменить его профессором Ю. С. Масловым (ЛГУ), а это требовало дополнительного времени. В ту пору все было очень строго, и оппоненты не могли заочно участвовать в защите.

При обсуждении и решении проблем паратаксических словосочетаний в истории русского синтаксиса диссертант продолжал и развивал исследовательский метод Потебни, который в процессе анализа языковых фактов предполагал учет теснейшей связи между языком и мыш-

лением. В частности, вслед за Потебней было установлено, что паратаксические сочетания были необходимыми языковыми опорами слабо развитой, а потому неотчетливо объективируемой мысли на древнейшей ее стадии. Это в полной мере относится и к теме докторской диссертации Л. В. Савельевой, посвященной малоизученной проблематике истории синтаксических форм отрицания (мононегативных и полинегативных конструкций) в русском языке донационального периода, которая рассматривалась в неразрывной связи с одновременными переводами с древнегреческого языка и в последовательно-хронологическом сопоставлении с ними [8].

По постановке самих соответствующих научных проблем, по полученным результатам, разносторонне продуманной исследовательской методике, предусматривавшей учет в том числе и новейших для того времени идей актуального членения высказывания, обращенного в историю, а также структурного и коммуникативного синтаксиса, по охвату обширного фактического материала древнегреческого и древнерусского языков (50 изданий оригинальных памятников древнеславянской и древнерусской письменности, шесть значительных по объему греко-славянских билингов – «История Иудейской войны» И. Флавия, «Житие Нифонта», «Пчела», «Изборник 1076 года» и др.), по разнообразию сопоставительных данных, извлеченных из более чем двадцати сборников фольклорных записей, она была новаторской по всем параметрам [9]. Помимо решения задач, непосредственно поставленных перед исследованием, в диссертации хронологически последовательно прослежены языковые процессы, связанные с развитием отрицательно-безличных предложений в истории русского языка [6], формированием и судьбой синтаксических грецизмов в древнерусском языке [5], развитием севернорусских форм отрицания [4], лексических средств отрицания в русском языке в целом [7] и другие важные факты динамики его строя.

Таким образом, если иметь в виду научную школу, которую прошла Л. В. Савельева, то это была школа мысли и исследовательских поисков прежде всего А. А. Потебни. Тут, кстати, трудно обойтись без краткого отступления по поводу того, что такое научная школа. У нас с семидесятых годов XX века бытовало и продолжает бытовать ходячее и пустое выражение «научная школа». Если верить околонуч-

ной молве, то научных школ в нашей стране очень много. Каждая группа людей, работающая над одной темой или в одном помещении, обычно именуется «научной школой». Такого рода группы, однако, не имеют никакого отношения к научным школам. Дело в том, что действительная научная работа исключительно индивидуальна. Подлинный ученый единственен и одинок в смысле научно-социальном. Не было никаких школ у таких, например, корифеев русского языкознания, как Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, да тот же Ф. Ф. Фортунатов при более строгой оценке так называемой формальной школы, в которой объединенными оказываются не уместающиеся в одних рамках не только Шахматов и Пешковский, но и сам Фортунатов-компаративист. Лидия Владимировна иронично относилась к такого рода «научным школам». Она не считала, что у нее есть научная школа, при том что почти двадцать лет в качестве заведующего кафедрой возглавляла дружный коллектив преподавателей-единомышленников, результативно руководила многими аспирантами, консультировала докторантов разных вузов страны, а также зарубежных коллег. Среди ее аспирантов безусловно были творчески одаренные и любимые ученики. Она всегда была готова поддержать их и помочь всем, чем могла, не считаясь со своим временем и здоровьем.

Столь же новаторской по научным идеям и анализу фактического материала была и впервые выполненная в русском языкознании монография Лидии Владимировны «Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении», опубликованная в Карельском государственном педагогическом университете в 1997 году [14] и вторым, расширенным, существенно дополненным изданием вышедшая из печати в издательстве «LOGOS» в Санкт-Петербурге по рекомендации и с предисловием академика Д. С. Лихачева в 2000 году под названием «Русское слово: конец XX века» [18]. Под другим, изначальным, названием – «Лингвозкология» – в 2019 году она была переиздана в Москве в качестве учебника для академического бакалавриата [22]. Эти работы знаменуют собой новый этап и принципиально новые подходы в научном изучении и осмыслении языковой и речевой культуры общества, которая, в свою очередь, рассматривается в неразрывной связи с динамичным национальным укладом жизни, с формированием и выражением своеобразия

этноисторически обусловленного мировидения и мировосприятия.

В приведенных монографиях на большом историческом фоне разработана и предложена мотивированная концепция баланса объективных и субъективных факторов в русском языковом развитии, остро поставлены проблемы, связанные с нарушением естественной гармонии традиций и новаторства в языке. В них не просто описываются процессы, происходившие и происходящие в современном русском языке, – его болезненные и здоровые начала. Автор, углубленно и убедительно анализируя обширный языковой материал, не только выявляет и демонстрирует важнейшие явления и этапы, связанные со становлением национально-исторических традиций русской речевой культуры, но и целенаправленно формирует у читателя бережное к ним отношение. Аргументированно и убедительно доказывается, что обращение к историко-ассоциативной памяти русского слова призвано помочь человеку русской культуры с большей ответственностью и большим пониманием отнестись к собственной речи и основам национальной культуры. В связи с этим подробно рассматриваются важнейшие проблемы лингвоэкологии XX века (общее понятие; основные лингвоэкологические нарушения советского периода в перестроечный и постперестроечный периоды; жаргонизация литературного языка); этноязыковая картина мира по данным русского языка и его истории (общее понятие; категории и формы выражения русского языка; отражение в слове древнейших языческих верований и мифологических представлений, этических воззрений и нравственных традиций и др.); азы славянской письменности как фундамент русских культурных традиций.

В конце второго, расширенного, издания книги предложены методические рекомендации, необходимые учителю-словеснику, который, как считала Л. В. Савельева, по природе своей профессии призван в доступной форме знакомить школьников с живой непрерывной жизнью языка, развивая у них историческое и историко-культурное мышление [18: 197–214]. Эта практически-школьная ее нацеленность была усилена автором к московскому изданию новой – четвертой главой «Опыт учебно-исследовательской работы лингвоэкологической лаборатории», предназначенной для студентов и школьников [22: 183–205].

Имея в виду содержательную значимость книги Лидии Владимировны «Русское слово: конец

XX века», академик Д. С. Лихачев, в частности, писал в своем предисловии к ней:

«Эта книга очень и очень нужна. Она полезна и необходима не только широкому читателю: ее следовало бы принять как обязательную на филологических факультетах университетов» [1: 3].

Ярким и безусловно оригинальным вкладом Л. В. Савельевой в изучение славянской письменности и культуры являются впервые доказательно проведенные ею дешифровка и интерпретация славянского азбучного именника как первого целостного поэтического текста, написанного Константином Философом в жанре краткой проповеди к неопитам в традициях византийского молитвословного стиха [111]. Реконструированный в результате дешифровки текст получил свое разностороннее и исчерпывающее обоснование в ряде других работ автора (см., например: [10], [12], [13], [16], [17], опубликованных в разных изданиях в нашей стране и за рубежом – в Сербии [15]).

Профессор Л. В. Савельева была неутомимым организатором науки. Отдельного упоминания заслуживает, например, ее роль в качестве автора и ответственного исполнителя крупного проекта «Русская историческая филология: проблема межкультурной византийско-славянской и прибалтийско-финско-русской коммуникации», в рамках которого были проведены две представительные международные конференции с публикацией обширных сборников научных докладов отечественных и зарубежных специалистов [2], [25].

В работах Лидии Владимировны определены место и роль византийско-славянской межкультурной коммуникации в современном мире [20], [21], прослежена динамика норм церковнославянского языка русского извода в общерусской и севернорусской житийной традиции XV–XVI веков; проанализированы основные вербализованные концепты русской модели мира, сложившиеся в ходе тысячелетнего освоения православной культуры Византии на фоне межкультурного диалога с католическим Западом и философией Востока, с ее книжно-славянскими и народно-поэтическими составляющими.

Новизной и творческим духом характеризуются и созданные Лидией Владимировной специальные учебные пособия для студентов. Имеется в виду, в частности, ее учебник по палеорусистике, который представляет собой принципиально новый тип организации и наглядной подачи содержания сложного и в высшей степени необходимого университетского

курса истории русского языка [19]. В 2019 году учебник переиздан в Москве в издательстве «Юрайт» [23]. Состав и содержание учебного пособия ориентируют студентов на восприятие русского языка, его истории как целостной и динамичной системы, как неотъемлемой части русской культуры и этнического мировосприятия в целом. Междисциплинарная преемственность и последовательность в изложении материала, комплексность представленных фактов, высокая научность, сочетающаяся с простотой и доступностью объяснений, творческий подход к описанию различных языковых явлений, как и собственные исследования, позволили автору сделать учебное пособие не только уникальным, не имеющим аналогов в исторической русистике и славистике, но и увлекательным для пытливых студентов.

Следует особо отметить, что во всех случаях социально-педагогического общения с любой аудиторией независимо от степени ее подготовленности во главу угла Лидией Владимировной ставились обязательные дидактические принципы *доступности* (быть понятным), *содержательности* (говорить по делу), *наглядности* (быть убедительным), *логичности и точности* (быть ответственным в выражении и оформлении мысли). Когда она что-то объясняла, например, детям, то объяснения непременно сопровождалась импровизируемыми картинками, не лишёнными для запоминания и комичности.

Лидия Владимировна была общительным и очень отзывчивым человеком, искренним и гостеприимным, поразительно открытым для восприятия чужого мнения, чужих культурных традиций, выявляя в них объединяющие начала с родной культурой. И это по-особенному сказывалось на манере ее учебно-педагогической деятельности. С неподдельным интересом, в том числе и по семейным основаниям, она относилась, например, к культуре и языкам дагестанских народов. Поэтому неслучайны ее переводы стихов аварской поэтессы Сабигат Магомедовой, с которой поддерживала дружеские контакты, на русский язык. К большому удовольствию и удивлению моей мамы, не знавшей русского языка, она за очень короткое время (две-три недели) овладела разговорным минимумом агульского языка для общения с ней.

Воспитанница Ленинградской лингвистической школы, учившаяся у известных филологов — академиков В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, профессоров Ю. С. Маслова, Э. И. Коротаевой, Б. В. Томашевского, В. Я. Проппа и др., Л. В. Са-

вельева всегда оставалась верной ее научным и научно-этическим традициям. Это выражалось, в частности, в исключительном внимании к охвату большого количества хронологически и жанрово разнообразного фактического материала в качестве предмета исследования, что в принципе составляет черту русского языкознания [24: 71], в точности, деликатности научных оценок предшественников в истории изучаемых проблем, в неизменной доброжелательности к коллегам.

Лидия Владимировна по природе своей была врожденным просветителем, и эта просветительская нацеленность освещала всю ее деятельность в процессе общения с окружающим миром — со студенческой аудиторией, с детьми разных возрастов, которых она очень любила, моментально завоевывая их внимание, с обычными людьми и коллегами, в ответах на случайные вопросы случайных людей. Распространение знания, объяснение трудных вопросов доставляли ей истинное удовольствие. Собственные ее знания были разносторонними, основательными и глубокими. Поэтому неудивительно, например, что, окончив среднюю школу в Полтаве с золотой медалью в 1954 году, затем филологический факультет Ленинградского университета в 1959 году и давно став известным филологом, через много десятилетий, она в порядке помощи петрозаводским десяти-, одиннадцатиклассникам просто «щелкала» труднейшие школьные задачи, с которыми не всегда справлялись даже кандидаты математических наук.

Будучи замечательным историком русского языка, Лидия Владимировна вместе с тем была прекрасным аналитиком художественной речи (Толстого, Гоголя, Чехова, Бунина, Кузмина, Горького и др.), поэтических произведений, в том числе и творений своего гениального предка А. С. Пушкина, многие из которых помнила и любила читать наизусть. Если иметь в виду пушкинские гены, то они не обошли ее стороной и явственно давали о себе знать в разных сферах ее деятельности, в том числе музыкальной и поэтической, о чем свидетельствует и одна из последних ее публикаций, осуществленная по моим настояниям, — замечательный, содержательно глубокий сборник стихов «Жизни вечное дыханье»¹. Стихи привлекают читателя как философски разворачиваемым тонким содержанием, которое легко воспринимается им, так и художественной формой, манерой его поэтического воплощения.

Выражением того же художественного дара Лидии Владимировны являются ее глубоко содержательные и блестяще написанные воспоминания, по частям опубликованные в 2017–2020 годах в журнале «Север»² и в полном объеме – в Москве в 2022 году³. Эти воспоминания, в которых исключительно правдиво, полно, ярко воссоздаются картины школьной, студенческой, обыденной жизни нашей страны 40–50-х годов XX века в Полтаве и Ленинграде, картины семейно-школьного воспитания, панорама системы образования в СССР, взаимоотношения между людьми, сама их содержательная нацеленность и стилистика безусловно характеризуют их автора как человека незаурядного и органично вписанного в историю своей страны и ее культуры. В них между строк ощутимо пробивается боль, вызываемая расколом великой страны, разрывом тысячелетней единой русско-украинской культуры. Это боль не только исследователя истории общей культуры, но и человека, могилы четырех поколений родных которого вдруг оказались «за границей»: прабабушка Лидии Владимировны Мария Александровна Пушкина (Быкова), бабушка Софья Николаевна Быкова (Данилевская), мать Наталья Сергеевна Данилевская (Савельева), отец Владимир Акимович Савельев, брат Николай Владимирович Савельев, все боковые родственники по линии матери покоятся на одном и том же кладбище в Полтаве, прославленной и гением Пушкина. Эта боль усиливалась и тем, что Лидия Владимировна имеет родственные связи, пусть и не прямые, и с Николаем Васильевичем Гоголем: прабабушка ее Мария Александровна Пушкина вышла замуж за племянника Гоголя, сына Елизаветы Васильевны Гоголь, – Николая Владимировича Быкова. В этом браке родилась ее бабушка Софья Николаевна Быкова (Данилевская в замужестве).

Лидия Владимировна была человеком слова, обязательным во всем, человеком, который ценил дружбу и был верен в дружбе; трудно и тяжело переносила предательство, которое, к сожалению, случалось иногда со стороны тех, от кого не ожидала. Ей было абсолютно чуждо такое достаточно распространенное явление в жизни, как конъюнктурность поведения по обстоятельствам.

Природой заложенное творческое начало Лидии Владимировны по-особенному сказывалось и в семейной жизни: в игре на пианино под настроение или для поднятия настрое-

ния, в бесконечном изобретательстве в «кухонном мастерстве» с придумыванием разных красивых названий, в рисовании, в увлечении выжиганием смешных фигур по дереву, в решении разного рода логических задач. Но самое важное начиналось тогда, когда кто-то из нас напишет новую работу, которая непременно читалась вслух и затем бурно обсуждалась. Без такого семейного обсуждения, кстати, очень строгого, ни одна статья не шла в печать.

Лидия Владимировна была убежденным любителем и ценителем книги как источника знания и незаменимого средства интеллектуального и эстетического развития личности, развития ее общей и речевой культуры. Она очень любила читать, делиться впечатлениями о прочитанной книге, рекомендуя ее и другим. Всегда предпочитала дарить хорошую книгу, особенно детям.

Лидия Владимировна была подлинным патриотом своей страны, хотя никогда не говорила об этом, человеком глубоко слитым со своей национальной культурой, интернационалистом по своим убеждениям и отношению к иным культурам. В этом она следовала своему гениальному предку – А. С. Пушкину.

Автор двухсот пятнадцати публикаций, в том числе десяти монографических, посвященных многим областям истории русского языка с древнейших времен до наших дней; древнегреческо-древнерусским переводам, процессам византийско-русской межкультурной коммуникации, начальным этапам становления и развития русской этнической и национальной культуры; исследованию, анализу и пропаганде разножанровой и разновременной русской словесной и словесно-художественной культуры; изучению языка в контексте культуры и этнического мировосприятия, экологии языка и речи; обсуждению насущных проблем высшего и среднего образования в стране, в том числе совершенствованию методики преподавания в средней и высшей школе, и многим другим сторонам профессиональной и просветительской деятельности, профессор Лидия Владимировна Савельева занимает свое безусловно заметное место в русской науке о русском языке. Это место в этическом плане неотделимо от обращенных на себя взыскательности и требовательности, такта и внутренней культуры, интеллигентности и доброжелательства, которые не мог не почувствовать на себе каждый, кого судьба сталкивала с Лидией Владимировной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тарланова Лидия. Жизни вечное дыхание. Петрозаводск, 2020. 92 с.
- ² Савельева Лидия. Потерянный рай // Север. 2017. № 5–6. Май – июнь. С. 5–26; Савельева Лидия. В начале жизни школу помню я... // Север. 2017. № 11–12. Ноябрь – декабрь. С. 182–215; Савельева Лидия. Движение горизонта // Север. 2018. № 1–2. Январь – февраль. С. 220–239; Савельева Лидия. Вторжение политики в бытие и сознание... // Север. 2020. № 1–2. Январь – февраль. С. 198–217.
- ³ Савельева Лидия. «Печаль моя светла...» (Оглянуться, чтобы понять...). М.: Новое литературное обозрение, 2022. 261 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д. С. Предисловие // Савельева Л. В. Русское слово: конец XX века. СПб.: LOGOS, 2000. С. 3–4.
2. Русская историческая филология: Проблемы и перспективы: Доклады Всерос. науч. конф. памяти Н. А. Мещерского. Петрозаводск, 18–20 октября 2000 г. / Отв. ред. проф. Л. В. Савельева. Петрозаводск: КГПУ: Периодика, 2001. 431 с.
3. Савельева Л. В. Паратаксические субстантивные словосочетания в древнерусском языке XIV–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 21 с.
4. Савельева Л. В. Развитие некоторых севернорусских форм отрицания // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986. С. 96–102.
5. Савельева Л. В. К проблеме выделения синтаксических грецизмов в древнеславянском языке (вопрос о генезисе монологических конструкций) // Советское славяноведение. 1987. № 2. С. 146–156.
6. Савельева Л. В. Отрицательно-безличные предложения в истории русского языка. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 40 с.
7. Савельева Л. В. Пути развития лексических средств отрицания в русском языке // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка. Вологда, 1988. С. 136–138.
8. Савельева Л. В. Развитие синтаксических форм отрицания в русском языке донационального периода: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 35 с.
9. Савельева Л. В. Типы отрицания в истории русского языка донационального периода. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 190 с.
10. Савельева Л. В. Сакральный смысл славянской азбуки (Напутственное слово Первоучителя славян) // Север. 1993. № 9. С. 152–158.
11. Савельева Л. В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет жанр: Сб. науч. трудов / Отв. ред. проф. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1994. С. 12–31.
12. Савельева Л. В. Истоки и загадки нашей азбуки // Русская речь. 1994. № 5. С. 67–74.
13. Савельева Л. В. Стилистика первого славянского поэтического текста // Пісьменнік – мова – стыль: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 1996 г. Мінск, 1996. С. 113–117.
14. Савельева Л. В. Языковая экология: Русское слово в культурно-историческом освещении. Петрозаводск: КГПУ, 1997. 144 с.
15. Савельева Л. В. Азбучное слово Константина Философа в языковом, историко-культурном и поэтическом аспектах // Јужнословенски филолог. 1997. LIII. С. 115–133.
16. Савельева Л. В. К синтагматике славянского азбучного именника как текста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 15 с. (Научные доклады СПбГУ).
17. Савельева Л. В. Художественная структура азбучного именослова: стратегия дискурса // Традиция и литературный процесс: К 60-летию чл.-корр. РАН Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 113–121.
18. Савельева Л. В. Русское слово: конец XX века. СПб.: LOGOS, 2000. 216 с.
19. Савельева Л. В. Основы палеорусистики: Учебный комплекс по курсу истории русского языка для педагогических университетов. Петрозаводск: КГПУ, 2004. 164 с.
20. Савельева Л. В. Византийское наследие в истории русской графики и проблемы культуры письменной речи в Карелии // Державинский сборник – 2006. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. С. 77–89.
21. Савельева Л. В. К проблеме истоков и многоуровневой структуры византийско-славянской межкультурной коммуникации // Россия и Греция: Диалоги культур: Материалы I Междунар. конф. Ч. II / Отв. ред. Т. Г. Мальчукова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 117–126.
22. Савельева Л. В. Лингвoэкология: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. 207 с.
23. Савельева Л. В. История русского языка. Основы палеорусистики: Учебник и практикум для бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 170 с.

24. Тарланов З. К. Ментальность и языковедческая исследовательская практика // *Метафизика*. 2021. № 1 (39). С. 65–78. DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-65-78
25. Язык и культура: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию профессора Л. В. Савельевой. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. 307 с.

Поступила в редакцию 27.10.2021; принята к публикации 29.04.2022

Memory

Zamir K. Tarlanov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Independent
Researcher (Derbent, Russian Federation)
savtar@sampo.ru

PROFESSOR LIDIYA V. SAVELYEVA: STROKES TO THE PORTRAIT OF A SCHOLAR (celebrating her 85th anniversary)

Abstract. The article summarizes for the first time the most important scholarly results of a famous historian of the Russian language and thereby revives one of the important aspects of Russian linguistics associated with periodic reviews of special literature and analyses of selected research works designed to stimulate scholarly development (the works of N. K. Grunsky, S. K. Bulich, V. V. Vinogradov, etc.). The systematization of specific personal scholarly results is dwelled upon a broad background of domestic and European science, thereby convincingly revealing the researcher's personal contribution to Russian and Slavic studies. This primarily determines the relevance of the topic under consideration. The original scholarly achievements of the researcher include her deep understanding of the essence of ancient paratactic combinations; the first-of-its-kind detailed and versatile description of such combinations based on the material of the Old Russian language, formulation of patterns in their history and transformation into hypotactic constructions; the first-of-its-kind fundamental description of the processes of formation of mononegative and polynegative constructions in the Russian syntax based on the material of original and translated ancient Russian written monuments through a chronological comparison of the corresponding linguistic data with ancient Greek texts; description of the processes of development of negative impersonal sentences in the Russian syntax; description of the formation of words expressing negation in northern Russian dialects and in the Russian vocabulary as a whole; deciphering of the Slavic alphabet symbolic names as a text and its comprehensive study; revealing the role of the Byzantine-Old Russian cultural communication in the process of creating the ancient Eastern Slavic Orthodox culture; formulating for the first time the meaning and tasks of the language ecology as a new academic discipline and the exemplary solution of these tasks using the extensive material of the modern Russian language. The article also traces the spheres of the scholar's work in the field of general philology, including the analysis of artistic and poetic speech. Some strokes to the personal portrait of the scholar are also given, indicating her high ethical, moral, socio-cultural, pedagogical, civic and other requirements to herself. It is clearly established that the thoroughness of her scholarly research and the convincing results obtained in the study of the history of the Russian language and Russian verbal and literary culture rightly give Professor Lidiya V. Savelyeva a special place among the Russian scholars of the Russian language and in the Slavic studies in general.

Key words: Lidiya Savelyeva, language history, parataxis, syntax, intercultural communication, language ecology, history of negative sentences, deciphering, Cyrillic letter names, literary language analysis

For citation: Tarlanov, Z. K. Professor Lidiya V. Savelyeva: strokes to the portrait of a scholar (celebrating her 85th anniversary). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):109–117. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.784

REFERENCES

1. Likhachev, D. S. Foreword. *Savelyeva, L. V. Russian word: the end of the XX century*. St. Petersburg, 2000. P. 3–4. (In Russ.)
2. Russian historical philology. Problems and prospects: Reports of the All-Russian Research Conference in Memory of N. A. Meshchersky. Petrozavodsk, October 18–20, 2000. (Prof. L. V. Savelyeva, Ed.). Petrozavodsk, 2001. 431 p. (In Russ.)
3. Savelyeva, L. V. Paratactic substantive phrases in the Old Russian language of the XIV–XVI centuries: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (Philology). Leningrad, 1963. 21 p. (In Russ.)
4. Savelyeva, L. V. The development of some northern Russian forms of negation. *Lexicon and grammar of northern Russian dialects*. Kirov, 1986. P. 96–102. (In Russ.)
5. Savelyeva, L. V. The problem of the allocation of syntactic Grecisms in the Old Slavic language (the question of the genesis of mononegative constructions). *Soviet Slavonic Studies*. 1987;2:146–156. (In Russ.)
6. Savelyeva, L. V. Negative impersonal sentences in the history of the Russian language. Leningrad, 1988. 40 p. (In Russ.)

7. Savelyeva, L. V. Ways of development of lexical means of negation in the Russian language. *Current issues of historical and dialect lexicology and lexicography of the Russian language*. Vologda, 1988. P. 136–138. (In Russ.)
8. Savelyeva, L. V. Development of syntactic forms of negation in the Russian language of the pre-national period: Author's abstract of Diss. Dr. Sc. (Philology). Leningrad, 1989. 35 p. (In Russ.)
9. Savelyeva, L. V. Types of negation in the history of the Russian language of the pre-national period. Leningrad, 1989. 190 p. (In Russ.)
10. Savelyeva, L. V. The sacred meaning of the Slavic alphabet (The parting word of the First Teacher of the Slavs). *Sever*. 1993;9:152–158. (In Russ.)
11. Savelyeva, L. V. Slavic alphabet: deciphering and interpretation of the first Slavic poetic text. *The Gospel text in the Russian literature of the XVIII–XX centuries. Quote, reminiscence, motive, plot, genre: Collected papers*. (Prof. V. N. Zakharov, Ed.). Petrozavodsk, 1994. P. 12–31. (In Russ.)
12. Savelyeva, L. V. The origins and riddles of our alphabet. *Russian Speech*. 1994;5:67–74. (In Russ.)
13. Savelyeva, L. V. Stylistics of the first Slavic poetic text. *Writer – language – style: Proceedings of international research conference, 1996*. Minsk, 1996. C. 113–117. (In Russ.)
14. Savelyeva, L. V. Language ecology: The Russian word in cultural and historical coverage. Petrozavodsk, 1997. 144 p. (In Russ.)
15. Savelyeva, L. V. The ABC word of Constantine the Philosopher in linguistic, historical, cultural, and poetic aspects. *Juzhnoslovenski filolog*. 1997;LIII:115–133. (In Russ.)
16. Savelyeva, L. V. The syntagmatics of the Slavic alphabet namebook as a text. St. Petersburg, 1998. 15 p. (Scientific reports of St. Petersburg State University). (In Russ.)
17. Savelyeva, L. V. The artistic structure of the alphabet letter names list: the strategy of discourse. *Tradition and literary process: Celebrating the 60th anniversary of the RAS Corresponding Member E. K. Romodanovskaya*. Novosibirsk, 1999. P. 113–121. (In Russ.)
18. Savelyeva, L. V. Russian word: the end of the XX century. St. Petersburg, 2000. 216 p. (In Russ.)
19. Savelyeva, L. V. Fundamentals of paleo-Russian studies: Set of teaching materials for the course on the history of the Russian language for pedagogical universities. Petrozavodsk, 2004. 164 p. (In Russ.)
20. Savelyeva, L. V. Byzantine heritage in the history of Russian graphics and problems of the culture of written language in Karelia. *Derzhavin collected papers – 2006*. Petrozavodsk, 2006. P. 77–89. (In Russ.)
21. Savelyeva, L. V. The problem of the origins and multilevel structure of Byzantine-Slavic intercultural communication. *Russia and Greece: Dialogues of cultures: Proceedings of the I international conference*. Part II. (T. G. Malchukova, Ed.). Petrozavodsk, 2007. P. 117–126. (In Russ.)
22. Savelyeva, L. V. Linguoecology: Textbook for academic bachelor programs. Moscow, 2019. 207 p. (In Russ.)
23. Savelyeva, L. V. History of the Russian language. Fundamentals of paleo-Russian studies: Textbook and practical materials for bachelor programs. Moscow, 2019. 170 p. (In Russ.)
24. Tarlanov, Z. K. Mentality and language research practice. *Metaphysics*. 2021;1(39):65–78. DOI: 10.22363/2224-7580-2021-1-65-78 (In Russ.)
25. Language and culture: Proceedings of the International Research Conference Commemorating the 70th Anniversary of Professor L. V. Savelyeva. Petrozavodsk, 2007. 307 p. (In Russ.)

Received: 27 October, 2021; accepted: 29 April, 2022

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА КЮРШУНОВА

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет
ведущий научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7232-8756; kiam24@mail.ru

ЕЛЕНА РАФХАТОВНА ГУСЕВА

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и прикладной лингвистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9896-6019; rafhatovna@mail.ru

Рец. на кн.: «Слова старинные». Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва / сост.: Т. Н. Бунчук, Ю. Н. Ильина, Т. С. Канева. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. – 132 с.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей» 121070700122-5.

Для цитирования: Кюршунова И. А., Гусева Е. Р. Рец. на кн.: «Слова старинные». Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва / сост.: Т. Н. Бунчук, Ю. Н. Ильина, Т. С. Канева. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. – 132 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 118–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.783

Выход в свет толкового диалектного словаря Леонида Фёдоровича Соловьёва «Слова старинные» – явление, на наш взгляд, знаменательное: это издание, без сомнения, становится в ряд с немногочисленными пока лексикографическими трудами, фиксирующими речь диалектной личности, – словарями В. П. Тимофеева [15], В. Д. Лютиковой [8], Г. А. Толстой [17], Е. В. Иванцовой [13], Е. А. Нефёдовой [12], Е. Е. Королёвой [7], А. В. Громова [14]. Однако в этом ряду у него особое место, поскольку автором словаря является сам диалектоноситель, тот самый «наивный лингвист», к личности которого в последнее время обращено внимание исследователей: Е. Л. Березович [1], [2], С. А. Мызникова [11], Е. В. Иванцовой [6], А. Б. Мороз [10], Д. Ф. Мищенко [9], А. Ф. Журавлёва [5] и др.

Удачным видится название словаря – «Слова старинные», поскольку слова, зафиксированные Л. Ф. Соловьёвым, действительно перестают функционировать в речи местных жителей, забываются, ускользают из памяти. Важен факт, отмеченный Т. С. Каневой: сбор слов и выражений, известных автору словаря с детства, поначалу был стихийным, и только в 2001 году пришло

осознание необходимости «сохранения “интересных” “старинных” слов для потомков, их запись стала самостоятельной задачей» (с. 8–9). Таким образом, к 2021 году в особой тетради под названием «Лексика местного изречения – говора» насчитывалось 750 номеров.

Тетрадь Л. Ф. Соловьёва попала в руки неравнодушных диалектологов – Т. Н. Бунчук, Ю. Н. Ильиной, Т. С. Каневой, которые обеспечили вышедшему на ее основе словарю лексикографическую научность: определили его концепцию; систематизировали информацию; учли повторы, сократив количество статей до 624 единиц, включающих слова и устойчивые выражения; оптимально стандартизировали подачу материала; структурировали словарную статью, продумали ее метаязык; провели сопоставительную работу с диалектными словарями, сохраняя, с одной стороны, авторский замысел в подаче слов (прежде всего заголовочного слова), с другой – указывая на связь лексической системы пижемского диалекта с говорами Русского Севера. Именно это превратило список собранных диалектных слов в словарь и вывело его из зоны наивной лексикографии в профессиональную

лингвистическую сферу, поскольку, как справедливо отметила Т. Н. Бунчук,

«анализ лексикографических описаний, сделанных носителем говора, позволил выявить особенности языковой рефлексии устьицема-пиемца: во-первых, установить круг слов, которые сам диалектоноситель считает “своими” (в соответствии со стихийно сложившимся представлением о словарном составе территории); во-вторых, определить, условно говоря, “хронологическое” восприятие лексики (по мысли автора, в словаре должна была быть зафиксирована малоупотребительная вследствие устаревания лексика); и, в-третьих, выявить, так сказать, особо значимые для языкового сознания слова и семантические сферы, актуальные в идиолекте одного из носителей говора» (с. 13).

Составители справедливо отмечают, что в словаре практически отсутствуют наречия, местоимения, служебная лексика.

Любопытным в данном случае является и такой факт: автор – мужчина, а не привычный для диалектолога-полевика респондент – женщина. Так, в диссертации Е. Д. Бондаренко, посвященной наивной лингвистике, среди 18 составителей рукописных (еще не опубликованных или кратко представленных в отдельных статьях) словарей «местных» слов только пятеро – мужчины [3: 157–162, 321–371].

Проанализируем макроструктуру словаря, которая отличается четкостью и продуманностью. Собственно словарь предварен вводными статьями. Открывает его статья Т. С. Каневой «Об авторе Леониде Фёдоровиче Соловьёве» (с. 4–9), чья жизнь практически неразрывно была связана с родным краем. Интерес к истории и культуре, к языковым фактам представляет автора как истинного патриота, увлеченного поставленной задачей – собирать и сохранять местные слова, родную речь. Далее следует статья Т. Н. Бунчук «О словаре» (с. 10–17), в которой представлены краткие сведения о теории языковой личности и роли диалектографии, презентующей словарный состав одного диалектоносителя и являющейся примером проявления метаязыковой деятельности носителей языка. Т. Н. Бунчук приходит к выводу:

«Анализ словаря, представляющего собой автофиксацию диалектной речи, позволяет выявить характер языковой рефлексии диалектоносителя, определить особенности восприятия окружающей действительности в условиях локальной народной культуры и отражения ее в языке, выделить семантико-понятийные сферы, актуальные для носителя говора» (с. 17).

Важным является экскурс в историю работы Л. Ф. Соловьёва над словарем, описание особенностей этой работы, определение цели составления словаря, где главным

«является не только и не столько публикация диалектных материалов, собранных Леонидом Фёдоровичем Соловьёвым, сколько систематизация этих лексических данных и подача их в том виде, в котором знакомство с ними позволит составить представление о месте зафиксированных Леонидом Фёдоровичем слов в русских говорах Низовой Печоры, дополнить словарь Словаря русских говоров Низовой Печоры, в ряде случаев показать жизнь слова в речи носителей диалекта» (с. 17).

Учитывая факт принадлежности данной территории к говорам вторичного заселения, считаем, что полезным было бы включение в данный раздел краткой справки о характеристике говора, его связях с другими диалектами Русского Севера, а также карты, наглядно показывающей место расположения населенного пункта по отношению к другим, более известным читателю географическим объектам.

Затем следует классический раздел всех научных лексикографических изданий – «Структура словаря и словарная статья словаря», в котором оговариваются особенности построения словаря, а также всех структурных зон словарной статьи. В словаре принят алфавитный способ расположения слов. Используется два вида заголовочных слов: через прописные и через строчные написания, что обусловлено ориентацией заголовочного слова на диалектные словари, прежде всего на Словарь русских говоров Низовой Печоры. Этот соотносимый с материалами диалектных словарей заголовочный вариант маркирован прописными буквами, а после двоеточия полужирным шрифтом строчными буквами дан вариант в соответствии с записями Л. Ф. Соловьёва. Скрупулезная работа (которая проведена также в зоне толкования), определяемая составителями как «фон авторской вокабулы» (с. 18), характеризует особый вклад составителей, что обозначило перспективы использования нового издания в области диалектной (региональной) номинации, при изучении состава, семантики лексем, особенностей их бытования в социуме, возможности исследования денотативного пространства диалектоносителя.

Если в диалектных словарях отсутствует слово, зафиксированное в записях автора, то заголовочное слово дано через прописные буквы (ср.: **воскырнуть, декаться, дундило, егабиха, ерздыхается, засандрачил, застебенил, захалывил, зачавырчал, искулибачился, испотачил, иступырился, истыгат, калдан, кальчик, клёшутся, коршат, кушница, лямгать, ляшну, на выщелаке, намешни, непотяжной, неторопоко, неусобица, нехлюдые, облячкалась, омататься, опайдало, охлобыснуть, панюса, панюсат, пиздра, побольки, прихехе, прищалмачил,**

рехмотье, наблюдник, сабанит, сакеритса, санпет, селемина, смешни, сутемёнки, сызволь, съяхнулась, тарамбат, темлячок, тпрутька, турснул, тучнул, тяпкуша, харындаться, хлабызну, хракти, хробыско, хунзюма, чигить, чунжат, шистиха, шонево). Эти примеры несут особую информативную ценность, поскольку являются наглядной иллюстрацией восприятия слова как регионального знака, позволяют размышлять об особенностях метаязыковой рефлексии, языковой картины мира.

В словнике представлены также просторечные, разговорные (народно-разговорные, разговорно-сниженные), иногда терминологические и даже литературные (в некоторых случаях устаревшие) номинации (ср.: **бурки, вытурить, говеть, головёшка, доканать, дотумкала, замусолил, замызгал, заплатка, зариться, зряшный, канючить, кулупать, матица, отхожее место, мотнул головой, мутовка, муторно, напялил, настезь, настропалила, ненароком, нужник, опостылел, отвадила, отопри, плескать, погнушалась, подсанки, половица, принаровил, расхныкалась, рукомойник, скобель, скоблиться, скуксился, смеркает, торна дорога, чухается, шаркает, шастать, шелупонь**). Без сомнения, оставить эти единицы в словнике – право автора и составителей. Однако в самой словарной статье необходима стилистическая помета, она есть только в единственном случае, при слове ТАЛДЫЧИТЬ (простореч.), в рефлексии Словаря русских народных говоров (с. 97).

Думается, что в ряде случаев составители могли проявить твердость и предложить автору иную орфографическую запись заголовочного слова (**насёртки** ~ насёрдки, **навзнич** ~ навзничь), а возможно, и грамматическую характеристику описываемого слова. Об этом стоит сказать, поскольку грамматическая зона в словарной статье отсутствует, а она в ряде случаев важна. Конечно, можно (и вероятно, нужно) признать компромиссное решение составителей, идущих навстречу желанию автора в подаче материала, но тогда этот момент следовало оговорить в данном разделе и привести аргументы. Так, заголовок для глаголов, иногда прилагательных совпадает с формой, зафиксированной в иллюстрации, в соответствии с материалами автора, а для существительных избирается классическая начальная форма им. п. ед. ч. В качестве демонстрации приведем примеры подачи глагола, прилагательного, существительного:

Вывонгал, обжора, всё съел; всё съел, сожрал; всё съел, слопал; всё выхлебал. Ср. ► **ВОНГАТЬ**, 1. Громко плакать; 2. Громко петь (1:226).
 © Это обжора, всё съел. Всё ведь вывонгал, все шпини вывонгал, ничё не оставил. Всё выхлебал, ничё не оставил ведь людям-то, гостям-то.

C. 34

Волглая, чуть-чуть сыроватая, пропитана водой, сыровата.

© (С.Л.): Пришла – у малицы подол весь волглый, така погода худа. Это Валентина Ивановна сказала при мне. При мне и записал ты [обращаясь к Л.Ф.] это слово. Потому что она пришла как раз, а погода какая-то была не очень хорошая, и это, ну, она пришла то ле в пальто, то ли шо, и подол-то так отряхивает: весь волглый подол-то у меня стал! Он [о Л.Ф.] г[овор]ит: О, у меня этого слова нету! Пошёл, сразу записал.

C. 33

Вехлея, идёт качается во все стороны.

© Выхляется во все стороны идёт. Он выхляется идёт, дак его могут назвать вехлея идёт. Он, вишь, идёт выхляется, вот вихлея-та! Ты прямо не пойдёшь, чё ле будешь там выхляться, в ту сторону, в другую, тебя сразу скажут: вихлея идёт кака!

C. 32

Многие лексикализованные грамматические формы, служебная лексика и т. д., встречающиеся в иллюстративной зоне (**позавони, посемес, сям, хуп-хар, чимзнат, дак, ле** и др.), оказавшейся вне фокуса внимания носителя диалекта (= автора), могли бы быть представлены в разделе «Диалектные слова в толкованиях лексем и устных комментариях Л. Ф. Соловьёва» (с. 112–115), поскольку они также являются важным объектом лексикографирования.

Далее следует зона толкования слова. Здесь нельзя не согласиться с идеей составителей

«сохранить и представить в словарной статье все без исключения авторские толкования, в том числе и дубли. Во-первых, это позволяет установить количество повторов и степень актуальности для Л. Ф. Соловьёва того или иного слова, а во-вторых, отразить степень воспроизводимости в метаязыковом сознании семантического толкования слова (высокая степень – в буквальном повторе толкования вновь введенного в словарь ранее уже фиксированного слова)» (с. 17–18).

Как указывалось выше, толкования слов также сопоставляются с данными диалектных словарей.

Среди способов толкования используются описательный, синонимический (иногда смешанный) и отсылочный. Особенно интересными в плане изучения особенностей авторских дифиниций являются первые два. Характерно в этом отношении, что при толковании через подбор синонимов автором используются не только известные литературные, но и диалектные лексемы, ср. подчеркнутые в дефинициях объяснения: ЕЛО-ЗИТЬ: Елозил, телом виньгался и попой тёрся об что-то (с. 41); ЖОГНУТЬ: Жогну, лячну, лочну, лягнуть, ударить, забить (с. 43); ЗАЙКОТИТЬ: Зайкотил, опризорил, порча (с. 45); Застебёнил, зауросил, заупрямился, стоит на своём (с. 48) и др. Что касается описательного способа, то его название также условно, поскольку он более похож на нетрадиционное толкование, когда в центре находится живое употребление слова в кон-

тексте. Включение таких словарных дефиниций, ориентированных на употребление слова, в толковые словари хотя и дискуссионно, но возможно, тем более что они начинают апробироваться словарями академического типа: ср., например, Толковый словарь русского языка под редакцией Д. В. Дмитриева [16], где как раз осуществлен поиск между научными и «наивными» языковыми представлениями. Думается, для диалектных словарей лексикографического дискурса это одна из перспективных тенденций, требующая осознания и смелости в наиболее оптимальном поиске толкования слова, а потому опору на живого носителя диалекта, его языковое чутье при толковании слова следует признать положительным фактом этого словаря.

Зона иллюстрации подтверждает функционирование слова в социуме, в речи носителей диалекта. В словаре используются иллюстрации из рукописей автора или из расшифровок устных бесед составителей с ним.

«С этой целью авторы-составители просили Леонида Фёдоровича дать устные комментарии к некоторым словам своего словаря, что позволило показать отмеченные им слова в естественной среде их бытования» (с. 17).

Такие иллюстрации помечены особым маркером-пиктограммой (8).

Собственно словарь заканчивается дополнительным разделом «Диалектные слова в толкованиях лексем и устных комментариях Л. Ф. Соловьёва», который расширяет состав словника. Мы также заметили отдельные словарные лакуны: **липты** – словарная статья ГОЛОВКА (с. 37), целый ряд однокоренных слов представлен в статьях: БАКСЕТЬ – **баксельый**, **баксель**, **баксельный** (с. 27), СОНБУРЫЙ – **санбура** / **самбура**,

самбурит (с. 93); не замечены такие приставочные образования, как **обзариться** – словарная статья **Зариться** (с. 47), **зауросил** – словарная статья **застебенил** (с. 48), **захуныкать** – статья **Искулибачился** (с. 51), **вылупить** – статья ЛУПИТЬ (с. 61), **наопушнять** – статья ОПУШНЯТЬ (с. 74), **вырозниться** – статья РАЗРОЗНИЛИСЬ (с. 86), **нахоркать** – статья ХОРКАТЬ (с. 105). Вероятно, отдельные словарные статьи стоило дать для слов **поветерье** и **потирало** (с. 80), **рукомойник** и **наблюдник** (с. 87) и др.

Заканчивают словарь разделы «Архивные источники» и «Приложение», в которое включены опубликованные статьи Ю. Н. Ильиной, посвященные исследованию словарных материалов Л. Ф. Соловьёва (с. 118–126, 127–130). Возможным в данном случае было бы включение и статьи Т. Н. Бунчук [4].

В заключение отметим, что комплиментарная часть рецензии перевешивает высказанные в рецензии замечания. Отдельные неточности, спорные моменты никак не снижают приятного впечатления от диалектного толкового словаря дифференциального типа.

Рецензенты уверены, что данные словаря неравнодушного к родному слову пижемца, особенности работы в данной области диалектографии еще не раз станут базой научного исследования. Отдельно отметим высокое качество полиграфического исполнения издания: лаконичность подачи визуальной информации, использование заголовочных графем, расположение лексикографического материала, цветовое решение и т. д. Словарь во всех отношениях будет образцом подобной работы для диалектологов-лексикографов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Березович Е. Л. Диалектный словарь М. С. Устиновой (лексика диалекта глазами диалектоносителя) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2003. Вып. 2. С. 267–277.
2. Березович Е. Л. М. С. Устинова как языковая личность (к публикации авторского диалектного словаря) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 128–137.
3. Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 371 с.
4. Бунчук Т. Н. Старинная пижемская лексика, собранная Л. Ф. Соловьёвым: к вопросу о языковом сознании диалектоносителя // Русское слово: литературный язык и народные говоры: Материалы Всерос. науч. конф. (Ярославль, 25–27 октября 2007 г.) / Отв. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль, 2008. С. 84–90.
5. Журавлёв А. Ф. Диалектный словарь личности (заметки о специфике жанра) // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20: Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 171–187.
6. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 312 с.
7. Королёва Е. Е. Диалектный словарь одной семьи (Пыталовский район Псковской области). Daugavpils: Saule, 2013. 356 с.
8. Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Тюмен. ун-т, 2000. 188 с.
9. Мищенко Д. Ф. Профессия: информант // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык: Тез. докл. междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г.). СПб., 2012. С. 40–42.
10. Мороз А. Б. «Старинные слова» в школьной тетрадке // Живая старина. 2010. № 1. С. 19–21.

11. Мызников С. А. Авторские диалектные севернорусские словари // Рябининские чтения-2007. Петрозаводск, 2007. С. 250–251.
12. Н е ф ё д о в а Е. А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 144 с.
13. Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
14. Следы: Словарь языка семьи Захаровых (город Макарьев Костромской области) / Сост. А. В. Громов; Авт. предисл. и заключ. Л. А. Громова. М.: Белый ветер, 2016. 171 с.
15. Т и м о ф е е в В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск: Изд-во Шадрин. гос. пед. ин-та, 1971. 141 с.
16. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель [и др.], 2003. 1582 с.
17. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 562 с.

Поступила в редакцию 17.03.2022; принята к публикации 29.04.2022

Review

Irina A. Kyurshunova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Lead Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7232-8756; kiam24@mail.ru

Elena R. Guseva, Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9896-6019; rafhatovna@mail.ru

The book review: “Old words”. Dictionary of a Pizhma dweller Leonid Fedorovich Solovyov. (T. N. Bunchuk, Yu. N. Ilyina, T. S. Kaneva, Comps.). Syktyvkar, 2021. 132 p.

Acknowledgements. The article was written as part of the state assignment 121070700122-5 “Fundamental and applied aspects of research of the Baltic-Finnic languages of Karelia and adjacent regions”.

For citation: Kyurshunova, I. A., Guseva, E. R. The book review: “Old words”. Dictionary of a Pizhma dweller Leonid Fedorovich Solovyov. (T. N. Bunchuk, Yu. N. Ilyina, T. S. Kaneva, Comps.). Syktyvkar, 2021. 132 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):118–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.783

REFERENCES

1. Berezovich, E. L. Dialect dictionary of M. S. Ustinova (dialect vocabulary through the eyes of a dialect speaker). *Current issues of field folklore studies*. Moscow, 2003. Issue 2. P. 267–277. (In Russ.)
2. Berezovich, E. L. M. S. Ustinova as a language personality (to the publication of an authorized dialect dictionary). *Yearbook of the Research Institute of Russian Culture*. 1995–1996. Yekaterinburg, 1997. P. 128–137. (In Russ.)
3. Bondarenko, E. D. Naive linguistics of dialect speakers: ethno-sociolinguistic aspect: Diss. Cand. Sc. (Philology). Yekaterinburg, 2016. 371 p. (In Russ.)
4. Bunchuk, T. N. Old Pizhma vocabulary collected by L. F. Solovyov: the question of a dialect speaker’s linguistic consciousness. *Russian word: literary language and folk dialects: Proceedings of the all-Russian research conference (Yaroslavl, October 25–27, 2007)*. (T. K. Khovrina, Ed.). Yaroslavl, 2008. P. 84–90. (In Russ.)
5. Zhuravlev, A. F. Dialect dictionary of personality (notes on the genre specifics). *Studies in Slavic Dialectology. Issue. 19–20: Slavic dialects in the modern language situation. Dialect dictionary as a way to study Slavic dialects*. (L. E. Kalnyn, Ed.). Moscow, 2018. P. 171–187. (In Russ.)
6. Ivantsova, E. V. Phenomenon of a dialect linguistic personality. Tomsk, 2002. 312 p. (In Russ.)
7. Koroleva, E. E. Dialect dictionary of one family (Pytalovsky District of the Pskov Region). Daugavpils, 2013. 356 p. (In Russ.)
8. Lyutikova, V. D. Dictionary of dialect personality. Tyumen, 2000. 188 p. (In Russ.)
9. Mishchenko, D. F. Profession: informant. “Folk Linguistics”: the view of native speakers on the language: Abstracts of the international research conference (St. Petersburg, November 19–21, 2012). St. Petersburg, 2012. P. 40–42. (In Russ.)
10. Moroz, A. B. “Old words” in a school notebook. *Living Antiquity*. 2010;1:19–21. (In Russ.)
11. Myznikov, S. A. Author’s North Russian dialect dictionaries. *Ryabinin Readings–2007*. Petrozavodsk, 2007. P. 250–251. (In Russ.)
12. Nefedova, E. A. Expressive dictionary of dialect personality. Moscow, 2001. 144 p. (In Russ.)
13. Complete dictionary of dialect language personality. (E. V. Ivantsova, Ed.). Tomsk, 2006–2012. Vol. 1–4. (In Russ.)
14. Traces: Dictionary of the Zakharov family’s language (city of Makaryev in the Kostroma Region). (A. V. Gromov, Comp.; L. A. Gromova, Foreword and Conclusion). Moscow, 2016. 171 p. (In Russ.)
15. Timofeev, V. P. Dialect dictionary of personality. Shadrinsk, 1971. 141 p. (In Russ.)
16. Explanatory dictionary of the Russian language. (D. V. Dmitrieva, Ed.). Moscow, 2003. 1582 p. (In Russ.)
17. Tolstova, G. A. Dictionary of Agafya Lykova’s language. Krasnoyarsk, 2004. 562 p. (In Russ.)

Received: 17 March, 2022; accepted: 29 April, 2022

III Национальная научно-практическая конференция «Компаративистика на современном этапе: теория и практика»

18 ноября 2021 года кафедра германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводского государственного университета провела III Национальную научно-практическую конференцию «Компаративистика на современном этапе: теория и практика». Направлениями конференции стали: 1) литературные конвергенции; 2) вопросы рецепции русской литературы в Западной Европе и США; 3) межкультурная коммуникация: взаимодействие культур и традиций на уроках иностранных языков; 4) лингвистические аспекты межкультурной коммуникации и интеркультурная транслатология. В конференции приняли участие представители ПетрГУ, Петрозаводского президентского кадетского училища, Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Будённого Министерства обороны РФ (Санкт-Петербург).

Выступление д. филол. н. Н. Г. Шарапенковой было посвящено основателю кафедры германской филологии, ученому-компаративисту Л. И. Мальчукову и подготовленному к его 80-летию сборнику «Диалоги культур в мировой словесности». Продолжили пленарное заседание доклады, посвященные сравнительному подходу в изучении творчества русских поэтов XVIII века и литературной сказке. Доктор филол. н. Н. В. Патронева рассмотрела творчество русского поэта А. Х. Востокова в широкой перспективе межлитературных и межкультурных взаимодействий. О. Ю. Алтусарь (Петрозаводское президентское кадетское училище) представила опыт сравнительного рассмотрения сказки «Белоснежка и семь гномов» братьев Grimm и «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина. В рамках секции «Литературоведческая компаративистика» прозвучали доклады, посвященные рецепции основных тем Ф. М. Достоевского (к юбилею писателя) в творчестве американского писателя У. Фолкнера (проф. И. В. Львова), проблемам терминологического различия в западноевропейской литературе философского и интеллектуального романа (аспирант И. В. Чепурина). Доклады обучающихся магистратуры были посвящены сравнительному изучению творчества писателей-экспрессионистов

П. Лагерквиста и Л. Андреева (П. Якушева), образу «чужой родины» в лирике немецкоязычного поэта Р. М. Рильке и М. Цветаевой (А. Амелина), образам моря и моряков у П. Хёга и Ю. Теорина (обучающаяся бакалавриата 4-го курса И. Сухоцкая). В рамках секции «Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения и межкультурной коммуникации» выступающие охватили широкий спектр вопросов, как в области лингвистики (к. филол. н. К. Ю. Ереметова, ст. преподаватель М. А. Коновалова), так и лингвопереводческого (к. филол. н. Т. С. Давыдова), лингводидактического (ст. преподаватель И. В. Федорова), историко-литературоведческого (к. филол. н. С. Р. Недбайлик) и педагогического плана (д. пед. н. Е. В. Борзова, к. пед. н. М. А. Шеманаева).

В рамках конференции состоялся круглый стол, который был посвящен межкультурной коммуникации в меняющемся социальном контексте. С. В. Васильева, к. филос. н., модератор, в докладе представила анализ современного состояния общества в условиях пандемии и изоляции, обозначила узловые моменты последствий и влияния возникшего кризиса на коммуникацию в целом и, в частности, на коммуникативные процессы в академическом пространстве. В работе круглого стола приняли участие обучающиеся 1-го курса магистратуры Института филологии: Е. Еремеева, Т. Озеринникова, О. Соколова, С. Тимонина. Их выступления были посвящены коммуникативному пространству университета, современной теории конфликта в преломлении взглядов разных ученых, а также проблеме консенсуса и диссенсуса. По итогам конференции готовится сборник научных статей.

Оргкомитет планирует продолжение научной дискуссии, связанной с вопросами компаративистики и кросскультурными взаимодействиями, и в 2022 году собирается провести очередную, уже четвертую по счету конференцию.

*Н. Г. Шарапенкова,
д. филол. н., Петрозаводский государственный университет
natshar@mail.ru*

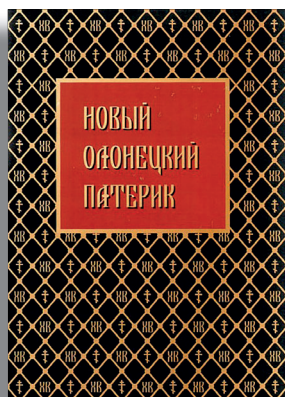
*С. В. Васильева,
к. филос. н., Петрозаводский государственный университет
milorada07@mail.ru*

Natalia G. Sharapenkova, Dr. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
natshar@mail.ru

Svetlana V. Vasilyeva, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
milorada07@mail.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Chernyaeva N. G.</i> THE COMIC IN SERGEY DOVLATOV'S PROSE (A FOLKLORIST'S VIEW)	64
LINGUISTICS			
<i>Sosnina L. V.</i> PECULIARITIES OF PARTICIPLES' FUNCTIONING IN UNIVERBALIZATION COMPOSITES	8	Celebrating the 60th anniversary of Alexander V. Pigin	
LITERARY STUDIES		<i>Moroz A. B.</i> OLD BELIEVERS' COLLECTION OF SPIRITUAL SONGS AND CHURCH BOOKS EXTRACTS FROM THE VILLAGE OF TROITSA, KARGOPOL DISTRICT: COMPOSITION, STRUCTURE, IDEOLOGY	75
<i>Ivanova T. G.</i> FROM TEXTOLOGICAL NOTES ON FOLKLORE WORKS (RIGHT TO CONJECTURE AND RULES OF CONJECTURE)	14	<i>Ryzhova E. A.</i> THE ISSUE OF GENRE INTERACTION: NORTHERN RUSSIAN HAGIOGRAPHIC MONUMENTS ABOUT MIRACULOUSLY REVEALED ICONS AND SAINTS	85
<i>Altynbayeva G. M.</i> ALEXANDER SOLZHENITSYN'S "NOBEL LECTURE" AS HIS AESTHETIC CREDO	20	<i>Soboleva A. E.</i> "VERSES PRESENTED TO READERS" IN THE LIFE OF ST. ALEXANDER SVIRSKY DATING FROM THE XVIII CENTURY	97
<i>Shilova N. L.</i> MEDIA IMAGE OF KIZHI ISLAND IN SOVIET MAGAZINES OF THE 1950S AND 1960S: FORMULATING THE QUESTION	26	Anniversary	
Academic seminar commemorating the 100th anniversary of Irina P. Lupanova		<i>Loiter S. M.</i> Celebrating the 60th anniversary of Alexander V. Pigin. . .	105
<i>Markovskaya E. F.</i> TIME AND PEOPLE OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: THE LUPANOV FAMILY . . .	33	Memory	
<i>Vigerina L. I.</i> "CITY VS VILLAGE" OPPOSITION IN PAVEL ZASODIMSKY'S <i>HEARTFELT STORIES</i>	41	<i>Tarlanov Z. K.</i> Professor Lidiya V. Savelyeva: strokes to the portrait of a scholar (celebrating her 85th anniversary). . .	109
<i>Safron E. A.</i> SPECIFIC POETICS OF SVEN NORDQVIST'S SERIES ABOUT PETTSON AND FINDUS	49	Reviews	
<i>Filimonchik S. N.</i> RUSSIAN UNIVERSITY OF THE MID-TWENTIETH CENTURY AS A COMMUNICATION SPACE IN IRINA LUPANOVA'S BOOK <i>THE PAST IS PASSING BEFORE ME</i>	54	<i>Kyurshunova I. A., Guseva E. R.</i> The book review: "Old words". Dictionary of a Pizhma dweller Leonid Fedorovich Solovyov. . . .	118
		Scientific information	
		<i>Sharapenkova N. G., Vasilyeva S. V.</i> III National Research and Practical Conference "Contemporary Comparativism: Theory and Practice"	123

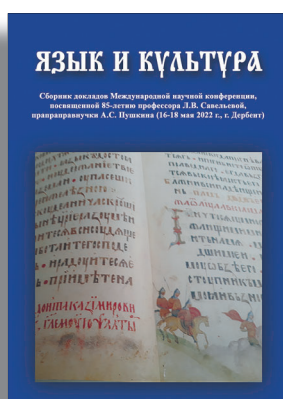

НОВЫЙ ОЛОНЕЦКИЙ ПАТЕРИК

Патерик – сборник житий святых одного монастыря или определенной местности. «Новый Олонецкий патерик» включает жития святых, подвизавшихся в XIV–XX вв. на территории Обонежья (Олонецкого края, Карелии), небесных покровителей земли Карельской. Жития переведены на современный язык по старинным рукописным оригиналам. Опубликовано также сочинения Е. В. Барсова и архимандрита Никодима (Кононова), представляющие собой первые попытки изложения местной агиографии, и статьи о тех святых, жития которых не были написаны или пока не обнаружены. Все тексты сопровождаются историческими комментариями. Издание адресовано в первую очередь православному читателю, воспринимающему жития святых как нравственное душеполезное чтение и как ценный источник по истории Русской Церкви.

Новый Олонецкий патерик / Сост., отв. редактор и автор предисловия доктор филологических наук, профессор А. В. Пигин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. – 584 с.

В данном номере публикуется подборка статей к юбилею А. В. Пигина

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

В сборник вошли доклады, представленные на Международную научную конференцию, посвященную 85-летию известного исследователя русского языка и его истории, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ и КАССР Л. В. Савельевой, прапраправнучки А. С. Пушкина, а также другие материалы, относящиеся к характеристике ее многолетней научной и научно-педагогической деятельности. Доклады и материалы, удовлетворяющие высоким требованиям отечественной лингвистической науки и филологической культуры, охватывают разные аспекты и проблемы русского и общего языкознания, отчасти и филологии и выполнены с привлечением новых фактических данных по истории и современному состоянию русского языка.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям вузов и школ, исследователям русского языка и его истории, филологам, занимающимся русской словесной культурой, а также широкому заинтересованному читателю.

Язык и культура: Сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 85-летию профессора Л. В. Савельевой, прапраправнучки А. С. Пушкина (16–18 мая 2022 г., г. Дербент). – Махачкала: АЛЕФ, 2022. – 312 с.

В данном номере опубликована статья, посвященная Л. В. Савельевой

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. 2021. № 2

20-й номер посвящен тому, каким образом может быть прочитана детская литература с точки зрения поиска в ней репрезентаций гендерных ролей детей и взрослых. Изучение детской литературы позволяет ставить вопросы, связанные с особенностями истории детской литературы: опережает или отстает детская литература в изображении сдвигов гендерных ролей, обусловленных теми или иными историческими обстоятельствами? Насколько образы детей зависят от имеющихся в обществе представлений о нормах поведения мальчиков и девочек? Влияют ли жанровые и нарративные особенности произведений для детей на поддержание гендерных стереотипов или, напротив, позволяют их преодолевать?

В 20-м выпуске «Детских чтений» опубликована информация о семинаре, посвященном 100-летию И. П. Лупановой.

В данном номере журнала опубликованы статьи семинара

«СЛОВА СТАРИННЫЕ». Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва

В издании публикуются материалы рукописного словаря, составленного жителем села Замежная на реке Пижме (Усть-Цилемский район Республики Коми) Леонидом Фёдоровичем Соловьёвым (1934 г. р.). Материалы систематизированы по алфавитному принципу, соотнесены с региональными и общенациональными словарями русских говоров и сопровождаются комментариями-иллюстрациями автора словаря, полученными в ходе многолетних встреч с ним собирателей Сыктывкарского университета. Данный словарь представляет интерес как источник, позволяющий выявить характер языковой рефлексии диалектоносителя, определить особенности восприятия окружающей действительности в условиях локальной народной культуры и отражения ее в языке, выделить семантико-понятийные сферы, актуальные для языковой личности.

Предназначено для лингвистов, этнографов, а также широкого круга специалистов, интересующихся севернорусской культурой, и любителей русского народного слова.

«Слова старинные». Словарь пижемца Леонида Фёдоровича Соловьёва / сост.: Т. Н. Бунчук, Ю. Н. Ильина, Т. С. Канева. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021. – 132 с.

Отзыв о словаре читайте в рубрике «Рецензии»

